

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
(Академия ВЭГУ)

Вестник ВЭГУ

Научный журнал
по социально-экономическим,
общественным и
гуманитарным наукам

№ 4 (96)

Июль – август 2018 г.

Издается с ноября 1995 г.
Выходит один раз в два месяца

Учредитель и издатель:

Восточная экономико-
юридическая
гуманитарная академия
(Академия ВЭГУ)

Редакционный совет журнала:

Председатель редсовета
Е.К.МИННИБАЕВ
(гл. ред. журнала)
д-р ист. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

зам. председателя редсовета
С.В.ЕГОРЫШЕВ
(зам. гл. ред. журнала)
д-р социол. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

М.Х.АБУСЕИТОВА
д-р ист. наук, профессор,
чл.-кор. Национальной АН
Республики Казахстан
(г. Алматы, Республика
Казахстан)

АЛИЦА ВАНЧОВА
д-р пед. наук, профессор
(г. Братислава,
Словацкая Республика)

С.А.БАЛАШЕНКО
д-р юрид. наук, профессор
(г. Минск, Республика Беларусь)

ВИРДЖИНИЯ Ф.КЛИСТ
канд. экон. наук, профессор
(г. Моргантаун, США)

СОДЕРЖАНИЕ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

(педагогика, социология, юриспруденция)

- Ахмадуллина Х.М., Ахмадуллин У.З.,
Горбаткова Е.Ю.**
Двигательная активность учащихся младшего
школьного возраста (в рамках спортивно-
оздоровительного проекта «Здоровое
поколение – сильный регион»)7
- Бикметов Е.Ю., Голиков С.В., Кунгурцева Г.Ф.**
Методологические основы исследования
процессов формирования и удовлетворения
духовных потребностей граждан России
в условиях рынка14
- Егорышев С.В.**
Тенденции и особенности преступности
как деструктивной формы социальной девиации
в современной России23
- Емельянова И.Е., Емельянова Л.А., Пикулева Л.К.**
Преимственность в развитии конструкторских
способностей детей в аспекте
освоения робототехники35
- Киекбаев М.Дж., Ильясова Г.Р., Акчулпанов Ю.К.**
Теоретико-методологические подходы
в социологии к пониманию природы девиантного
поведения48

Р.Ф.ГАБИДУЛЛИН
канд. пед. наук, доцент
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

М.И.ГАРИПОВ
д-р пед. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

А.С.ГАЯЗОВ
д-р пед. наук, профессор,
член-корреспондент РАО,
действительный член АН РБ
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

Х.Н.ГИЗАТУЛЛИН
д-р экон. наук, профессор
член-корреспондент РАН
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

Ю.Ю.КОМЛЕВ
д-р социол. наук, профессор
(г. Казань, Республика
Татарстан)

Т.Н.НУРКАЕВА
д-р юрид. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

Н.Н.РАЗУБАЕВА
д-р ист. наук, профессор
(г. Москва, Россия)

З.Я.РАХМАТУЛЛИНА
д-р филос. наук, профессор
(г. Москва, Россия)

В.К.САМИГУЛЛИН
д-р юрид. наук, профессор
(г. Уфа, Республика
Башкортостан)

ХАЯТИ ТЮФЕКЧИОГЛУ,
д-р социол. наук, профессор,
вице-президент Евразийского
союза социологов (г. Стамбул,
Турецкая Республика)

Редколлегия выпуска:

С.В.ЕГОРЫШЕВ,
отв. редактор, д-р социол. наук,
профессор

Макина Л.Р., Кулешов Р.С.

Анализ мотивов спортивной деятельности
у легкоатлетов 10–12 лет с нарушением
интеллекта57

Мачнев В.Я., Митрофанова С.Ю.

К вопросу о преподавании социогуманитарных
дисциплин в современных условиях
(на примере социологических дисциплин)62

Натарова Д.В., Щелчкова Н.Н.

Безопасность деятельности и педагогическая
поддержка обучающихся на случай
возникновения чрезвычайных ситуаций69

Нуркаева Т.Н., Артамонова М.А.

Историко-правовые аспекты становления и
развития российского уголовного законодательства
об ответственности за преступления,
связанные с суицидом78

Серкина Н.Е., Серкин П.Е.

Социальная инженерия К.Поппера и
информационное общество87

Тараканов А.В., Крайнова Е.А.

Анализ эффективности и качества
подготовки бакалавров в области
информационных технологий95

Царева Р.Ш., Царев С.А.

Факторы формирования субъектного опыта
фасилитатора в полемическом
взаимодействии студентов102

Чуркина Л.М.

Практика арбитражных судов
по корпоративным договорам109

Щукина Н.П.

Дорожная карта ресоциализации и реального
включения в гражданское общество лиц,
отбывших уголовное наказание и освобожденных
от него: направления разработки в ракурсе
гуманизации уголовной политики116

ЗА РУБЕЖОМ

Байкан Сезер

Основные проблемы турецкой социологии
(разделы книг)129

Х.М.АХМАДУЛЛИНА,
д-р мед. наук, профессор
А.С.ГАЯЗОВ,
д-р пед. наук, профессор,
академик АН РБ
Ю.Ю.КОМЛЕВ,
д-р социол. наук, профессор
Ф.Ф.ЛИТВИНОВИЧ,
канд. юрид. наук, доцент
Г.В.МОРДВИНЦЕВ,
канд. ист. наук, доцент
Т.Н.НУРКАЕВА,
д-р юрид. наук, профессор
Ю.В.СИРЕНКО,
канд. пед. наук, доцент
О.А.ВАХИТОВА,
отв. секретарь журнала

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных тех-
нологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–65399
от 18.04.2016 г.

**Журнал включен ВАК
Минобрнауки РФ в перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий,
в которых должны
публиковаться основные
научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на
соискание ученой степени доктора
наук по следующим группам
специальностей:**
13.00.00 – педагогические науки
22.00.00 – социологические науки
12.00.00 – юридические науки

**Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования**

Подписной индекс в каталоге
агентства «Роспечать»
81410

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

- Исламова В.Р.**
Периодизация становления и развития
института морального вреда
в отечественном праве143
- Костенко В.В.**
Особенности протестной деятельности
молодежных общественных организаций
в регионах Центрального федерального округа
России на современном этапе
процесса общественного развития151
- Шевченко А.И.**
Принципы отбора и организации
межкультурной профессионально-ориентированной
образовательной среды для формирования
межкультурной компетенции у бакалавров
неязыкового профиля161

ЛЮДИ И ДАТЫ

- Филимонов М.А.**
Рабочий вопрос в политике органов советской
власти и антибольшевистских правительств
в годы гражданской войны
(на материалах Башкортостана)168

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Рецензия на энциклопедию «ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО»,
изданную в Научно-исследовательском центре
национально-языковых отношений
Института языкознания РАН
(М. : «Азбуковник», 2016. 872 с.)180
- Памяти сражавшихся и павших
советских героев Великой Отечественной войны
1941–1945 годов184
- Новинки издательства187

Eastern Humanitarian Academy of Economics and Law
(Academy of VEGU)

Vestnik of VEGU

Scientific journal
on socio-economic and
social sciences and
humanities

№ 4 (96)

July–August 2018 г.

Published since 1995
Issued once in two months

Founder and Publisher:

Eastern Humanitarian
Academy of Economics
and Law
(Academy of VEGU)

Editorial Council

Chairman of the Editorial Council
E.K.MINNIBAEV
(Editor-in-Chief)
Dr. Sc. (History), Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

Deputy Chairman of the Editorial
Council
S.V.EGORYSHEV
(Deputy Chief Editor)
Dr. Sc. (Sociology), Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

M.H.ABUSEITOVA
Dr. Sc. (History), Professor
Corresponding Member
of the National Academy of
Sciences of the Republic
of Kazakhstan
(Almaty, Republic of Kazakhstan)

ALITSA VANCHOVA
Dr. Sc. (Pedagogy), Professor
(Bratislava, Slovak Republic)

S.A.BALASHENKO
Dr. Sc. (Law), Professor
(Minsk, Republic of Belarus)

VIRGINIA F. KLIST
PhD in Economics, Professor
(Morgantown, USA)

R.F.GABIDULLIN
Cand. Sc. (Pedagogy), Associate
Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

CONTENTS

SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES
(*Pedagogy, Sociology, Law*)

- Akhmadullina Kh.M., Akhmadullin U.Z.,
Gorbatkova E.Yu.**
The Motor Activity of Primary Schoolchildren
(with in the Framework of a Sports and
Recreational Project “Healthy Generation
is a Strong Region”)7
- Bikmetov E.Yu., Golikov S.V., Kungurtseva G.F.**
Methodological Bases of Research
of Formation Processes and Satisfaction
of Spiritual Needs citizen of Russia
in Market Conditions14
- Egoryshev S.V.**
Tendencies and Peculiarities of Criminality
as a Destructive Form of Social Deviation
in Modern Russia23
- Emelyanova I.E., Emelyanova L.A., Pikuleva L.K.**
Continuity in Development of Children's
Design Abilities in Mastering Robotics35
- Kiekbaev M.J., Ilyasova G.R., Akchulpanov Yu.K.**
Theoretical and Methodological Approaches
in Sociology to the Definition of the Concept
of Deviant Behavior48
- Makina L.R., Kuleshov R.S.**
Analysis of the Motives of Sports Activities
of Athletes with Intellectual Disabilities
Aged 10–1257

M.I.GARIPOV
Dr. Sc. (Pedagogy), Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

A.S.GAYZOV
Dr. Sc. (Pedagogy), Professor,
Corresponding Member of RAE,
Full Member of the Academy
of Sciences of the Republic
of Bashkortostan
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

H.N.GIZATULLIN
Dr. Sc. (Economy), Professor
Corresponding Member of the Rus-
sian Academy of Sciences
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

YU.YU.KOMLEV
Dr. Sc. (Sociology), Professor
(Kazan, Republic of Tatarstan)

T.N.NURKAEVA
Dr. Sc. (Law), Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

N.N.Razuvayeva
Dr. Sc. (History), Professor
(Moscow, Russia)

Z.YA.RAKHMATULLINA
Dr. Sc. (Philosophy), Professor
(Moscow, Russia)

V.K.SAMIGULLIN
Dr. Sc. (Law), Professor
(Ufa, Republic of Bashkortostan)

HAYATI TÜFEKÇIOĞLU
Dr. Sc. (Sociology), Professor,
Vice-President of the Eurasian
Union of Sociologists
(Istanbul, Turkish Republic)

Editorial board of issue

S.V.EGORYSHEV,
Managing Editor, Dr. Sc.
(Sociology), Professor

H.M.AKHMADULLINA,
Dr. Sc. (Medicine), Professor

A.S.GAYAZOV,
Dr. Sc. (Pedagogy), Professor,
Academician of the Academy
of Sciences of the Republic
of Bashkortostan

YU.YU.KOMLEV,
Dr. Sc. (Sociology), Professor

Machnev V.Ya., Mitrofanova S.Yu.
On the Issue of Teaching Social and Humanitarian
Disciplines in Modern Conditions
(Based on Sociological Disciplines)62

Natarova D.V., Shchelchkova N.N.
Safety of Activity and Pedagogical Support
of Trainees in Case of Emergencies69

Nurkayeva T.N., Artamonova M.A.
Historical and Legal Aspects of the Formation
and Development of the Russian Criminal Legislation
on Liability for Suicide-Related Crimes78

Serkina N.E., Serkin P.E.
K.Popper's Social Engineering and
Information Society87

Tarakanov A.V., Krainova E.A.
Analysis of the Effectiveness and Quality
of Training Bachelors in the Field
of Information Technologies95

Tsareva R.Sh., Tsarev S.A.
Factors of Forming a Subject Experience
of Facilitator in Polemic Interaction of Students102

Churkina L.M.
The Practice of Arbitration Courts on Corporate
Contracts109

Shchukina N.P.
Road Map for Resocialization and Real Inclusion
of Persons who Served a Criminal Sentence and
were Released from it in Civil Society: Directions
of Development in the View of Humanization
of Criminal Policy116

Abroad

Baikan Sezer
The Major Issues of Turkish Sociology
(Books sections)129

YOUNG SCIENTISTS' PUBLICATIONS

V.R.Islamova
Periodization of the Formation and Development
of the Institution of Moral Harm
in the Domestic Law143

F.F.LITVINOVICH,
Cand. Sc. (Law), Associate Professor

G.V.MORDVINTSEV,
Cand. Sc. (History),
Associate Professor

T.N.NURKAEVA,
Dr. Sc. (Law), Professor

YU.V.SIRENKO,
Cand. Sc. (Pedagogy),
Associate Professor

O.A.VAKHITOVA,
Executive Editor

The Journal is registered in the
Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communication, Information
Technology and Mass Communications
Registration Certificate
ПИ № ФС 77-65399
of April 18, 2016

**The Journal is included by
the Higher Attestation Commission
(VAK) of the Ministry of Educa-
tion and Science
of the Russian Federation
into the List of the leading reviewed
scientific journals and editions
in which main scientific results
of doctoral and candidate degree
dissertations should be published
on the following group of specialties:
13.00.00 – Pedagogical Sciences
22.00.00 – Sociological Sciences
12.00.00 – Juridical Sciences**

**The Journal is included in the
system of the Russian Science
Citation Index
Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования**

The subscription index in the
catalogue of the “Rospechat”
agency is 81410

V.V.Kostenko

Features of Protest Activity of Youth Public
Organizations in the Regions of the Central
Federal District of Russia at the Present Stage
of Social Development151

A.I.Shevchenko

Principles of Selection and Organization
of Intercultural Professionally Oriented Educational
Environment for Formation of Intercultural Competence
in Bachelors of Non-Language Profile161

PEOPLE AND DATES

Filimonov M.A.

The Working Issue in the Policy of the Bodies
of Soviet Power and Anti-Bolshevik Governments
during the Civil War (Based on the Experience
of Bashkortostan)168

SCIENTIFIC LIFE

REVIEW of the encyclopedia “LANGUAGE AND
SOCIETY” published in the Scientific Research
Center of National Language Relations of the
Institute of Linguistics of the Russian Academy
of Sciences (M.: “Azbukovnik”, 2016. 872 p.)180

In memory of fighting and fallen Soviet heroes
of the Great Patriotic War of 1941–1945184

Novelties of the publishing house187

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**
(педагогика, социология, юриспруденция)

УДК 611.7:37.3

Х.М.Ахмадуллина, У.З.Ахмадуллин, Е.Ю.Горбаткова

**Двигательная активность учащихся младшего школьного
возраста (в рамках спортивно-оздоровительного проекта
«Здоровое поколение – сильный регион»)**

Статья раскрывает роль двигательной активности младших школьников как важнейшего условия гармоничного развития личности ребенка. Представлены результаты морфофункциональных исследований учащихся первых классов, включенных в экспериментальную группу, в рамках реализации спортивно-оздоровительного проекта «Здоровое поколение – сильный регион» в Республике Башкортостан. Обоснована необходимость изучения уровня физического развития школьников, который оценивается комплексом антропометрических показателей и функциональных проб.

Ключевые слова и фразы: двигательная активность; физическое развитие; морфофункциональные исследования; младший школьный возраст.

Kh.M.Akhmadullina, U.Z.Akhmadullin, E.Yu.Gorbatkova

**The Motor Activity of Primary Schoolchildren
(with in the Framework of a Sports and Recreational Project
“Healthy Generation is a Strong Region”)**

The article considers the role of the motor activity of primary schoolchildren as the most important condition for the harmonious development of the child's personality. It presents the results of morpho-functional studies of pupils of the first grades included in the experimental group in the framework of the realization of the health-improving project “Healthy generation is a strong region” in the Republic of

Ахмадуллина Хамида Минвалиевна, профессор кафедры педагогики и филологии Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), доктор медицинских наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: ahm2610@rambler.ru

Ахмадуллин Ульфат Зиганнурович, доцент кафедры гигиены Башкирского государственного медицинского университета, кандидат медицинских наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: ulfat1955@rambler.ru

Горбаткова Елена Юрьевна, доцент кафедры охраны здоровья и безопасности жизнедеятельности Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы, кандидат педагогических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: gorbatkovaeu@mail.ru

© Ахмадуллина Х.М., Ахмадуллин У.З., Горбаткова Е.Ю., 2018

Bashkortostan. The necessity of studying the level of physical development of schoolchildren, which is estimated by a complex of anthropometric indicators and functional samples, is substantiated.

Key words and phrases: motor activity, physical development, morpho-functional studies, junior school age.

Забота о физическом и психическом здоровье детей является одной из гражданских обязанностей взрослых. Гарантом обеспечения здоровья детей выступает общество и государство. В соответствии с Законом «Об образовании» здоровье детей и подростков относится к приоритетным направлениям государственной политики в сфере образования и определяет дальнейшее экономическое и социальное благополучие российского общества [1].

Как свидетельствуют данные официальной статистики, в России проживают более 26 млн детей, из них 13,4 млн обучаются в образовательных учреждениях. В современной школе тесным образом переплетаются проблемы здоровья и образования. С каждым годом обучения увеличивается количество школьников, имеющих нарушения в состоянии здоровья. По данным Научного центра здоровья детей РАМН, только 10 % выпускников общеобразовательных учреждений могут быть отнесены к категории здоровых [2].

Определенную роль в ухудшении здоровья детского населения играет проводимое в последние десятилетия реформирование системы образования, часто не учитывающее функциональные возможности современных школьников. К сожалению, частые изменения образовательных стратегий и технологий проводятся без соответствующего физиолого-гигиенического обоснования.

Интенсификация учебного процесса приводит к преобладанию статических нагрузок на организм учащихся и сокращению объема их двигательной активности. В связи с этим среди факторов, положительно влияющих на состояние здоровья учащихся в период обучения, исследователи в первую очередь выделяют оптимизацию объема и содержания двигательной активности [3].

Особую значимость представляет состояние здоровья учащихся первых классов. Поступление в школу – переломный момент в жизни каждого ребенка. Это начало школьной жизни, начало особой учебной деятельности, требующей от ребенка не только значительного умственного напряжения, но и большой физической выносливости.

Исследованиями гигиенистов доказано, что до 82–85 % дневного времени большинство учащихся находится в статическом положении (сидя); в связи с началом учебной деятельности их двигательная активность сокращается вдвое, снижаясь от младших классов к старшим. В младших классах учащиеся проводят за партой от 4 до 6 часов в день [4]. Вместе с тем статическая выносливость у младших школьников невелика, утомление организма развивается относительно быстро, что связано с возрастными особенностями двигательного анализатора.

Готовность школьника к обучению в школе определяется, прежде всего, его анатомо-физиологическим и психическим развитием, значительной морфофункциональной перестройкой организма, которая обеспечивает включение ребенка в учебную деятельность и формирование ряда особенностей личности. В этом возрасте происходят качественные и структурные изменения головного мозга ребенка. Особенно сильно развиваются большие полушария, в первую очередь, лобные доли, связанные с деятельностью второй сигнальной системы. Происходят изменения и в

протекании основных нервных процессов возбуждения и торможения: увеличивается возможность тормозных реакций [5].

Костно-мышечный аппарат детей до 10 лет отличается сравнительно большой гибкостью, что объясняется наличием в костях значительного количества хрящевой ткани, повышенной эластичностью клеток. Поэтому в младшем школьном возрасте встречаются случаи искривления позвоночника как следствие неправильной посадки [5]. Это неблагоприятно влияет на рост и формирование грудной клетки, уменьшает жизненную емкость легких, что затрудняет развитие организма в целом. Длительные упражнения в письме или других видах деятельности, в которых участвует рука, влекут за собой искривление костей.

В научной литературе приводятся различные данные о влиянии двигательной активности на состояние здоровья. Исследованиями В.В.Павлова (2007) было доказано, что два урока в неделю, согласно существовавшей на тот момент школьной программе, даже при использовании самых передовых технологий, не дают школьнику необходимой мышечной нагрузки, не позволяют развивать в полной мере его двигательные способности, не формируют потребности к физическим нагрузкам. Два урока физической культуры в неделю не выполняют ни тактических, ни стратегических задач физического воспитания младших школьников [6]. У специалистов в области физического воспитания детей нет сомнения в необходимости увеличения организованной двигательной активности детей. Полноценное развитие детей без активных физкультурно-спортивных занятий практически недостижимо.

Многие авторы сходятся во мнении, что физическая активность – это один из важнейших компонентов здорового образа жизни, без него невозможно сохранение и укрепление здоровья, особенно в детском возрасте, когда идет процесс формирования всех функциональных систем организма [7]. Поэтому важным критерием оценки здоровья школьников нужно считать уровень их физического развития и физической подготовленности.

Хронологию различных по темпам роста периодов развития физических качеств у детей школьного возраста приводит А.А.Гужаловский [8]. Согласно его схеме, у мальчиков начальных классов отмечаются наиболее высокие темпы роста в быстроте, гибкости и общей выносливости и умеренно высокие темпы прироста в силе и скоростно-силовых качествах.

У девочек фиксируются наиболее высокие темпы прироста по быстроте, а у 9–10-летних по скоростно-силовым качествам, статической и динамической выносливости. Умеренно высокие темпы прироста отмечены в силе, гибкости и общей выносливости.

Выявлено также, что между уровнем сформированности физических качеств и антропометрическими показателями существует тесная связь, которая отражается на уровне физической и умственной работоспособности школьников. У детей соматически ослабленных, часто болеющих наблюдаются сниженный уровень общей выносливости, недостаточный уровень физической подготовленности, нарушения произвольного внимания и памяти [8]. Все это свидетельствует о том, что систематическая, целенаправленная и комплексная работа по физическому воспитанию должна проводиться на всех этапах образования подрастающего поколения. Особенно это актуально на ранних этапах взросления детей, на этапе младшего школьного возраста, когда ребенок только поступает в школу. Чтобы укрепить его здоро-

вье и предотвратить дальнейшие нарушения необходимо создавать условия для двигательной активности.

Начиная с семилетнего возраста, заботу о физическом воспитании детей в значительной мере берет на себя школа. При этом для подавляющего большинства из них единственной организованной формой физического воспитания являются уроки физической культуры, которые компенсируют в среднем 11 % необходимого суточного объема движений. За счет самостоятельной двигательной активности учащиеся младшего школьного возраста реализуют также 50 % оптимального числа движений.

В настоящее время обучение по программе физического воспитания с трехчасовой недельной нагрузкой в определенной мере способствует обеспечению требуемым организму детей количеством движений. Однако этого все равно недостаточно, поскольку в силу своих возрастных особенностей младшие школьники испытывают большую потребность в двигательной активности. Правильная организация процесса физического воспитания и систематические занятия физическими упражнениями, особенно в детском возрасте, укрепляют и сохраняют здоровье; физическая культура является естественным защитным барьером от отрицательных воздействий окружающей среды.

В свете вышесказанного несомненный интерес представляет опыт реализации спортивно-оздоровительного проекта «Здоровое поколение – сильный регион», который стартовал в Республике Башкортостан в 2015 году по поручению Главы республики Р.З.Хамитова. Координатором данного проекта выступает Министерство молодежной политики и спорта Республики Башкортостан при участии Министерства образования Республики Башкортостан и Министерства здравоохранения Республики Башкортостан.

В спортивно-оздоровительный проект «Здоровое поколение – сильный регион» вовлечены общеобразовательные организации муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан, что дает возможность школьникам независимо от места проживания и социального статуса семьи принять в нем участие.

Особенностью проекта является включение для экспериментальных классов дополнительных 6 часов общефизических занятий в неделю, то есть суммарное количество составляет 9 часов в неделю (вместо нормативных 3 часов в неделю), что существенно повышает двигательную активность школьников.

Цели и задачи данного проекта закономерно обоснованы и обусловлены необходимостью оздоровления подрастающего поколения, снижения уровня заболеваемости, пропаганды здорового образа жизни, развития культуры здоровья через вовлечение детей, подростков и молодежи в занятия массовыми видами спорта, снижения рисков асоциального поведения среди детей и подростков, воспитания чувства патриотизма.

В настоящее время Республика Башкортостан признана федеральной экспериментальной площадкой. Проект имеет также целью создание спортивного резерва олимпийского движения и формирование общественного здоровья всего населения Российской Федерации. Одним из критериальных показателей эффективности проекта является результативность внедрения Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне (ГТО)».

В рамках спортивно-оздоровительного проекта «Здоровое поколение – сильный регион» определены ведущие направления деятельности, обозначены экспериментальные школы и классы, работает ряд исследовательских групп, курирующих свое поле деятельности.

Нашей исследовательской группе, состоящей из преподавателей и студентов Восточной экономико-юридической гуманитарной академии и Башкирского государственного медицинского университета, была определена задача изучения в динамике морфофункциональных показателей учащихся младшего школьного возраста, включенных в экспериментальную группу. Контрольной группой были выбраны учащиеся параллельных первых классов, не участвующие в проекте на данный момент. На 2017/2018 учебный год в исследовательскую программу были включены учащиеся первых классов Архангельского, Дюртюлинского, Кармаскалинского, Чишминского и Бураевского районов Республики Башкортостан.

Физическое развитие детей – один из обобщающих параметров здоровья, ведущими показателями которого и в большей степени отражающими состояние физического здоровья являются длина тела, характеризующая ростовые процессы, и масса тела, свидетельствующая о развитии костно-мышечного аппарата, мягкого остова, внутренних органов.

Длина тела, являясь наиболее устойчивым маркером, отражает индивидуальные генетические особенности ребенка, а также как показатель возрастного развития может отражать экологические условия проживания исследуемой группы детей: чем большее напряжение приспособления вызывает среда, тем значительнее выражено отклонение ее величин. При этом масса тела в большей степени указывает на реактивность организма при воздействии факторов окружающей внешней среды, интегрируя в себе индивидуальные обменные процессы.

В младшем школьном возрасте заметно увеличивается окружность грудной клетки, меняется к лучшему ее форма, превращаясь в конус, обращенный основанием кверху. Соотношение между окружностью талии и ростом в норме составляет 45 %.

Исследование проводилось по унифицированной антропометрической методике с использованием стандартного инструментария (Кучма В.Р., 1999). Изучение физического развития детей проводилось экспериментальным путем, с использованием табличных значений и формул.

Результаты измерений функциональных проб были представлены с использованием следующих методов: жизненная емкость легких, проба Штанге, проба Генчи, сила кистей рук, прыжок в длину с места.

В экспериментальную группу (в программе обучения 9 уроков физкультуры в неделю) были включены 153 ученика, в контрольную группу (в программе обучения 3 урока физкультуры в неделю) вошли 152 ребенка (см. табл. 1).

Таблица 1

**Средние значения антропометрических измерений
в экспериментальных и контрольных группах**

Показатели	Мальчики		Девочки	
	экспериментальная группа	контрольная группа	экспериментальная группа	контрольная группа
Длина тела, см	125,6	124,9	124,0	121,4
Масса тела, кг	26,2	26,1	23,6	25,0
Объем грудной клетки, см	62,8	61,8	58,7	62,2
Окружность талии, см	57,9	57,9	54,7	58,6

Полученные результаты антропометрических измерений свидетельствуют о том, что мальчики экспериментальных групп имеют достоверно ($p < 0,05$) более высокие значения признаков по показателям длины и массы тела, объема грудной клетки.

При сравнении антропометрических показателей среди девочек экспериментальной группы можно выявить закономерное уменьшение массы тела, объема грудной клетки и окружности талии по сравнению с девочками из контрольных групп, что объясняется уменьшением подкожно-жирового слоя под влиянием двигательной активности (табл. 1).

При сравнении жизненной емкости легких и силы кисти рук также отмечается заметное улучшение данных показателей в экспериментальной группе (см. табл. 2). Физические нагрузки увеличивают число альвеол в легких, совершенствуя тем самым дыхательный аппарат и увеличивая его резервы.

Таблица 2

**Результаты измерений функциональных проб
в экспериментальных и контрольных группах**

Показатели	Мальчики		Девочки	
	экспериментальная группа	контрольная группа	экспериментальная группа	контрольная группа
Жизненная емкость легких, мл	1281	1229	1278	1239
Проба Штанге, сек	25,1	23,3	22,4	21,2
Проба Генчи, сек	16,2	13,8	13,7	12,2
Сила кистей рук, кг	11,2	11,0	9,5	9,5
Прыжок в длину с места, см	119,6	112,4	113,1	111,9

Результаты проведенного исследования не позволяют пока в достаточной мере сделать выводы о том, что в динамике достоверно установлены существенные различия в показателях физического развития учащихся первых классов экспериментальной и контрольной группы. Для этого должно пройти определенное время, но полученные данные позволяют утверждать, что введение дополнительных уроков общефизической подготовки оказывает положительное воздействие на улучшение морфофункциональных показателей младших школьников.

Полученные нами результаты согласуются с исследованиями В.В.Павлова, проведенными в г. Набережные Челны, в том, что увеличение количества уроков физической культуры в недельном цикле существенно сказывается на улучшении жизненной емкости легких, частоты сердечных сокращений, скорости потребления кислорода, жизненного индекса, экскурсии грудной клетки [6].

Физическое развитие является важнейшим индикатором здоровья, обусловленным воздействием факторов внешней среды и внутренним состоянием организма человека. А младший школьный возраст – это период интенсивных качественных структурно-функциональных преобразований, характеризующийся высокой пластичностью и повышенной чувствительностью к внешним воздействиям, оценивается как сенситивный период развития.

Необходимым условием гармоничного развития личности младшего школьника является достаточная двигательная активность. Проблема грамотного планирования и реализации программ двигательной активности является достаточно важной и нуждается в дальнейшем изучении. Поэтому реализация спортивно-оздоровительного проекта «Здоровое поколение – сильный регион» носит долгосрочный характер, рассчитана на включение все большего количества активных участников во всех школах Республики Башкортостан и в других регионах Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Федеральный закон РФ об образовании (2013). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.federalniy-zakon.ru/zakon-ob-obrazovanii-rf-poslednyaya-redakciya-2016/> (дата обращения: 27.05.2018).
2. Баранов А.А. Состояние здоровья детей в Российской Федерации // Педиатрия. 2012. Т. 91. № 3. С. 9–14.
3. Лебедева Н.Т. Профилактическая физкультура для детей : пособие для педагогов и воспитателей. Минск : Высш. шк., 2004. 190 с.
4. Влияние на организм недостаточной двигательной активности // Время медицины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medintime.ru/medtimes-934-4.html> (дата обращения: 28.05.2018).
5. Матюхина М.В., Михальчик Т.С., Прокина Н.Ф. Возрастная и педагогическая психология : учеб. пособ. для студентов. М. : Просвещение, 1984. 256 с.
6. Павлов В.В. Морфофункциональные показатели детей младшего школьного возраста при различном планировании учебного процесса // Электронный журнал Камского государственного института физической культуры [Электронный ресурс]. URL: http://kamgifik.ru/magazin/3_07/3_2007_14.pdf (дата обращения: 29.05.2018).
7. Петухов С.И. Формирование здоровья и развитие младших школьников в системе физического воспитания: теория и практика : монография. Новокузнецк, 2000. 107 с.
8. Гужаловский А.А. Проблема «критических» периодов онтогенеза в ее значении для теории и практики физического воспитания. М. : Мысль, 1984. 224 с.

References

1. Federal'nyj zakon RF ob obrazovanii (2013). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.federalniy-zakon.ru/zakon-ob-obrazovanii-rf-poslednyaya-redakciya-2016/> (data obrashcheniya: 27.05.2018).
2. Baranov A.A. Sostoyanie zdorov'ya detej v Rossijskoj Federacii // *Pediatrics*. 2012. T. 91. № 3. S. 9–14.
3. Lebedeva N.T. *Profilakticheskaya fizkul'tura dlya detej : posobie dlya pedagogov i vospitatelej*. Minsk : Vyssh. shk., 2004. 190 s.
4. Vliyanie na organizm nedostatochnoj dvigatel'noj aktivnosti // *Vremya mediciny* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medintime.ru/medtimes-934-4.html> (data obrashcheniya: 28.05.2018).
5. Matyuhina M.V., Mihal'chik T.S., Prokina N.F. *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psihologiya : ucheb. posob. dlya studentov*. M. : Prosveshchenie, 1984. 256 s.
6. Pavlov V.V. Morfofunkcional'nye pokazateli detej mladshego shkol'nogo vozrasta pri razlichnom planirovanii uchebnogo processa // *Электронный журнал Камского государственного института физической культуры* [Электронный ресурс]. URL: http://kamgifk.ru/magazin/3_07/3_2007_14.pdf (data obrashcheniya: 29.05.2018).
7. Petuhov S.I. *Formirovanie zdorov'ya i razvitie mladshih shkol'nikov v sisteme fizicheskogo vospitaniya: teoriya i praktika : monografiya*. Novokuzneck, 2000. 107 s.
8. Guzhalovskij A.A. *Problema «kriticheskikh» periodov ontogeneza v ee znachenii dlya teorii i praktiki fizicheskogo vospitaniya*. M. : Mysl', 1984. 224 s.

УДК 316.7

Е.Ю.Бикметов, С.В.Голиков, Г.Ф.Кунгурцева

Методологические основы исследования процессов формирования и удовлетворения духовных потребностей граждан России в условиях рынка

В статье освещаются методологические принципы анализа духовных потребностей и спроса на духовную продукцию. Раскрываются сущностные характеристики потребности в духовной продукции и услугах как качественно иной формы потребностей, особенности развития духовных потребностей в условиях рынка и их влияние на потребление духовной продукции. Предлагаются общие и специфические методологические принципы познания духовной культуры, которые выступают основой для исследования духовных потребностей и потребления духовных благ. Доказывается, что постепенный отход в образовательной деятельности от сте-

Бикметов Евгений Юрьевич, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Уфимского государственного авиационного технического университета, доктор социологических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: bisprof@mail.ru

Голиков Сергей Владимирович, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Уфимского государственного авиационного технического университета, кандидат социологических наук, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: ser8123@yandex.ru

Кунгурцева Гузель Фанузовна, профессор кафедры социологии и социальных технологий Уфимского государственного авиационного технического университета, доктор социологических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: kungurtzeva62@mail.ru

© Бикметов Е.Ю., Голиков С.В., Кунгурцева Г.Ф., 2018

реотипов утилитаризма и прагматизма в поведении выступает условием развития культуры, духовных потребностей, качественного изменения потребления духовной продукции.

Ключевые слова и фразы: культура; образование; духовные потребности; духовная продукция; спрос и потребление.

E.Yu.Bikmetov, S.V.Golikov, G.F.Kungurtseva

Methodological Bases of Research of Formation Processes and Satisfaction of Spiritual Needs citizen of Russia in Market Conditions

The article develops methodological principles for analyzing spiritual needs and demand for spiritual products. It considers essential characteristics of the need for spiritual products and services as a qualitatively different form of needs. The peculiarities of the development of spiritual needs in market conditions, their influence on the consumption of spiritual products are studied. General and specific methodological principles of spiritual culture knowledge, which are the basis for the study of spiritual needs and consumption of spiritual goods, are offered. It is proved that gradual withdrawal in educational activity from stereotypes of utilitarianism and pragmatism in behavior is a condition for the development of culture, spiritual needs, and a qualitative change in the consumption of spiritual products.

Key words and phrases: culture, education, spiritual needs, spiritual production, demand and consumption.

В современных социально-экономических условиях материальное и духовное в жизнедеятельности человека оказались слишком разорванными. В постиндустриальных обществах общетехнологическое практически подавило человеческое, национальное, родовое, превратив человека из цели в средство производства. Внешняя искусственная среда с навязываемыми культурными стандартами поведения противопоставила себя внутренней направленности личности на саморазвитие. В условиях социально-экономической и культурной трансформации идеология потребления, активно проникающая в духовную жизнь общества, оказывает кардинальное влияние на содержание, формы потребления, а также на переоценку духовных потребностей. Тем самым проблема определения духовных потребностей, духовного потребления, их роли и значения в формировании и развитии внутреннего мира личности приобретает особую значимость.

В отечественной философской, социологической и психологической науке дискуссия об определении духовных потребностей развернулась с 60-х годов XX века и продолжается до сего времени. В многообразии подходов выявились следующие сущностные моменты.

Духовные потребности связаны с деятельностью по созданию материальных и духовных благ общества. Удовлетворение духовных потребностей сопровождается социальным развитием субъекта, что определяет его способности к творческой деятельности, в процессе которой происходит создание и освоение духовных ценностей. Духовные потребности выступают как побуждения, стремления и духовные запросы с целью познания, создания или разрушения духовных ценностей. Степень развития и удовлетворения духовных потребностей людей является важнейшим показателем, характеризующим духовную жизнь общества, включающую в себя об-

щественное сознание как функционирующую систему, взаимодействующую с индивидуальным сознанием [1, с. 50–51].

В целом духовные потребности направлены на формирование и развитие внутреннего духовного мира человека, основой которого является познание окружающей действительности, самопознание, стремление к саморазвитию и самореализации. Удовлетворение духовных потребностей осуществляется через духовное потребление, приобщение к наличному уровню духовной культуры, которое определяет развитие личности. Через познавательное и духовно-ценностное освоение человек распределяет созданные ранее продукты духовной культуры и включает их в свой внутренний духовный мир.

Вместе с тем духовные потребности в снятом виде включают в себя самовыражение человека, выступают способом развертывания его деятельности и способствуют его самореализации. Способности, знания, чувства, эмоции индивида переходят в предмет и воплощаются в духовной продукции, которая впоследствии изменяет духовные потребности и мир другого человека. В развертывании духовных потребностей прослеживается роль индивида как объекта, так и субъекта деятельности.

Основным творцом материальных и духовных ценностей в обществе является человек с его научными и обыденными, теоретическими и прикладными знаниями, которыми он овладевает, исходя из собственных потребностей и интересов [2, с. 15]. Духовный мир человека представляет собой результат производства, сохранения, распространения и потребления духовных ценностей, которые обогащают его духовность, изменяют качества, развивают личность. Возникновение высших духовных потребностей (в познании, искусстве, творчестве, постижении общечеловеческих ценностей) требуют трансцендентности, являются важными и необходимыми для всестороннего, полноценного формирования личности. Тем самым ценностные ориентации, мировоззрение, убеждения, интеллект и интеллектуальный потенциал формируются духовной культурой, реализуются в новых культурных формах и являются показателем качества личности.

Переход к постиндустриальной стадии развития общества способствовал быстрому распространению и развитию массовой культуры. Новая социокультурная и информационная реальность сегодня оказывает мощное воздействие на образ жизни и стиль жизни, формирует иные ценности, стандарты и идеалы, характер потребительского поведения, тем самым изменяет их духовное содержание. Роль информационной сферы и ее активных агентов в конструировании людьми жизненных практик (восприятия, выражения и оценивания социальной реальности, коммуникации) постоянно возрастает. Потребление, по определению Ж.Бодрийера, есть активный модус отношения – не только к вещам, но и к коллективу и ко всему миру, в нем осуществляется систематическая деятельность и универсальный отклик на внешние воздействия, что на нем зиждется вся система нашей культуры [3, с. 213]. Нивелирование сознаний в культуре нивелирует и саму культуру, которая противоречит самой себе, поскольку ее цель состоит в выражении внутренних сущностных сил индивида. Личность отождествляет себя с какой-либо социальной группой, ее ценностями, нормами. Но заметим, что в настоящее время возникает новый тип культуры, который является уже не общим окультуриванием, а личностным культивированием.

Идеология потребления в обществе постмодерна выполняет важнейшую функцию – формирование идентичности, соответствия определенному социальному стандарту жизни. Как социальный институт идеология потребления становится фактором социального контроля и специфическим способом социализации личности. Подлинный внутренний духовный мир человека уступает место предметам и услугам, которыми он пользуется [4, с. 116].

С позиции сущностной характеристики потребность в духовной продукции, услугах – это качественно иная форма потребностей, которая отличается от других видов потребностей в силу ряда причин:

– духовные потребности обогащают внутренний мир человека, повышают его общественную активность;

– в формировании, удовлетворении духовных потребностей субъективная составляющая играет большую роль;

– человек с развитыми духовными потребностями более разумен и в удовлетворении материальных потребностей;

– духовные потребности в кризисные периоды для общества могут опережать существующий культурный уровень;

– во взаимодействии материального и духовного первое составляет лишь средство передачи духовного содержания объекта потребности;

– духовные потребности могут быть удовлетворены различными средствами духовной культуры;

– разумность духовных потребностей означает их удовлетворение с пользой для личности и общества. Но при этом не может быть речи о какой-либо нормативной базе. Главное – потребность в расходовании физических и интеллектуальных сил и потребность в их восстановлении.

Перечисленные особенности духовных потребностей обуславливают появление спроса на духовную продукцию. Следует заметить, что определить актуальность духовной потребности без вербальной информации невозможно.

Анализ спроса на духовную продукцию основывается на некоторых методологических посылах.

1. Духовные предпочтения в духовном развитии изменяются вместе с совершенствованием духовной продукции.

2. Спрос на духовную продукцию пропорционален потребностям.

3. Спрос на духовную продукцию более предсказуем, чем на материальные продукты.

4. Множество возможных выборов удовлетворения духовной потребности может быть упорядочено по направленности духовной продукции.

5. Потребители духовной продукции могут предпочитать одни ее виды и быть индифферентными к другим.

6. Одни и те же духовные продукты в разных условиях могут вызывать и положительные эмоции, и негативную реакцию.

7. Воздействие духовной продукции на потребителя может оцениваться через последствия.

Спрос на духовную продукцию обусловлен рядом факторов: качеством продукта, полезностью и социальной значимостью их для развития культуры и интеллекта потребителей, насыщенностью рынка, влиянием вкусов и предпочтений. Поня-

тие качества духовной продукции несет несколько иной смысл по сравнению с качеством материальных объектов. Это прежде всего качество оформления, воспроизведения, трансляции, организации, тиражирования, исполнения и т. д. Само производство оценивают посредством иных категорий (например, талантливость, гениальность, китч, компиляция, ремесленничество). Качество – неотделимая от бытия объекта его сущностная определенность, отличающая один объект от другого. Сложность определения качества духовных объектов состоит в том, что оно не сводится к отдельным свойствам объекта, а выражает целостную характеристику его внешней и внутренней определенности. Именно сущностная определенность духовной продукции позволяет измерить ее качество как приближение к представлению определенности, т. е. другими словами, определение качества через вербальную оценку.

В отличие от качества полезность и социальное значение духовной продукции отвечает определенным критериям на личностном и общественном уровне: создает когнитивный эффект; повышает общую культуру, интеллект, духовные потребности; способствует развитию абстрактного мышления; актуализирует способности; создает обстановку сотрудничества, творчества; играет воспитательную и просветительскую роль; предлагает информацию для размышления; вызывает эмоции сострадания, подражания, человеколюбия, гордости за свою нацию; обогащает общественное сознание новыми элементами; способствует осознанию собственной важности, общественной полезности, востребованности, духовного порыва. Последний, относительно реальный фактор спроса на духовную продукцию – насыщенность рынка продуктами и услугами. Относительность насыщения духовной продукцией состоит в том, что, с одной стороны, в любом поселении необходим весь спектр духовных продуктов и услуг, с другой – возникает вопрос об объеме средств, представляющих духовные услуги.

В целом массовая культура как феномен современности все больше утрачивает воспитательные функции. Ее назначение состоит в производстве и предложении на рынке разнообразных товаров. Задача потребителя состоит в выборе. К сожалению, потребитель не всегда выбирает лучшее [5, с. 233]. Сегодня общественное сознание заражено потребительской идеологией, крайним индивидуализмом, нравственной неприязательностью, падением социальной ответственности власти, бизнеса и других социальных институтов, разрывом преемственности поколений, падением национального самосознания, забвением общечеловеческих ценностей. Нравственность, духовность и государственная необходимость слабо сочетаются друг с другом, что является предпосылкой возникновения противоречий в обществе: а) между принципами и практическими действиями людей; б) между необходимостью и свободой в том случае, если субъекты начинают действовать вопреки своим принципам; в) внутри самих принципов, что отражается на поведении субъектов, относящихся к различным социальным слоям или властным структурам.

Существуют также противоречия, вытекающие из идеологического представления о свободе и гражданском обществе. Их суть состоит в том, что и свободы в гражданском обществе, и возможности субъекта ограничены. Реальная жизненная позиция каждого индивида вынуждает его к нормативной трактовке необходимости в обществе. Даже если принципы гражданского общества абсолютно справедливы, то и в этом случае противоречия остаются, поскольку связаны с неравенством людей.

Решение проблемы надо искать в рациональной линии поведения, которая приведет к совокупности наиболее предпочитаемых следствий. Позиционирование духовной продукции, услуг путем выбора рациональной линии поведения субъектов поможет научить отличать «лучшее» от «худшего», адаптироваться к лучшему, выработать критерии, посредством которых оценивать ситуацию. Для этого процесс формирования и удовлетворения духовных потребностей и потребления духовных благ в условиях рынка, на наш взгляд, необходимо исследовать, опираясь на общеметодологические и специфические принципы познания духовной культуры, отражающие сущность реальных процессов духовного состояния общества. Но это не исключает гибкости их применения в конкретных социокультурных условиях.

1. Принцип многомерности духовной культуры. Суть этого принципа состоит в том, что научные знания о мире имеют много специфических граней, которые становятся основанием многомерной картины мира. Многообразие культур, созданных людьми в результате социального взаимодействия, представляет собой специфический, уникальный способ восприятия мира и адаптации к нему. Человек как субъект социальной деятельности создает новые формы культуры, новые субкультуры, изменяет содержание элементов духовной культуры.

2. Принцип дифференциации научного познания духовной культуры. Очевидно, что явления, взаимодополняющие друг друга, встречаются повсеместно. Они закрепляются в методологии как принципы дифференцированного изучения отдельных сторон бытия явлений. Однако, чем шире набор применяемых методологических средств, тем больше методологических сомнений, расширенного толкования возможностей тех или иных специальных методов, противопоставления одних методов другим, что в итоге снижает результативность научных исследований духовной культуры, может привести к схоластическим дискуссиям, неоправданному дублированию.

3. Принцип полисистемности познания духовной культуры представляет собой многомерное понимание духовных процессов. Главная задача этого принципа – развитие теории истинного понимания духовной культуры. Познавая духовные процессы, необходимо обращать внимание не только на факты, обнаруживающие эти явления, но и наряду с познанием общих свойств и признаков обращать внимание на неспецифические аспекты их бытия.

4. Принцип интегральности измерения духовных явлений и процессов связан с системным подходом к исследованию духовной культуры, где исходным базовым признаком является интегральная целостность, а специфическим предметом изучения становятся интегральные свойства и закономерности духовной культуры. Знание закономерностей интеграции существенно для понимания самого механизма действия законов существования духовной культуры – структурообразования, функционирования, развития, взаимодействия и реализации. Применение этого принципа – элемент качественного анализа состояния духовной культуры.

5. Принцип простоты научного знания выступает как регулятор научного закона. Прежде всего, нужно заметить, что в природе и социальной жизни сложность и простота постоянно чередуются. В процессах развития духовной культуры усложнение в одном отношении оказывается упрощением в другом.

6. Принцип ценностной природы духовных отношений и духовного богатства означает, что человек воспринимает явление или процесс, оценивает его с точки зре-

ния прежде всего существующих норм, идеалов, интересов и ориентаций, выносит свое суждение, которое и определяет его дальнейшую творческую духовную деятельность. Духовное богатство как источник духовных ресурсов проявляется в возвышении потребностей, интеллекте, культурности, творческом процессе, взаимопомощи, нравственности. Духовный капитал проявляет себя в совокупности интересов, знаний, стереотипов, установок, самоорганизации поведения. Духовный потенциал следует понимать как источники, возможности, средства, которые могут быть задействованы в процессе духовного саморазвития и помощи в духовном становлении других людей. Духовный ресурс может быть реализован как готовность пожертвовать, подарить на благое дело духовный потенциал и капитал, растратить духовное богатство. Соединение духовных ценностей, духовного капитала, духовных ресурсов, духовного потенциала и богатства участвует в создании гармонии духовных отношений и не всегда поддается научному объяснению. Но всегда проблема категорий духовной гармонии и духовного богатства и их удовлетворительного использования возникала на пути формирования мировоззрения и регуляции поведения людей.

7. Принцип социального детерминизма. Суть социальной детерминации заключается в общественной обусловленности развития личности или группы, формирования ее сознания и поведения в разных общественных системах. А это предполагает решение целого комплекса проблем, связывающих в единое целое многообразные аспекты изучения социальных общностей: взаимодействие внешней и внутренней (социально-духовной) детерминации, объективного и субъективного, материального и идеального.

8. Принцип саморазвития, саморегулирования и самоорганизации обеспечивает систему духовной культуры источниками, движущими силами и механизмами самодвижения, которые способствуют успешному и устойчивому функционированию и самосовершенствованию системы, ориентированной на социальный и духовный прогресс.

Наряду с общими методологическими принципами уместно выделить специфические методологические принципы, отражающие социологический характер исследования предмета:

– принцип объективности определяет обоснованность, достоверность, полноту и глубину отображаемых свойств изучаемого явления, отражает суммарный результат взаимодействия реальных условий жизнедеятельности людей и их общественной практики;

– принцип конкретности означает использование объективных закономерностей и их специфического проявления в конкретных социокультурных условиях, когда политические, философские и духовно-нравственные идеи обретают идеологическую форму массового сознания, становятся социальными интересами;

– принцип преемственности определяет взаимосвязь межпоколенных отношений в процессе трансляции культурного опыта;

– принцип единства социальных целей и задач особенно важен в условиях общественных кризисов, при смене управленческих ориентиров власти;

– принцип научности заключается в особой форме отражения в сознании людей явлений природы, общественной жизни и мышления.

При этом процесс научного познания осуществляется на основе преемственности, многосторонности и включает накопление фактов, описание явлений, фор-

мулирование теорий и гипотез развития духовной культуры, а также разработку новых методов познания и средств исследования.

На основе предлагаемых принципов возможно изучение процессов формирования и развития духовной культуры на уровне социума, социальных институтов и личности.

Как известно, человек выступает продуктом культуры, онтогенез личности есть процесс социализации, в ходе которой происходит усвоение культурных ценностей, социальных норм, стандартов, образцов поведения и потребления, присущих социальной группе, обществу. Интеллектуальные, нравственные, волевые и другие социальные качества человека формируются прижизненно в процессе общения, совместной деятельности, образования, определяют его социальную сущность и отражают уровень развития.

Осмысление и восприятие духовных ценностей субъективно. Их выбор для потребления, требования к качеству духовных услуг во многом обусловлен уровнем образования и культурой личности и социальной группы. Очевидно, что в условиях рынка средняя и высшая профессиональная школа зависят от своих потребителей. Маркетинговый подход в образовании диктует необходимость учитывать их текущие и будущие потребности, идти навстречу их пожеланиям, стремиться соответствовать их ожиданиям [6, с. 26].

Включение индивида в социальную жизнь происходит через его внутренний мир, основным качеством которого выступает интеллект. Являясь рефлексивным центром сознания человека [7, с. 109], интеллект обеспечивает возможность познавать, получать и обрабатывать информацию, принимать решения, воспринимать и осмысливать ситуацию, лучше ориентироваться в окружающем мире, осуществлять выбор своего социального поведения. Кроме того, интеллект является внутренней структурой интеллектуального потенциала индивида, социальная сущность которого заключается в способности не только разумно действовать, рационально мыслить, но и создавать условия для творчества. Тем самым, чем выше уровень интеллектуального потенциала, тем богаче индивидуальный духовный мир человека. Как показывает практика, социальные институты не всегда способствуют повышению интеллекта, а иногда тормозят его развитие.

Возможности общества в саморазвитии заключены именно в культуре, а не в узкоспециализированных технологиях. Парадокс состоит в том, что это противоречие люди почти не учитывают, ретранслируя ценности новым поколениям посредством социализации. В частности современные институты, агенты социализации и образования направлены в большей степени на формирование моделей функциональной и потребительской практики.

В современном обществе сохранение культуры, предотвращение духовной деградации зависят от трансляции новым поколениям культурных традиций, норм, ценностей, идеалов, способных обеспечить критическое осмысление стандартов массовой культуры, более гибкое и осознанное реагирование на изменяющуюся социальную среду.

В этом смысле образование составляет основу формирования высокого уровня интеллектуального и духовного потенциала личности. Соответственно его нельзя рассматривать только как сферу оказания образовательных услуг, выхолащивающую гуманистические и демократические традиции. Образование как социальный

институт направлено на создание условий для формирования внутреннего духовного мира индивида посредством трех взаимосвязанных процессов: обучения, то есть усвоения знаний, навыков и умений; воспитания как усвоения ценностей, идеалов, нравственных принципов и социализации, предусматривающей усвоение стандартов поведения, прав и обязанностей [8, с. 245].

На наш взгляд, потребностный подход включает в себя изучение человека и человечества на основе положительного опыта, накопленного на определенных этапах общественного развития, характеризующихся своей спецификой материального и духовного производства, распределения, обмена, потребления [9, с. 83]. Общество, государство как системы могут эффективно функционировать лишь при условии самодостаточной организации воспроизводства как человека, так и основных средств его существования и условий для развития. В этом процессе человек еще не является целью производства, оставаясь его средством. Очевидно, что потребность основных общественных институтов связана с существенным изменением данной ситуации, поэтому гражданское становление индивида должно осуществляться на основе развития духовности. Духовность как качественная характеристика сознания, определяющая процесс формирования высших потребностей личности (в саморазвитии и творческом труде), не может развиваться в условиях социального страха и принуждения, которые пока существуют не только в силу незрелости человеческих отношений вообще, но и по причине раздробленности, разобщенности субъектов социализации и образования, несовершенства педагогических и социальных технологий их взаимодействия. Постепенный отход в образовательной деятельности от стереотипов утилитаризма и прагматизма в поведении, воспроизводство ее духовно-нравственных функций – условие развития культуры, духовных потребностей, качественного изменения потребления духовной продукции.

Список использованных источников

1. Голиков С.В. Поведение потребителей духовной продукции в современной России : дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2007. 213 с.
2. Бикметов Е.Ю., Кунгурцева Г.Ф., Галиханова Ю.Р. Общественный интеллектуальный потенциал как основание развития культуры управленческой деятельности // Вестник ВЭГУ. 2014. № 4 (72). С. 10–20.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Рудомино, 1999. 218 с.
4. Коблева Э.А., Схаляхо З.Ч. Идеология потребления в духовной жизни современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (75). С. 115–118.
5. Матецкая А.В., Самыгин С.И. Социология культуры : учеб. пособ. Ростов-н/Д : Феникс, 2007. 317 с.
6. Егорышев С.В. Современные подходы к формированию системы менеджмента качества образования / С.В. Егорышев, Х.М. Ахмадуллина, Л.В. Фархутдинова, Н.Г. Хахалкина, С.С. Хабирзянова // Вестник ВЭГУ. 2008. № 1 (33). С. 25–33.
7. Крамаренко В.Ю. Интеллект человека / В.Ю. Крамаренко, В.Е. Никитин, Г.Г. Андреев. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1990. 183 с.
8. Кунгурцева Г.Ф. Интеллектуальный потенциал как базовый ресурс развития системы управления современным обществом : дис. ... д-ра социол. наук. Уфа, 2012. 335 с.
9. Бикметов Е.Ю. Теоретико-методологические проблемы оптимизации управления современным образованием : дис. ... д-ра социол. наук. Уфа, 2003. 288 с.

References

1. Golikov S.V. Povedenie potrebitel'ej duhovnoj produkcii v sovremennoj Rossii : dis. ... kand. sociol. nauk. Ufa, 2007. 213 s.
2. Bikmetov E.YU., Kungurceva G.F., Galihanova YU.R. Obshchestvennyj intellektual'nyj potencial kak osnovanie razvitiya kul'tury upravlencheskoj deyatel'nosti // Vestnik VEFGU. 2014. № 4 (72). S. 10–20.
3. Bodriyar ZH. Sistema veshchej / per. s fr. S.N. Zenkina. M. : Rudomino, 1999. 218 s.
4. Kobleva E.H.A., Skhalyaho Z.CH. Ideologiya potrebleniya v duhovnoj zhizni sovremenno-go obshchestva // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 1 (75). С. 115–118.
5. Mateckaya A.V., Samygin S.I. Sociologiya kul'tury : ucheb. posob. Rostov-n/D : Feniks, 2007. 317 s.
6. Egoryshev S.V. Sovremennye podhody k formirovaniyu sistemy menedzhmenta kachestva obrazovaniya / S.V. Egoryshev, H.M. Ahmadullina, L.V. Farhutdinova, N.G. Hahalkina, S.S. Habir-zyanova // Vestnik VEFGU. 2008. № 1 (33). S. 25–33.
7. Kramarenko V.YU. Intellekt cheloveka / V.YU. Kramarenko, V.E. Nikitin, G.G. Andreev. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1990. 183 s.
8. Kungurceva G.F. Intellektual'nyj potencial kak bazovyj resurs razvitiya sistemy upravleniya sovremennym obshchestvom : dis. ... d-ra sociol. nauk. Ufa, 2012. 335 s.
9. Bikmetov E.YU. Teoretiko-metodologicheskie problemy optimizacii upravleniya sovremennym obrazovaniem : dis. ... d-ra sociol. nauk. Ufa, 2003. 288 s.

УДК 343:661.7+316.6

С.В.Егорышев

Тенденции и особенности преступности как деструктивной формы социальной девиации в современной России

В статье на основе анализа криминальной статистики рассматриваются тенденции и особенности современной преступности в России. Акцент делается на новых видах преступного поведения, в частности тех, которые деструктивно влияют на состояние общественного сознания, вызывая тревогу и озабоченность у населения. Раскрывается роль статистических и социологических исследований в определении состояния криминальной обстановки.

Ключевые слова и фразы: преступность; особенности современной преступности; уровень и структура преступности; тенденции преступности; статистические и социологические исследования; общественное мнение.

Егорышев Сергей Васильевич, проректор по научной работе Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ), доктор социологических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: egorishev@vegu.ru

© Егорышев С.В., 2018

S.V.Egoryshev

Tendencies and Peculiarities of Criminality as a Destructive Form of Social Deviation in Modern Russia

Based on the analysis of criminal statistics, the article discusses the trends and characteristics of modern crime in Russia. It focuses on new types of criminal behavior, in particular those that destructively influence the state of public consciousness, causing anxiety and concern among the population. The role of statistical and sociological research in determining the state of criminogenic situation is considered.

Key words and phrases: criminality, features of modern crime, level and structure of criminality, crime trends, statistical and sociological studies, public opinion.

Преступность является одной из крайне деструктивных социально опасных форм деликвентного (девиантного) поведения. В рестомагическом представлении – это социально-правовое, исторически изменчивое, общественно опасное, относительно массовое явление, представляющее совокупность уголовно-наказуемых деяний, совершенных в конкретный период времени (на определенной территории), и характеризующееся количественными и качественными показателями [1, с. 298].

Поскольку в статье речь пойдет о тенденциях и особенностях преступности в современной России, то назовем эти показатели (характеристики).

К количественным характеристикам преступности относятся: уровень, состояние, степень преступной активности, индекс судимости, динамика.

В число качественных характеристик преступности входят: структура, характер, география распространения, социальная опасность и цена [2, с. 68].

Исследуя тенденции преступности, хотелось бы привести образное выражение известного отечественного криминолога Ю.М.Антонына: «Преступность в истории человечества можно представить в виде змеи, которая движется, не строго прямо, а извилистым и сложным путем.

С одной стороны, она остро и живо реагирует на изменения социальной среды, представления людей и их требования, характер их сотрудничества или вражды для того, чтобы защитить чьи-то эгоистические или иные аморальные интересы либо предотвратить угрозу. С другой стороны, преступность твердо и неизменно идет вперед, несмотря на все преграды, которые ей ставят общество, государство и отдельные люди» [3, с. 8].

В этой связи знание тенденций, то есть направлений путей движения преступности позволяет не только гносеологически, чисто теоретически, представить себе особенности, структуру и динамику преступности в конкретных условиях места и времени, но и разрабатывать и применять меры по ее минимизации и предупреждению.

Не претендуя на полноту изложения историографии проблемы, отметим работы лишь некоторых авторов. Попытка определить особенности преступности на примере Германии 80–90-х годов XIX века через исследование ее тенденций принадлежит Францу фон Листу, который пришел к выводу, что в 1882–1897 годах имел место абсолютный рост числа преступлений вообще и в частности против государства и религии, общественного порядка и личности, рецидивной преступности и преступности несовершеннолетних [4, с. 94–97].

Тенденции преступности этого же временного периода, связанные с полом, возрастом, судимостью осужденных, а также с некоторыми ее видами были охарактеризованы немецким представителем социологической школы в уголовном праве Густавом Ашаффенбургом [5, с. 172–180].

Исследованием тенденций преступности в ряде европейских стран, опираясь на данные уголовной статистики в конце XIX–начале XX веков, занимались итальянец Э.Ферри [6], француз Г.Тард [7], русские юристы- криминологи Н.А.Неклюдов [8], С.К.Гогель [9].

В советской и постсоветской криминологии состояние, особенности и тенденции преступности в стране как в общенациональном, так и в сравнительном международном и региональном контекстах рассмотрели в своих трудах Ю.М.Антонян [3]; В.Н.Кудрявцев [10]; В.В.Лунеев [11]; С.С.Овчинский [12] и другие.

При этом опубликованы исследования непосредственно тенденций преступности в современной России в целом [13; 14], на региональном уровне [15; 16] и в сравнении с другими государствами [17; 18].

Данная проблема интересна не только юристам, но и социологам [19; 20; 21; 22] ибо, как подчеркивал С.К.Гогель, «преступность есть одно из явлений, характеризующих социальную жизнь народа, и притом находится в неразрывной органической связи и взаимодействии с другими явлениями той же жизни» [9, с. 25].

Таким образом, даже тезисное рассмотрение степени внимания специалистов к этой проблеме, представляющих различные отрасли социально-гуманитарных знаний, свидетельствует о ее чрезвычайно высокой актуальности и большом исследовательском интересе.

Тенденции и формирующиеся на их основе особенности и структура преступности в различные периоды истории российского государства выглядели поразному. Относительно стабильный уровень регистрируемой преступности второй половины XX века в стране сменился в 90-е годы XX– начале XXI века ее более чем заметным ростом.

Так, например, если в 1990 году было зарегистрировано 1839500 преступлений, то в 1991 году – 2178040, в 1993 году – уже 2799614, а в 1997 году около 2,5 млн, в 1999 году – 3,0 млн, а в 2005 году – более 3,0 млн преступлений, что по отношению к 2004 году больше на 22 % [14, с. 29, 36–37]. Конечно, это было вызвано системой причин, начиная от становления нового типа общественных отношений – рыночных, появления иных видов не только социально полезной, но и криминальной деятельности, отставанием правотворческой и правоприменительной практики от требований новых реалий жизни и многого другого. Но было это и отражением влияния мирового состояния преступности. Так, например, в последние 40–50 лет преступность в мире увеличилась в 3–4 раза, при этом на территории бывшего СССР – в 6–8 раз [11].

Со второго десятилетия 2000-х гг. проявилась тенденция снижения числа регистрируемых преступлений: 2010 г. – 2628700; 2012 г. – 2302168; 2014 г. – 2190578; 2016 г. – 2160063 преступлений [23]. Эта тенденция приобрела устойчивый характер. Вместе с тем по видам преступлений неоднозначность многих тенденций сохраняется.

Особенности и тенденции преступности тех лет обстоятельно исследованы, в том числе и автором статьи, поэтому остановимся на тенденциях и особенностях

преступности в России, проявившихся или проявляющихся в последние шесть лет (2012–2017 гг.). При этом акцент будет сделан на новых видах преступности, которые в абсолютном выражении не набрали, к счастью, своего «ужасного веса», но уже обнаруживают устойчивую тенденцию роста и оказывают сильно выраженное деструктивное влияние на общественное сознание.

Тенденции преступности и ее структура криминологами исследуются с помощью статистики. Так, Энрико Ферри, отмечая существенную значимость уголовной статистики, приводит слова Кроне о том, что эта статистика «является первым условием успеха в борьбе с армией преступности и играет в этой борьбе ту же роль, какую во время войны играет разведочная служба [6, с. 202]». В то же время Э.Ферри отмечал, что это характеристика идеального состояния статистики, ее должной роли, что в реальности часто отсутствует.

Специалисты отмечают, что «трудности использования официальной статистики преступности для проведения исследований заключаются в том, что она гораздо лучше отражает практику применения права, нежели преступное поведение» [13, с. 42].

Поэтому говоря об уровне и структуре преступности, следует учитывать не только статистическую погрешность официальной криминальной или уголовной статистики, которая не позволяет определить реальное состояние преступности, но и ее латентность.

Латентная или скрытая (скрываемая) от официальной уголовной статистики реальная часть совершенных преступлений по оценкам экспертов в 4–5 раз, а по некоторым новым и технологичным видам в значительно большее число раз, превышает регистрируемую преступность [10, с. 96]. К латентным относятся незаявленные, неучтенные, неустановленные преступления.

Латентность преступности также характеризуется своими особенностями, безусловно влияющими на уровень реальной преступности и на ее тенденции.

Известный отечественный криминолог В.В.Лунеев написал и опубликовал целый ряд работ, в которых охарактеризовал не только тенденции современной преступности, но и латентные ее формы [24, с. 5–18]. Так, например, в структуре насильственной преступности убийства становятся все более латентными. А.И.Долгова в частности отмечает, что среди лиц, пропавших без вести, число убитых достигает 50 % [13, с. 8–13]. Высока латентность домашнего насилия в семье над детьми и женами [25]. Весьма латентны «технологичные» преступления, коррупция, мошенничество.

Рассматривая тенденции современной преступности в стране, следует обратить внимание на противоречие между тенденцией снижения в последние годы числа зарегистрированных преступлений и тенденцией роста заявлений и сообщений граждан в органы внутренних дел о преступлениях, административных правонарушениях и различного рода происшествиях. Так, если в 2010 году было зарегистрировано 2628,8 тысяч преступлений, в 2011 году – 2404,8 тысяч, в 2012 – 2303,2 тысячи, в 2013 году – 2206,2 тысячи и в 2014 году – 2166,4 тысяч преступлений (см. табл. 1), то в этот же временной период органами внутренних дел было принято и рассмотрено (без просто не принятых) в 2010 году – 23,88 миллионов заявлений и обращений граждан, в 2011 году – 24,61 млн., в 2012 году – 26,24 млн., в 2013 году – 28,35 млн. и в 2014 году – 29,28 миллионов заявлений и обращений.

Таким образом, за четыре рассмотренных года было зарегистрировано в общей сложности 462,4 тысячи преступлений (в среднем ежегодно 115,6 тысяч). А за этот же

период в органы внутренних дел поступило в целом 132,36 миллионов заявлений (33,09 млн в среднем в год).

Конечно же, с поправками на недостаточно хорошую правовую грамотность и высокую эмоциональность, не позволяющими часто заявителям правильно квалифицировать преступное деяние, отличить преступление от правонарушения или даже проступка, сориентироваться с адресатом обращения и т. п., приведенные статистические данные существенно дополняют картину реального состояния преступности в стране.

Дополнению реального уровня преступности служат различные методы получения и анализа информации [2, с. 69; 26]. Не останавливаясь на них, отметим, что уровень незаявленной преступности определяется с помощью социологических исследований. Но гарантированно объективной информации социология тоже дать не может, так как далеко не всегда респондент, подвергшийся криминальному насилию, пожелает еще раз эмоционально пережить случившееся.

Тем не менее, многочисленные социологические исследования жертв преступлений, проведенные различными социологическими службами, в том числе и подведомственными МВД России, указывают на 40–60 % респондентов, которые по тем или иным причинам, став жертвой криминала, не заявляют об этом и за помощью в правоохранительные органы не обращаются.

К слову необходимо отметить, что в 2011–2016 годах МВД России ежегодно публиковало в журнале «Профессионал» результаты изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, соотнося результаты нескольких социологических служб (ВЦИОМ, фонд «Общественное мнение», Левада-центр). К сожалению, в настоящее время такие исследования министерством не заказываются.

Таким образом, в силу объективных и субъективных причин реальные уровень и структура преступности в стране фиксируются преимущественно официальной статистикой, а эта фиксация, как отмечалось, не совершенна. Поэтому актуальность сохраняет вопрос о тенденциях преступности как в целом, так и по уровням и формам проявления. Обратимся к официальной статистике (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика состояния преступности в России (2012–2017 гг.) [23; 27]

Виды преступлений	Годы					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1	2	3	4	5	6	7
Всего зарегистрировано преступлений и динамика к предыдущему году	2302168 –4,1 %	2206249 –4,2 %	2166399 –1,8 %	2388476 +9,0 %	2660063 –9,6 %	2058478 –4,7 %
Тяжкие и особо тяжкие	559201 –6,1 %	537664 –7,3 %	525401 –2,4 %	519655 3,6 %	442173 –11,9 %	421551 –4,7 %

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Убийство с покушением	13226 -7,2 %	12361 -6,8 %	11813 -4,4 %	11496 -3,7 %	10301 -8,9 %	9610 -6,7 %
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	37002 -3,7 %	34786 -6,2 %	32686 -6,0 %	30167 -8,3 %	27086 -9,2 %	24274 -10,4 %
Изнасилования с покушениями	4471 -6,7 %	4246 -5,3 %	4128 -2,8 %	3936 -5,5 %	3794 -1,6 %	3484 -8,2 %
Грабежи	109256 -13,9 %	92069 -16,3 %	76181 -17,3 %	72739 -6,4 %	60130 -14,9 %	55637 -7,5 %
Разбои	18500 -7,2 %	16416 -11,8 %	14159 -13,7 %	13642 -4,9 %	11201 -16,1 %	8897 -20,6 %
Кражи	975105 -4,5 %	922562 -7,0 %	891946 -3,3 %	1018456 +12,1 %	843803 -14,1 %	764364 -9,4 %
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств	207654 +1,9 %	231462 +5,7 %	253517 +9,5 %	236939 -7,0 %	188926 -15,8 %	195418 +3,4 %
Преступления экономической направленности	165372 -12,0 %	141229 -18,4 %	107314 -24,0 %	112445 +4,3 %	101369 -3,4 %	97782 -3,5 %
Преступления, совершенные несовершеннолетними	63568 -10,4 %	67225 +2,6 %	59240 -11,9 %	61833 +3,8 %	52794 -13,1 %	44538 -15,6 %
Преступления рецидивного характера	583247 +7,0 %	613779 +6,7 %	632258 +5,3 %	688817 +8,4 %	347803 -10,0 %	341746 -1,7 %
Преступления, совершенные организованными группами и преступными сообществами	18016 +0,4 %	17266 +8,6 %	13771 -5,2 %	13735 -0,3 %	12100 -9,3 %	12842 +6,1 %
Преступления в состоянии опьянения	312018 +19,5 %	369372 +9,15 %	384836 +10,2 %	434236 +8,7 %	433897 +9,9 %	371838 -14,3 %
Преступления, совершенные в общественных местах, на улицах	465846 +13,1 %	463685 -0,5 %	480880 +3,7 %	530407 +9,2 %	491704 -5,7 %	457677 -6,9 %
Преступления с применением огнестрельного оружия	4507 +18,5 %	7576 +7,5 %	7231 -4,6 %	6939 -4,7 %	4963 -7,8 %	4676 -5,8 %

Статистические данные, обобщенные в таблице 1, указывают на то, что динамика состояния преступности в стране за рассматриваемый период характеризу-

ется тенденцией сокращения числа зарегистрированных преступлений. Имеют тенденцию к снижению виды насильственной преступности, экономической направленности, с применением огнестрельного оружия, преступления, совершенные несовершеннолетними и с их участием. Не сформировался окончательно вектор тенденций рецидивной преступности, преступлений, совершаемых в общественных местах, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных средств, преступлений, совершенных в группе и т. п.

Посмотрим на тенденции других, если так можно сказать, «новых», видов преступности, появившихся в России в связи с формированием рыночного экономического уклада и под влиянием международных, в том числе и криминальных, факторов (см. табл. 2). Об этих преступлениях много говорят и пишут, они имеют выраженную деструктивную и социально-опасную направленность по отношению к обществу и государству, выдают чувство тревоги.

Таблица 2

Динамика некоторых видов преступлений в России (2012–2017 гг.) [23; 27]

Виды преступлений и их динамика	Годы					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Налоговые	–	6893 +18,5 %	6205 –10,0%	9041 +45,6 %	–	8654 –6,8 %
Коррупционные	49513 –	42506 –14,2 %	32060 –24,6 %	32455 +0,8 %	32924 +1,4 %	29634 –10,0 %
Экологические	27583 –5,4 %	24728 –10,4 %	25526 +3,2 %	24856 –2,8 %	23688 –4,7 %	24379 +2,9 %
Террористического характера	637 +2,4 %	661 +3,8 %	1127 +70,5 %	1538 +36,3 %	2227 +44,8 %	1871 –16,0 %
Экстремистской направленности	696 +11,9 %	896 +28,7 %	1024 +14,3 %	1329 +28,5 %	1450 +9,1 %	1521 +4,9 %
Связанные с незаконным оборотом оружия	26447 –5,9 %	26965 +1,8 %	26220 –2,8 %	27320 +3,2 %	27994 +2,5 %	28916 +3,3 %
Совершенные в крупном размере либо причинившие крупный ущерб	308759 +6,1 %	588683 +190,9%	690690 +17,3 %	800480 +14,3 %	789979 –5,8 %	717113 –4,8 %
Совершенные иностранными гражданами	42650 –5,1 %	46984 +10,2 %	44441 –5,4 %	48210 +5,9 %	43933 –8,9 %	41047 –6,6 %
Совершенные в отношении иностранных граждан	12444 +8,4 %	13214 +6,2 %	14020 +6,1 %	17289 –0,1 %	15660 –9,4 %	14679 –6,3 %

Статистика, отраженная в таблице 2, свидетельствует о том, что за рассматриваемые шесть лет устойчивую тенденцию роста показывают преступления террористической и экстремистской направленности и связанный с ними незаконный оборот оружия, хотя в абсолютном выражении преступлений этих видов сравнительно немного.

Не только политикам и специалистам в этой сфере, но и простым гражданам понятно, что терроризм и экстремизм представляют серьезную угрозу национальной безопасности нашей страны. Эти деструктивные социальные явления содержат в себе мощный скрытый преступный потенциал. Так, если в 2012 году было зафиксировано 637 преступлений террористического характера, то одновременно предотвращено 99 подобных преступлений, включая 6 терактов, более 600 террористов задержаны, включая 48 главарей банд. В 2013 году регистрируется 661 преступление террористического характера, но при этом 77 этого вида преступлений, в том числе и 12 терактов, предотвращаются. Нейтрализовано 255 террористов, в том числе 40 их лидеров. В 2015 году правоохранители задержали 770 бандитов и предотвратили 30 преступлений террористического характера. Только в Иране и в Сирии в террористических организациях состояло около 3 тысяч россиян, а в самой России на 2 июня 2017 года 27 организаций признаны судами террористическими [28, с. 45–47].

Тенденции роста данных видов криминальной девиации находятся и будут находиться в поле зрения правоохранительных органов и специализированных структур, ибо для воспроизводства этих преступлений имеется социальная основа как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому терроризм и экстремизм привлекают к себе внимание специалистов и как социальные патологии, и как виды преступности.

Ф.Лист отмечал, что преступление вечно, как смерть и болезнь. Это сохранение и воспроизводство преступности обуславливается действием многочисленного числа факторов экономического, политического, социального и духовного (идеологического) порядка.

Вслед за классиками криминологии и уголовной социологии Г.Тардом, С.К.Гогелем, Н.А.Неклюдовым, Э.Ферри и другими, поставившими в науке вопрос о факторах преступности и их классификации, факторный анализ социальных девиаций, включая преступность, продолжается и в настоящее время.

Криминологи указывают на 230–250 факторов, детерминирующих преступность. Э.Ферри подчеркивал: «...невозможно получить правильное представление о генезисе как отдельного преступления, так и преступности в ее целом, если не рассматривать каждого из этих факторов и изолировано и всех вместе; ибо если эти факторы и могут быть рассмотрены изолированно в интересах научного исследования, то все же в природе они действуют всегда вместе в виде неразрывного конгломерата, так что для генезиса и преступления все они более или менее необходимы» [6, с. 224].

Говоря о тенденциях современной преступности в России, обратимся к характеристике лиц, совершивших преступления. Эта характеристика позволит судить о потенциале преступности, о возможностях ее воспроизводства (см. табл. 3).

Таблица 3

Характеристика лиц, совершивших преступление (2012–2017 гг.) [23; 27]

Признаки	Годы и динамика					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего установлено лиц, совершивших преступления, и динамика в %	1010938 –2,9 %	1012560 +0,2 %	1000100 –1,2 %	1075333 +6,9 %	1015875 –5,5 %	967103 –4,8 %
В том числе несовершеннолетние	59461 –9,9 %	60761 +2,2 %	54089 –11,0 %	55993 +3,0 %	48589 –13,2 %	42504 –12,5 %
Женщины	154368 –3,1 %	156268 +1,2 %	157484 +0,8 %	172178 +8,9 %	148026 –14,0 %	146916 –0,7 %
Учащиеся, студенты	59157 –8,6 %	60879 +2,9 %	54610 –10,3 %	55963 +2,0 %	49971 –10,7 %	45504 –8,9 %
Не имеющие постоянного источника дохода	674656 –2,4 %	664969 –1,4 %	658369 –1,0 %	716638 +8,1 %	664627 –	635517 –4,4 %
Безработные	45356 –3,8 %	38056 –16,1 %	34453 –9,5 %	22011 –37,1 %	6146 –72,1 %	4391 –28,8 %
Ранее совершившие преступления	452312 +12,5 %	482520 +6,7 %	508314 +5,3 %	556914 +9,2 %	548382 –1,5 %	541541 –1,2 %
Рецидивисты	18176 +15,2 %	19699 +8,4 %	21608 +9,7 %	23318 +7,6 %	22449 –3,7 %	21505 –4,2 %

Данные таблицы 3 говорят о тенденции сокращения в стране числа лиц, совершающих преступления. В качестве позитивного момента следует рассматривать тенденцию уменьшения доли несовершеннолетних и учащейся молодежи среди преступников и правонарушителей.

Сформировалась устойчивая тенденция уменьшения среди преступников безработных и лиц, не имеющих постоянного источника дохода. В то же время безработица, нищенство, бедность, отсутствие постоянного источника дохода объективно могут и становятся причинами преступлений. С.К.Гогель относил это к экономическим факторам преступности, равно как другую их противоположность – роскошь, оказывающую, несомненно, сильное влияние на нравы и отражающуюся на ряде преступлений из области утонченного и неутонченного разврата [9, с. 93].

Обращает на себя внимание повторная и рецидивная преступность. Характеризующие ее тенденции противоречивы.

Анализ тенденций преступности с использованием данных официальной статистики показывает некоторые парадоксы. Во-первых, это стабильность структуры зарегистрированных преступлений, указывающая на некую квоту при их классификации и регистрации.

Если сравнить по годам доли различных категорий преступлений в общем ее объеме, то с 2012 г. по 2017 г. на особо тяжкие преступления приходится 5–6 %, на

тяжкие – 16–20 %, на средней тяжести – 33–35 % и небольшой тяжести – 43–44 %. Подобная структура имела место и в 2009–2011 годах. Доля различных категорий преступлений в общей структуре преступности с 2009 года практически не меняется (колебания не превышают 7 %). Специалисты причину здесь видят во внутреннем перераспределении удельного веса отдельных преступлений по видам и лицам, их совершившим, при формировании статистической отчетности.

Во-вторых, парадоксальность ситуации с официальной статистикой проявляется и в том, что она не всегда соответствует той реальности, которую характеризует. В качестве примера назовем фиксируемую статистикой тенденцию снижения с некоторыми колебаниями экологических преступлений на фоне критического положения с лесными пожарами, загрязнением водоемов и выбросами в атмосферу вредных веществ, о чем чуть ли не ежедневно говорят в СМИ.

Примером может также служить факт смены тенденции роста преступлений, совершенных в крупном размере либо причинившие крупный ущерб, имеющей место в 2012–2015 годах на снижение числа зарегистрированных подобных преступлений в 2016 и 2017 годах. Опять-таки СМИ и Интернет пестрят информацией о предпринимателях и чиновниках, совершающих подобные преступные деяния. Статистика показывает снижение преступлений коррупционной направленности, которые, например, в 2017 году составили лишь 1,4 % в общем числе зарегистрированных преступлений. Вместе с тем о коррупции сегодня не говорит лишь ленивый.

Объяснение этим парадоксам, видимо, можно найти в словах Э.Ферри: «Что же касается распределения преступлений по классам общества, то мы видим, что переход преступности от насильственных форм к интеллектуальным имеет место более в высших классах и менее в низких: в высших классах формы преступления, жестокие и насильственные, чаще заменяются более изворотливыми и лукавыми» [6, с. 213].

При всей ограниченности и противоречивости официальной статистики она в определенной мере отражает реальное состояние современной преступности в стране и позволяет определять тенденции и особенности этой криминальной девиации. Это необходимо для выстраивания стратегии и тактики государства по ее преодолению и профилактике. Это важно и для исследователей, стремящихся составить не иллюзорную, а объективную картину состояния преступности.

Остановившись в данной статье на общих тенденциях современной преступности в стране в целом, в дальнейшем проведем сравнительный анализ проявления этих тенденций на уровне регионов и федеральных округов с тем, чтобы установить региональные особенности проявления этих общих тенденций.

*Статья подготовлена по результатам исследований в рамках гранта
РФФИ-РБ № 18-411-020007\18 p-a*

Список использованных источников

1. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. Общая часть. М. : Юрайт, 2011. Т.1. 1003 с.
2. Шалагин А.Е. Преступность как объект криминологических исследований // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3 (25). С. 66–71.
3. Антонян Ю.М., Звизжова О.Ю. Преступность в истории человечества : монография. М. : Норма: ИНФРА-М, 2015. 208 с.

4. Лист Ф. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В.С.Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2009. 110 с.
5. Ашаффенбург Г. Преступление и борьба с ним: уголовная психология для врачей, юристов и социологов. М. : ИНФРА-М, 2013. 241 с.
6. Фэрри Э. Уголовная социология. М. : ИНФРА-М, 2009. 658 с.
7. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М. : ИНФРА-М, 2004. 391 с.
8. Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды / сост. и вступит. ст. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М. : ИНФРА-М, 2009. 197 с.
9. Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. М. : ИНФРА-М, 2010. 386 с.
10. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М. : Норма: ИНФРА-М, 2010. 800 с.
11. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции : монография. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
12. Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах. М. : ИНФРА-М, 2007. 408 с.
13. Преступность в России / под ред. А.И. Долговой. М., 2001. 320 с.
14. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник / под общ. ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. М. : Экзамен, 2007. 383 с.
15. Синенко С.А., Жирновой М.В. Тенденции развития преступности на территории Приморского края // Российский следователь. 2009. № 3. С. 23–25.
16. Юзиханова Э.Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации : монография. Тюмень : Тюменский институт МВД России, 2007. 275 с.
17. Олькова О.А. Сравнительный анализ преступности в России и на Украине в советский и постсоветский период (1960–2013 годы). М. : Юрлитинформ, 2014. 224 с.
18. Скифский И.С. Насильственная преступность в России и Японии: сравнительный анализ // Государство и право. 2005. № 4. С. 95–98.
19. Гишинский Я.И. Социальное насилие : монография. СПб. : Алеф-Пресс, 2013. 185 с.
20. Комлев Ю.Ю. Теории преступности : учебное пособие. Казань : Казанск. юридич. инст. МВД России, 2017. 112 с.
21. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический эпос об основных формах общественного поведения и морали (1914). СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. 448 с.
22. Шикунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб. : Изд-во С-Петербур. ун-та, 2003. 180 с.
23. Официальный сайт МВД России. Статистика и аналитика. Состояние преступности (архивные данные) [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/bolder/101762/item/6765514/> (дата обращения: 01.07.2018).
24. Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 5–18.
25. Сердюк Л.В. Семейно-бытовое насилие: криминологический и уголовно-правовой анализ. М. : Юрист-информ, 2015. 320 с.
26. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 561 с.
27. Состояние преступности в России / Генеральная прокуратура Российской Федерации, Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. crimestat.ru/anatics (дата обращения: 01.07.2018).
28. Баранов В.П., Журавель В.П. Национальный антитеррористический комитет // Вестник Академии военных наук. 2017. № 4 (61). С. 43–52.
29. Юзиханова Э.Г. Тенденции современной преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4 (30). С. 41–45.

References

1. Luneev V.V. Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii : uchebnik : v 2 t. Obshchaya chast'. M. : YUrajt, 2011. T.1. 1003 s.
2. SHalagin A.E. Prestupnost' kak ob'ekt kriminologicheskikh issledovanij // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 3 (25). S. 66–71.
3. Antonyan YU.M., Zvizzhova O.YU. Prestupnost' v istorii chelovechestva : monografiya. M. : Norma: INFRA-M, 2015. 208 s.
4. List F. Prestuplenie kak social'no-patologicheskoe yavlenie / sost. i predisl. V.S.Ovchinskogo. M. : INFRA-M, 2009. 110 s.
5. Ashaffenburg G. Prestuplenie i bor'ba s nim: ugolovnaya psihologiya dlya vrachej, yuristov i sociologov. M. : INFRA-M, 2013. 241 s.
6. Fehri EH. Ugolovnaya sociologiya. M. : INFRA-M, 2009. 658 s.
7. Tard G. Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost'. Prestupleniya tolpy. M. : INFRA-M, 2004. 391 s.
8. Neklyudov N.A. Ugolovno-statisticheskie ehtyudy / sost. i vstupit. st. V.S. Ovchinskogo, A.V. Fedorova. M. : INFRA-M, 2009. 197 s.
9. Gogel' S.K. Kurs ugolovnoj politiki v svyazi s ugolovnoj sociologiej. M. : INFRA-M, 2010. 386 s.
10. Kriminologiya : uchebnik / pod red. V.N. Kudryavceva, V.E. EHminova. M. : Norma: INFRA-M, 2010. 800 s.
11. Luneev V.V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii : monografiya. M. : Volters Kluver, 2005. 912 s.
12. Ovchinskij S.S. Prestupnoe nasilie. Prestupnost' v gorodah. M. : INFRA-M, 2007. 408 s.
13. Prestupnost' v Rossii / pod red. A.I. Dolgovoj. M., 2001. 320 s.
14. Sostoyanie i tendencii prestupnosti v Rossijskoj Federacii: Kriminologicheskij i ugolovno-pravovoj spravochnik / pod obshch. red. A.YA. Suhareva, S.I. Gir'ko. M. : EHkzamen, 2007. 383 s.
15. Sinenko S.A., ZHirnovoj M.V. Tendencii razvitiya prestupnosti na territorii Primorskogo kraja // Rossijskij sledovatel'. 2009. № 3. S. 23–25.
16. YUzihanova EH.G. Tendencii i zakonmernosti prestupnosti v sub'ektah Rossijskoj Federacii : monografiya. Tyumen' : Tyumenskij institut MVD Rossii, 2007. 275 s.
17. Ol'kova O.A. Sravnitel'nyj analiz prestupnosti v Rossii i na Ukraine v sovetskij i postsovetskij period (1960–2013 gody). M. : YUrlitinform, 2014. 224 s.
18. Skifskij I.S. Nasil'stvennaya prestupnost' v Rossii i YAponii: sravnitel'nyj analiz // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 4. S. 95–98.
19. Gilinskij YA.I. Social'noe nasilie : monografiya. SPb. : Alef-Press, 2013. 185 s.
20. Komlev YU.YU. Teorii prestupnosti : uchebnoe posobie. Kazan' : Kazansk. juridich. inst. MVD Rossii, 2017. 112 s.
21. Sorokin P.A. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada. Sociologicheskij ehpod ob osnovnyh formah obshchestvennogo povedeniya i morali (1914). SPb. : Izd-vo RHGI, 1999.
22. SHikunova T.V. Vvedenie v sinteticheskuyu teoriyu prestupnosti i deviantnosti. SPb. : Izd-vo S-Peterb. un-ta, 2003.
23. Oficial'nyj sajt MVD Rossii. Statistika i analitika. Sostoyanie prestupnosti (arhivnye dannye) [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://mvd.ru/bolder/101762/item/6765514/> (data obrashcheniya: 01.07.2018).
24. Luneev V.V. Tendencii sovremennoj prestupnosti i bor'by s nej v Rossii // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 1. S. 5–18.
25. Serdyuk L.V. Semejno-bytovoje nasilie: kriminologicheskij i ugolovno-pravovoj analiz. M. : YUrist-inform, 2015. 320 s.
26. SHestakov D.A. Kriminologiya: Novye podhody k prestupleniyu i prestupnosti: kriminogennye zakony i kriminologicheskoe zakonodatel'stvo. Protivodejstvie prestupnosti v izmenyayushchemsya mire. – SPb. : YUridicheskij centr Press, 2006. 561 s.

27. Sostoyanie prestupnosti v Rossii / General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii, Glavnoe upravlenie pravovoj statistiki i informacionnyh tekhnologij. Portal pravovoj statistiki [Электронный ресурс]. crimestat.ru/anatics (data obrashcheniya: 01.07.2018).

28. Baranov V.P., ZHuravel' V.P. Nacional'nyj antiterroristicheskij komitet // Vestnik Akademii voennyh nauk. 2017. № 4 (61). S. 43–52.

29. YUzihanova E.H.G. Tendencii sovremennoj prestupnosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 4 (30). S. 41–45.

УДК 372:621:159

И.Е.Емельянова, Л.А.Емельянова, Л.К.Пикулева

Преемственность в развитии конструкторских способностей детей в аспекте освоения робототехники

В статье анализируется проблема развития конструкторских способностей детей дошкольного и младшего школьного возраста, обосновывается необходимость создания преемственности дошкольного и начального общего образования для решения проблемы, рассматриваются возрастные психологические особенности детей, являющиеся значимыми для выделения показателей конструкторских способностей.

Ключевые слова и фразы: преемственность; конструкторские способности; информационная грамотность; робототехника.

I.E.Emelyanova, L.A.Emelyanova, L.K.Pikuleva

Continuity in Development of Children's Design Abilities in Mastering Robotics

The article analyzes the problem of the development of design abilities of preschool and primary school children, substantiates the necessity of creating a continuity of preschool and primary general education for solving the problem. The age-related psychological features of children which are significant for distinguishing the indicators of design abilities are considered.

Key words and phrases: continuity, design abilities, information literacy, robotics.

Емельянова Ирина Евгеньевна, заведующая кафедрой педагогики и психологии детства Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, доктор педагогических наук, доцент, г. Челябинск; конт. инф.: uapova_77@mail.ru

Емельянова Лилия Алексеевна, аспирант кафедры педагогики и психологии детства Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск; конт. инф.: emeljanova07@mail.ru

Пикулева Людмила Константиновна, доцент кафедры педагогики и психологии детства Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, кандидат педагогических наук, доцент, г. Челябинск; конт. инф.: doshchel@mail.ru

© Емельянова И.Е., Емельянова Л.А., Пикулева Л.К., 2018

Наша страна испытывает потребность в кадрах инженерно-технической направленности, способных создавать новые продукты научно-технического творчества, что обозначено Правительством Российской Федерации в долгосрочной концепции социально-экономического развития страны до 2020 г., где приоритетными направлениями являются киберпространство, технические отрасли. Качественная подготовка квалифицированных рабочих кадров, определенно, позволит нашей стране занять устойчивую позицию в сфере экономики, прочно закрепить свой статус среди мировых держав, а также значительно повысить уровень благосостояния граждан [1].

Ребенок дошкольного возраста изначально существует в информационно-насыщенной среде, порождаемой разнообразными электронными устройствами, конструкциями, программируемыми техническими средствами, поэтому в рамках психолого-педагогического знания важно не только установить, как воспитывать детей в условиях современной информационной, инженерной, программируемой среды, но и определить психологические условия и механизмы, сущность и структуру образовательной деятельности.

Это актуализирует научный поиск по изучению современного детства, его субкультуры и социальной ситуации развития, в которой объективно функционирует и развивается детское сообщество; возможностей детей в овладении новой информации в области конструирования и техники; их информационной грамотности, обеспечивающей эффективный поиск необходимой информации, и овладения моделируемыми умениями.

Научного решения ждет также проблема преемственности уровней дошкольного и начального общего образования, возникшая в связи с массовым распространением среди детей дошкольного и младшего школьного возраста компьютерных игр, конструкторов, программируемых игрушек-роботов и др., требующих отбора в соответствии с возрастными особенностями детей.

В связи с социальным заказом общества в технических кадрах, а также необходимостью непрерывного образования личности, представляется важным рассмотреть проблему преемственности развития конструкторских способностей детей в аспекте освоения робототехники, так как развитие конструкторских способностей, начиная с дошкольного возраста и дальнейшая непрерывная поддержка и развитие их в аспекте освоения робототехники в начальной общеобразовательной школе, позволит добиться более эффективного и качественного их развития, тем самым решая государственные задачи.

В Законе 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в п. 4 статьи 2 говорится о том, что уровень образования это «завершенный цикл образования, характеризующийся определенной единой совокупностью требований», поэтому важно выделить основания преемственности этих циклов, то есть дошкольного и общего начального уровней образования и рассматривать их в качестве условия непрерывного развития личности, в частности развития конструкторских способностей детей и их информационной грамотности [2].

Одной из важнейших задач дошкольного образования, согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования (далее ФГОС ДО), является «обеспечение преемственности целей, задач и содержания образования, реализуемых в рамках образовательных программ различ-

ных уровней». В ФГОС ДО подчеркивается необходимость обеспечения равных стартовых возможностей для обучения детей в начальной школе, а именно целевых ориентиров, обеспечивающих целостность образовательного процесса [3].

Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) поддерживает исследования, связанные со становлением основ информационной грамотности дошкольников (номер проекта 18-013-00743, научная дисциплина – основной код 13-205 Информационные технологии в образовании, электронные и дистанционные образовательные технологии), Министерством образования и науки Челябинской области разработана концепция развития естественно-математического и технологического образования «ТЕМП» (приказ Министерства образования и науки Челябинской области от 31.12.2014 г. № 01/3810)¹.

На основании вышеизложенного отметим, что актуальность рассмотрения проблемы связана с реализацией преемственных связей в целях, задачах, содержании, средствах, формах, методах обучения и воспитания к качеству образования детей дошкольного и младшего школьного возраста. Вместе с тем, несмотря на значимость материала, накопленного в теории и практике дошкольного образования, аспекты преемственности дошкольного и начального общего образования в развитии конструкторских способностей детей дошкольного и младшего школьного возраста в аспекте освоения робототехники и развития их информационной грамотности изучены недостаточно.

Рассмотрим дефиницию преемственности в трудах ученых. Э.А.Баллер под преемственностью понимает «связь между различными этапами или ступенями развития, как бытия, так и познания, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы, то есть при переходе его из одного состояния в другое» [4]. Ф.Ю.Исмаилов в своих трудах подчеркивает, что преемственность имеет место везде, где происходит процесс развития. Он выделяет две формы организации преемственности: преемственность содержания при частичном отрицании старой основы; преемственность лишь некоторых черт или форм при полном уничтожении старой системы. Следовательно, процесс преемственности предполагает взаимосвязь между различными этапами и ступенями развития, где сущность определяется в сохранении тех или иных компонентов целого или отдельных его сторон [5].

Развитие проблемы преемственного взаимодействия системы дошкольного и начального образования в мировой педагогической культуре было связано с выделением в ней отдельных аспектов: преемственность как принцип построения системы народного образования, ее функционирования и развития; как условие обеспечения связей между старыми и вновь приобретенными знаниями; как последовательность в изучении учебных дисциплин; как связь прошлого, настоящего и будущего в развитии личности ребенка (Е.А.Иванова). Под преемственностью Р.А.Должикова, Г.М.Федосимов понимают «последовательный переход от одной ступени образования к другой, выражающийся в сохранении и постепенном изменении содержания, форм, методов, технологий обучения и воспитания» [6; 7].

¹ Концепция развития естественно-математического и технологического образования в Челябинской области «ТЕМП» : приказ Министерства образования и науки Челябинской области от 31.12.2014 г. № 01/3810.

В методическом письме от 25.03.1994 г. «Об организации взаимодействия образовательных учреждений и обеспечении преемственности дошкольного и начального общего образования» А.Г.Асмолов обозначил основания преемственности, которые обеспечивают общую психологическую готовность детей к переходу на следующую ступень образования: развитие любознательности как основы познавательной активности будущего ученика; развитие способностей ребенка как способов самостоятельного решения поставленных задач, как средства, обеспечивающего успешность в различных видах деятельности, в том числе учебной; формирование воображения как направления интеллектуального и личностного развития ребенка [8].

Л.В.Трубайчук рассматривает преемственность дошкольного и начального образования как непрерывность методологического, целевого, содержательного, процессуального и оценочно-диагностического единства образовательного процесса. Данный подход позволяет создать модель организации преемственности и осуществить переход от развития конструкторских способностей (создание конструкций, схем, моделей) к развитию робототехнических способностей (моделирование и программирование элементарных технических систем) [9].

Л.А.Парамонова и др. связывают преемственность дошкольного и начального общего образования с идеями самооценности дошкольного детства. Современное состояние преемственности обучения характеризуется разносторонностью охвата вопросов и неоднозначностью толкования отдельных понятий в данной области [10]. Обращение к проблеме преемственности дошкольного и начального образования многими исследователями не случайно. Одни видят в ней технологию педагогической деятельности (Л.В.Трубайчук), другие – метод работы (Е.В.Коротаева), третьи указывают на ее возможности в индивидуализации дошкольного образования (А.Г.Гогоберидзе) [9; 11; 12].

Вместе с тем большинство исследователей подчеркивают, что феномен преемственности сегодня требует осознания в теории и практике дошкольного образования многомерной помощи дошкольнику, с позиций его личностного и социального развития, сохранения и укрепления здоровья, обеспечения безопасности, семейного воспитания. Д.Б.Эльконин рассматривает дошкольный и младший школьный возраст как эпоху человеческого развития. Сохранение самооценности дошкольного возраста закладывает важнейшие черты будущей личности. По мнению ученого, дети этого возраста должны жить общей жизнью, развиваясь и обучаясь в едином образовательном пространстве. Наличие знаний само по себе не определяет успешность обучения, гораздо важнее, чтобы ребенок умел самостоятельно их добывать и применять. В этом заключается сущность деятельностного подхода, который лежит в основе государственных образовательных стандартов и предполагает воспитание и развитие качеств личности, отвечающих требованиям информационного общества [13].

Анализ диссертационных исследований в области дошкольного и начального уровней образования дает более полную характеристику понятий «преемственность» (см. табл. 1).

Таблица 1

Трактовки понятия «преемственность» в диссертационных исследованиях

Ф.И.О. автора	Трактовка понятия
Магомедова Калимат Аскеровна	Перенос видоизмененных в соответствии с изменившимися условиями отдельных черт и сторон предшествующей стадии объекта в новую, с отбрасыванием устаревших характеристик, как не соответствующих обстановке
Лобанова Маргарита Анатольевна	Целостный, педагогический процесс, направленный на формирование представлений, приобретение опыта нравственно-волевого поведения, развитие ценностного отношения ребенка к ближайшему окружению и способствующий успешной адаптации в расширяющемся социальном пространстве
Михеева Галина Владимировна	Целостная методическая система преемственного обучения фразеологии, построенная в русле компетентностного подхода на едином для всех ступеней подходе, согласованная с целями и содержанием на всех ступенях образования
Ковалева Анна Сергеевна	Установление взаимосвязей между этапами развития личности и ступенями образования, гарантирующее становление (какого-либо качества) как личностного новообразования участников образовательного процесса
Крежевских Ольга Валерьевна	Достижение согласованности в целях, конструирование содержания образования дошкольников и младших школьников на основе его усложнения и внедрение его в практику работы образовательных учреждений
Иванова Елена Анатольевна	Историко-педагогический феномен, сущность которого заключается в обеспечении поэтапности непрерывного процесса формирования личности ребенка дошкольного и младшего школьного возраста, обеспечивающего его целостное развитие, направленного на приобщение к миру культуры и общечеловеческих ценностей, с опорой на предыдущий опыт и накопленные знания

Анализируя трактовки понятия «преемственность» в диссертационных исследованиях, отметим разную интерпретацию авторами, что связано с многоаспектностью этого понятия и изучением различных сторон развития ребенка и образовательного процесса. Но данные определения содержат ключевые характеристики сущности преемственности: поэтапность, целостное развитие, опыт, согласованность, взаимосвязь между этапами, успешная адаптация, перенос видоизмененных черт в новую среду. Исходя из этого, под преемственностью дошкольного и начального школьного образования следует понимать согласованность и взаимосвязь между уровнями образования, способствующее успешному применению ребенком личного опыта в новых сложившихся образовательных условиях и обеспечивающее поэтапное, целостное развитие его личности [14].

Развитие субъектных качеств (инициативности, самостоятельности, произвольности), творческого самовыражения ребенка и др., а также информационной грамотности помогут ребенку в будущем встроиться и реализоваться в быстро меняющемся информационно-техническом пространстве. Достижение таких целевых ориентиров возможно путем развития конструкторских способностей у детей дошкольного и младшего школьного возраста в аспекте освоения образовательной робототехники при реализации программ дошкольного и начального образования.

С точки зрения психологических процессов, конструкторские способности рассматриваются в качестве сенсомоторных способностей (развитая мелкая моторика), мыслительных (анализ, синтез, сравнение, классификация, обобщение), имажитивных (воображение), способности к моделированию. С точки зрения предметной области конструкторские способности – это инженерные способности.

Проблемой развития конструкторских способностей занимались такие ученые, как Н.Н.Поддьяков, А.Р.Лурия, Л.А.Парамонова, О.С.Власова и др. Так, на универсальный статус конструирования в составе специфически детских видов деятельности в своих исследованиях указывает Л.А.Парамонова. По ее мнению, в процессе конструирования формируется общая способность по выстраиванию целостностей различного типа (предметов, моделей, текстов и др.), которая имеет отношение не только к конструированию, но и к другим видам детской деятельности (к игре, многообразным формам художественного творчества и т. д.). Однако именно конструктивная деятельность задает «модельное» выражение данной способности, что позволяет рассматривать проектирование разных видов детской деятельности в логике конструирования, выступающего интегрирующей основой и обеспечивающего их взаимосвязь. Все это «делает особенно актуальным изучение детского конструирования во всех его типах, видах и формах, выявление особенностей формирования его как творческой деятельности на протяжении всего дошкольного детства, разработку конкретных педагогических технологий обучения» [10; 15; 16].

Под конструкторскими способностями детей следует понимать биологически обусловленные индивидуально-психологические особенности, проявляющиеся в направленности ребенка на создание творческих продуктов в виде конструкций, схем, чертежей конструкций, моделей из различных материалов. Разнообразие видов детского конструирования на основе исследования Л.А.Парамоновой отражено в таблице 2 [17].

Таблица 2

Характеристика видов детского конструирования

Вид конструирования	Описание конструирования
1	2
Конструирование по образцу	Конструкция из строительного материала или конструктора воспроизводится на примере образца (рисунок, инструкция) и способа его изготовления

Окончание таблицы 2

1	2
Конструирование по модели	В качестве образца для конструирования предлагается собранная модель конструкции, дети должны мысленно составить последовательность действий и выбрать необходимые элементы для конструирования (усложненная модель конструирования по образцу)
Конструирование по условиям	Образец отсутствует. Детям даются определенные условия, проблемная задача, которую они должны решить посредством конструктора. Такая форма конструирования развивает в большей степени творческое конструирование, но при условии, что у детей имеется конструкторский опыт
Конструирование по простейшим чертежам, схемам	Сначала дети учатся создавать простые чертежи, а затем по этим чертежам создавать конструкции
Конструирование по замыслу	Творческий процесс, в ходе которого дети проявляют самостоятельность в конструировании. Для данного вида конструирования также необходим опыт и навыки конструирования
Конструирование по теме	Задается определенная тема, дети реализуют свой творческий продукт в рамках заданной темы, выбирая материал для конструирования и способ выражения конструкции
Каркасное конструирование	Существует определенная заготовка (каркас), которая трансформируется и моделируется совместно с детьми

Мы видим, что для обеспечения преемственности дошкольного и начального образования в развитии конструкторских способностей детей в аспекте освоения робототехники, учитывая виды мышления, присущие дошкольникам (наглядно-действенное, наглядно-образное, схематическое) – одним из ведущих методов, используемых педагогами при организации познавательной деятельности в процессе реализации образовательной программы является метод наглядного моделирования, который позволяет обучать детей умению использовать знаково-символические средства изучаемой информации (создание моделей, схем). Разнообразие видов детского конструирования способствует интеллектуальному развитию, так как формируются способности к разным видам мышления (наглядно-действенное, наглядно-образное, абстрактное, практическое, творческое) детей. Поэтому именно такой вид деятельности, как конструирование, помогает ребенку осваивать знания о явлениях окружающего мира, которые невозможно воспринимать непосредственно, а также формирует у детей понимание связей между явлениями окружающего мира, их особенности, умения устанавливать причинно-следственные связи.

Одним из итоговых результатов дошкольного образования должно стать развитие у детей целеполагания (способности принимать и сохранять (ставить) цели и задачи деятельности, искать средства ее осуществления, добиваться получения результата). Итоговым результатом начального общего образования становится дос-

тижение личностных результатов, включающих готовность и способность к саморазвитию, положительную мотивацию к обучению и познанию, ценностно-смысловые установки, отражающие индивидуально-личностные позиции обучающихся, их социальные компетенции, личностные качества, сформированные основы гражданской идентичности.

Целевыми ориентирами развития в дошкольном возрасте, способствующими развитию конструкторских способностей на следующем этапе обучения, являются: развитая мелкая моторика рук; способность к моделированию, творческая инициатива и самостоятельность процесса конструирования; волевые усилия, направленные на создание и анализ конструкции, устранение неполадок, готовность к экспериментированию и усложнению механизмов, создание незаурядного строения; стремление добывать новые знания, совершенствование своих умений в области конструирования, проявление любознательности. Учет результатов овладения основной образовательной программой в дошкольном учреждении, позволяет формировать траекторию развития конструкторских способностей в начальной школе – решать сложные многоуровневые задачи (моделирование, конструирование, программирование), применять накопленный конструкторский опыт для создания и реализации социально значимых конструкций и сооружений, активно участвовать в выставках и конкурсах технического мастерства. Это обеспечивает дальнейшее формирование как личностных результатов освоения программы начальной школы, так и метапредметных (интеграция с предметными областями: физика, технология, информатика, механика), а также универсальных учебных действий [18].

Значимым в преемственности дошкольного и начального образования является единство таких ее составляющих, как целей, содержания образования, организационных структур и технологий. Важным ориентиром содержательного наполнения преемственности в образовании выступает развитие конструкторских способностей детей в аспекте освоения робототехники, обеспечивающее его направленность (на всех уровнях) на развитие проектной деятельности детей как основного механизма развития рефлексии, логического мышления, предопределяющих продуктивность деятельности, и как условия формирования способов взаимодействия с субъектами образовательных отношений.

Таким образом, развитие конструкторских способностей как процесс качественных изменений индивидуально выраженных возможностей ребенка, проявляющийся в высоком уровне развития мелкой моторики, пространственных представлений, логического мышления, позволяет создавать приспособления, механизмы, устройства, преобразующие субъективный мир детей и формирующиеся на базе опыта в конструировании через механизмы условно-рефлекторных связей.

При развитии конструкторских способностей следует учитывать возрастные особенности детей дошкольного и младшего школьного возраста (см. табл. 3).

Таблица 3

**Возрастные особенности детей дошкольного и младшего школьного возраста
в аспекте освоения образовательной робототехники**

Возраст		Характерные особенности возраста в развитии конструкторских способностей
Дошкольный возраст	Младший возраст	Развитие мелкой моторики рук
	Средний возраст	Развитие пространственного мышления
	Старший возраст	Включение конструкций в разные виды деятельности, развитие логики
Младший школьный возраст	1–2 класс	Понимание технических устройств, яркое проявление технического мышления, конструирование простых механизмов, составление элементарных программных цепочек
	3–4 класс	Установка причинно-следственных связей между объектами технической системы, создание конструкции по собственному замыслу, обладающей сложной организацией, программирование

В исследованиях О.С.Власовой одной из основных целей обучения школьников начальному техническому конструированию и робототехники является повышение качества освоения образовательных программ естественнонаучного цикла, которые осуществляются посредством сочетания урочной и внеурочной деятельности, интеграции уроков окружающего мира и технологии [19].

Нам было важно обеспечить реализацию интегрированных программ ДОО И НОО. Это стало возможным, благодаря реализации программы «ТЕМП». В развитии образования за рубежом мы также находим схожие идеи и концепции, такие как: парадигма образования STEM (Science Technology Engineering and Maths), концепция построения производственной лаборатории Fablab (fabricationlaboratory), модель использования оборудования TechShop и др. STEM-образование направлено на внедрение комплекса образовательных мероприятий на всех уровнях образования, способствующих изучению компьютерных наук, естественных наук, инженерного дела и математики. По мнению В.Н.Халамова, именно занятия по робототехнике обеспечивают развитие способностей к конструированию и моделированию [20]. Принимая это во внимание, с целью интеграции дошкольного, школьного и дополнительного образования, нами был создан «Центр робототехники и инженерных технологий и изобретений», в состав которого вошли следующие лаборатории: лаборатория робототехники, эко-лаборатория, умники и умницы, научные развлечения, конструкторское бюро, занимательная информатика (см. рис.).

Центр робототехники и инженерных технологий и изобретений					
Робототехника		Умники и умницы		Конструкторское бюро/ Легоконструирование	
	Эко-лаборатория		Научные развлечения/ Экспериментус/ клуб «Юный исследователь»		Занимательная информатика

Рис. Центр робототехники и инженерных технологий и изобретений

Все представленные лаборатории и клубы обеспечивали разновозрастное взаимодействие детей дошкольного и младшего школьного возраста. Каждая лаборатория решала свои задачи и интегрировалась друг с другом. Функции педагогов заключались в индивидуальном сопровождении образовательного процесса: подготовка дидактического материала для проектирования, сборки, программирования посредством робототехники, организация различных форм сотрудничества в разновозрастных группах, в проектной деятельности, соревнованиях, активное участие в обсуждении результатов индивидуальной и совместной деятельности, создание условий для самоконтроля и самооценки. На занятиях допускались неокончательные решения проблем, тем самым побуждая детей к поиску возможностей других решений, к развитию проблемной ситуации на новом уровне. В процессе взаимодействия и сотрудничества дети самостоятельно распределяли работу, договаривались.

Организация игр, соревнований, проектирования и др. осуществлялась в разновозрастных группах, так как дети выбирали интересующую их тему, замысел, а не только знакомые лица. Такой подход обеспечил мотивацию к познанию и экспериментальной деятельности в зоне ближайшего развития, позволил удовлетворить потребность детей в стремлении к самостоятельности, в понимании и уважении своих уникальных мыслей, действий, в доверии к окружающему миру и другим людям. Ведущая роль отводилась играм с элементами экспериментирования, таким как «Дострой», «Дорисуй», «Преобрази», «Предложи варианты», «Предположи, что будет, если». Живой интерес и эмоциональный отклик вызывали у детей дошкольного возраста игры, в которых был представлен мотив помочь кому-либо. Например, игрушке нужна помощь. Если у куклы сломался домик, ребенок строит новый дом. Дети 5–7 лет любят делать что-то вместе со старшими, им приятно помогать и получать одобрение.

Также мы просили ребенка научить более старших детей что-то делать. Малышам нравится чувствовать себя умелыми и знающими, поэтому формирование мотивации происходит естественным образом. Особенно интересным заданием стало «Сделай предмет для себя»: сконструируй подставку, придумай вешалку для

сушки, подставку для посуды и т. д. Для детей младшего школьного возраста – сконструировать синквейн, кормушку для птиц, соорудить полку, шкатулку для хранения и т. д. Результаты конструкторской деятельности были представлены на выставках достижений, проводимые в День открытых дверей «Лучшие работы Центра робототехники», «Ярмарка идей», где дети совместно с родителями выставляли оригинальные конструкции, «День сумасшедших причесок» и др. Преемственность обеспечивалась единством подходов, целей, содержания, форм, методов работы с детьми.

Таким образом, развитие конструкторских способностей детей в аспекте освоения робототехники должно предполагать целенаправленное поэтапное интеллектуальное и личностное развитие детей, проходящее путь от развития сенсорных возможностей, пространственного и творческого мышления в дошкольном возрасте как общей психологической готовности к переходу на следующую ступень конструирования в младшем школьном возрасте, проявляющуюся в наблюдательности при анализе технических устройств, техническом мышлении, построении системы знаков, представляющих программную цепочку, что обеспечивает обогащение понятийного аппарата дошкольной и общей педагогики.

Основными требованиями к организации преемственности дошкольного и начального общего образования в развитии конструкторских способностей детей дошкольного и младшего школьного возраста в аспекте освоения робототехники являются:

1. Обоснование (выделение) оснований преемственности на основе возрастных особенностей детей дошкольного и младшего школьного возраста, которые обеспечивают непрерывное развитие конструкторских способностей.

2. Усложнение материальной конструкторской базы от объемных стандартных фигур к большому разнообразию крепежей и деталей. Реализация творческой деятельности переходит от простых статичных конструкций к проектам, программируемым техническим системам.

3. При организации взаимодействия педагога с ребенком осуществляется переход из обучения в игре к целенаправленной проектной, исследовательской деятельности. Взаимодействие постепенно приобретает характер самостоятельных творческих работ ребенка.

На основании вышеизложенного под преемственностью дошкольного и начального образования в развитии конструкторских способностей детей в аспекте освоения робототехники следует понимать согласованность и взаимосвязь уровней образования, обеспечивающих процесс целенаправленного поэтапного интеллектуального, творческого и личностного развития детей, отражающий психологическую готовность к переходу от элементарного моделирования к конструированию динамических и программируемых механизмов.

Список использованных источников

1. Долгосрочная концепция социально-экономического развития страны до 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://74330s020.edusite.ru/DswMedia/konceptiyadolgosrochnogo-socialnoyekonomicheskogorazvitiyarossiyskojyfederaciiinaperioddo2020goda.pdf> (дата обращения: 28.05.2018).

2. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 28.05.2018).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования [Электронный ресурс]. URL : <https://pravobraz.ru/federalnyj-gosudarstvennyj-obrazovatelnyj-standart-doshkolnogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 28.05.2018).
4. Баллер Э.А. Проблема преемственности в развитии культуры // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 5. 15 с.
5. Исмаилов Ф.Ю. Преемственность в историческом процессе. Ташкент : Фан, 1989. 173 с.
6. Иванова Е.А. Преемственное использование средств этнопедагогике в системе «детский сад – начальная школа»: Научная библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/preemstvennoe-ispolzovanie-sredstv-etnopedagogiki-v-sisteme-detskii-sad-nachalnaya-shkola#ixzz5JcOraFEh> (дата обращения: 27.05.2018).
7. Должикова Р.А., Федосимов Г.М. Реализация преемственности при обучении и воспитании детей в ДОУ и начальной школе. М., 2008. 80 с.
8. Об организации взаимодействия образовательных учреждений и обеспечении преемственности дошкольного и начального общего образования Методическое письмо от 25 марта 1994 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://docplayer.ru/51915131-Ob-organizacii-vzaimodeystviya-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-i-obespechenii-preemstvennosti-doshkolnogo-i-nachalnogo-obshchego-obrazovaniya.html> (дата обращения: 27.05.2018).
9. Трубайчук Л.В. Педагогическая стратегия и тактика организации интегрированного процесса в дошкольном образовании. М. : Книжная палата, 2013. 173 с.
10. Парамонова Л.А. Конструирование из строительного материала как средство умственного воспитания детей дошкольного возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1979. 28 с.
11. Коротаева Е.В. Личностно-развивающие технологии в современном образовательном процессе // Актуальные проблемы современного профессионального образования : материалы конференции, проводимой в рамках Междунар. науч. конгр. «V Славян. пед. чтения», 1–2 нояб. 2006 г., МГУ им. М.В.Ломоносова. М. : Педагогика, 2006. 259 с.
12. Гогоберидзе А.Г. Проблема исследования безопасности [Электронный ресурс]. URL : <https://cyberleninka.ru/article/v/problema-issledovaniya-i-poznaniya-rebenka-doshkolnogo-vozrasta-kak-subekta-deyatelnosti-i-povedeniya> (дата обращения: 27.05.2018).
13. Эльконин Д.Б. Игра и психическое развитие: Психическое развитие в детских возрастах [Электронный ресурс]. URL : <https://education.lego.com/ru-ru/middle-school/intro/math> (дата обращения: 25.05.2018).
14. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования // Министерство образования и науки Российской Федерации. М. : Просвещение, 2011. 76 с.
15. Подъяков Н.Н. Конструирование и художественный труд в детском саду. Программа и конспекты занятий. М. : ТЦ Сфера, 2009. 407 с.
16. Лурия А.Р Развитие конструктивной деятельности дошкольника // Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста. М., 1948. С. 34–64.
17. Парамонова Л.А. Система формирования творческого конструирования у детей 2–7 лет. Москва, Научная библиотека диссертаций и авторефератов. 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/sistema-formirovaniya-tvorcheskogo-konstruirovaniya-u-detei-2-7-let#ixzz5Jn8d0NIId> (дата обращения: 29.05.2018).
18. Галушкина Н.П. Преемственность в развитии детей дошкольного и начального школьного возраста в условиях центра образовательной робототехники : учеб.-метод. пособие. Челябинск : Изд-во Юж.-Урал. 2017. 157 с.
19. Власова О.С. Техническое конструирование как средство активизации освоения дисциплин естественнонаучного цикла младшими школьниками : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2015. Библиотека авторефератов и диссертаций по педагогике [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-tehnicheskoe-konstruirovaniya>

irovanie-kak-sredstvo-aktivizatsii-osvoeniya-distsiplin-estestvennonauchnogo-tsikla-mladshimi-shkolni#ixzz5Jn7zzxBR (дата обращения: 29.05.2018).

20. Халамов В.Н. Образовательная робототехника в начальной школе : учеб.-метод. пос. Челябинск, 2012. 192 с.

References

1. Dolgosrochnaya koncepciya social'no-ehkonomicheskogo razvitiya strany do 2020 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://74330s020.edusite.ru/DswMedia/koncepciyadolgosrochnogo-socialnoekonomicheskogorazvitiyarossiyskojfederaciiinaperioddo2020goda.pdf> (data obrashcheniya: 28.05.2018).

2. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 g. № 273 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashcheniya: 28.05.2018).

3. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart doshkol'nogo obrazovaniya [EHlektronnyj resurs]. URL : <https://pravobraz.ru/federalnyj-gosudarstvennyj-obrazovatelnyj-standart-doshkolnogo-obrazovaniya/> (data obrashcheniya: 28.05.2018).

4. Baller E.H.A. Problema preemstvennosti v razvitii kul'tury // Vestnik istorii mirovoj kul'tury. 1961. № 5. 15 s.

5. Ismailov F.YU. Preemstvennost' v istoricheskom processe. Tashkent : Fan, 1989. 173 s.

6. Ivanova E.A. Preemstvennoe ispol'zovanie sredstv etnopedagogiki v sisteme «detskij sad – nachal'naya shkola»: Nauchnaya biblioteka dissertacij i avtoreferatov [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.dissercat.com/content/preemstvennoe-ispolzovanie-sredstv-etnopedagogiki-v-sisteme-detskii-sad-nachalnaya-shkola#ixzz5JcOraFEh> (data obrashcheniya: 27.05.2018).

7. Dolzhikova R.A., Fedosimov G.M. Realizaciya preemstvennosti pri obuchenii i vospitanii detej v DOU i nachal'noj shkole. M., 2008. 80 s.

8. Ob organizacii vzaimodejstviya obrazovatel'nyh uchrezhdenij i obespechenii preemstvennosti doshkol'nogo i nachal'nogo obshchego obrazovaniya Metodicheskoe pis'mo ot 25 marta 1994 g. [EHlektronnyj resurs]. URL : <http://docplayer.ru/51915131-Ob-organizacii-vzaimodejstviya-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-i-obespechenii-preemstvennosti-doshkolnogo-i-nachalnogo-obshchego-obrazovaniya.html> (data obrashcheniya: 27.05.2018).

9. Trubajchuk L.V. Pedagogicheskaya strategiya i taktika organizacii integrirovannogo processa v doshkol'nom obrazovanii. M. : Knizhnaya palata, 2013. 173 s.

10. Paramonova L.A. Konstruirovanie iz stroitel'nogo materiala kak sredstvo umstvennogo vospitaniya detej doshkol'nogo vozrasta : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 1979. 28 s.

11. Korotaeva E. V. Lichnostno-razvivayushchie tekhnologii v sovremennom obrazovatel'nom processe // Aktual'nye problemy sovremennogo professional'nogo obrazovaniya : materialy konferencii, provodimoj v ramkah Mezhdunar. nauch. kongr. «V Slavyan. ped. chteniya», 1–2 noyab. 2006 g., MGU im. M.V.Lomonosova. M. : Pedagogika, 2006. 259 s.

12. Gogoberidze A.G. Problema issledovaniya bezopasnosti [EHlektronnyj resurs]. URL : <https://cyberleninka.ru/article/v/problema-issledovaniya-i-poznaniya-rebenka-doshkolnogo-vozrasta-kak-subekta-deyatelnosti-i-povedeniya> (data obrashcheniya: 27.05.2018).

13. EHI'konin D.B. Igra i psihicheskoe razvitie: Psihicheskoe razvitie v detskih vozrastah [EHlektronnyj resurs]. URL : <https://education.lego.com/ru-ru/middle-school/intro/math> (data obrashcheniya: 25.05.2018).

14. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart nachal'nogo obshchego obrazovaniya // Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii. M. : Prosveshchenie, 2011. 76 s.

15. Podd'yakov N.N. Konstruirovanie i hudozhestvennyj trud v detskom sadu. Programma i konspekty zanyatij. M. : TC Sfera, 2009. 407 s.

16. Luriya A.R. Razvitie konstruktivnoj deyatelnosti doshkol'nika // Voprosy psihologii rebenka doshkol'nogo vozrasta. M., 1948. S. 34–64.

17. Paramonova L.A. Sistema formirovaniya tvorcheskogo konstruirovaniya u detej 2–7 let. Moskva, Nauchnaya biblioteka dissertacij i avtoreferatov. 2001 g. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/sistema-formirovaniya-tvorcheskogo-konstruirovaniya-u-detei-2-7-let#ixzz5Jn8d0NIId> (data obrashcheniya: 29.05.2018).

18. Galushkina N.P. Preemstvennost' v razvitii detej doskol'nogo i nachal'nogo shkol'nogo vozrasta v usloviyah centra obrazovatel'noj robototekhniki : ucheb.-metod. posobie. Chelyabinsk : Izd-vo YUzh.-Ural. 2017. 157 s.

19. Vlasova O.S. Tekhnicheskoe konstruirovanie kak sredstvo aktivizatsii osvoeniya disciplin estestvennonauchnogo cikla mladshimi shkol'nikami : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Chelyabinsk, 2015. Biblioteka avtoreferatov i dissertacij po pedagogike [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-tehnicheskoe-konstruirovanie-kak-sredstvo-aktivizatsii-osvoeniya-distsiplin-estestvennonauchnogo-tsikla-mladshimi-shkolni#ixzz5Jn7zzxBR> (data obrashcheniya: 29.05.2018).

20. Halamov V.N. Obrazovatel'naya robototekhnika v nachal'noj shkole : ucheb.-metod. pos. Chelyabinsk, 2012. 192 s.

УДК 316.6

М.Дж.Киекбаев, Г.Р.Ильясова, Ю.К.Акчулпанов

Теоретико-методологические подходы в социологии к пониманию природы девиантного поведения

В статье актуализируется проблема социальной девиации применительно к современному развитию российского общества и обосновывается необходимость активного и глубокого изучения различных, особенно ярко выраженных в настоящее время, деструктивных форм девиантного поведения. С этой целью авторы обращаются к сложившимся в социологической науке теоретико-методологическим подходам к пониманию природы социальных отклонений и разработке практических действий по их минимизации и профилактике. Обосновывается необходимость существенного дополнения структуры познания природы девиантности на междисциплинарном уровне с учетом достижений современной науки.

Ключевые слова и фразы: социальные отклонения; формы деструктивной девиации; природа социальной девиации; подходы к изучению социальных отклонений; девиантология; структура познания девиантности.

Киекбаев Мурат Джалилович, академик-секретарь отделения социально-гуманитарных наук и технологий Академии наук Республики Башкортостан, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, доктор социологических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: bashgu_tourat@mail.ru

Ильясова Гузалия Римовна, ученый секретарь отделения социально-гуманитарных наук и технологий Академии наук Республики Башкортостан, кандидат филологических наук, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: orient2006@anrb.ru

Акчулпанов Юлай Киньябаевич, ученый секретарь Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: yulay_87@mail.ru

© Киекбаев М.Дж., Ильясова Г.Р., Акчулпанов Ю.К., 2018

M.J.Kiekbaev, G.R.Ilyasova, Yu.K.Akchulpanov

Theoretical and Methodological Approaches in Sociology to the Definition of the Concept of Deviant Behavior

The article deals with the problem of social deviation with regard to the modern development of Russian society and justifies the need for active and in-depth study of various destructive forms of deviant behavior especially pronounced at present. For this purpose, the authors turn to the theoretical and methodological approaches developed in sociological science to understand the nature of social deviations and to develop practical actions to minimize and prevent them. The necessity of essential addition of the structure of the knowledge of nature of deviance at the interdisciplinary level is substantiated, taking into account the achievements of modern science.

Key words and phrases: social deviations, forms of destructive deviation, nature of social deviation, approaches to the study of social deviations, deviantology, structure of the knowledge of nature.

Девиантное поведение, понимаемое как нарушение социальных норм, приобрело в последние годы массовый характер и поставило эту проблему в центр внимания социологов, социальных психологов, педагогов, медиков, работников правоохранительных органов.

Сегодня девиация приобрела особую остроту в нашей стране, где все сферы общественной жизни претерпевают серьезные изменения, происходит девальвация прежних норм поведения. Рассогласованность между ожидаемым и реальным повышает напряженность в обществе и готовность человека изменить модель своего поведения, выйти за пределы сложившейся нормы. В условиях острой социально-экономической ситуации существенные изменения происходят и с самими нормами. Зачастую отключаются культурные ограничители и ослабевает вся система социального контроля.

Есть объективные основания считать, что в ближайшие годы масштабы девиантного поведения будут возрастать, а значит и расширять причинную базу преступности [1, с. 32]. «Во всяком случае, – отмечает известный российский криминолог В.В.Лунеев, – по этим признакам у нас нет сколько-нибудь значимых доказательств снижения криминогенности социальных условий» [2]. Современные негативные социальные девиации, приобретая глобальный характер, могут создавать опасности не только отдельно взятому обществу в конкретной стране, но и всему мировому сообществу в целом. Неслучайно в этой связи преступность специалистами рассматривается как угроза национальной безопасности государств.

Значительное ухудшение социальных условий, детерминирующих характер и масштабы девиаций, требует разработки в кратчайшие сроки системы мер, дифференцированных по регионам и группам населения. Причем меры эти должны быть не только прямого, непосредственного воздействия на разные категории людей, но и опосредованного, связанного с оздоровлением образа жизни людей, повышением культуры и социальной активности, изменениями в их ценностных ориентациях и установках, в нравственной устойчивости.

Объяснить причины, условия и факторы, детерминирующие это социальное явление, стало насущной задачей современной науки. Рассмотрение этой задачи предполагает поиск ответов на ряд фундаментальных вопросов, среди которых вопросы о сущности категории «норма» (социальная норма) и об отклонениях от нее.

В стабильно функционирующем и устойчиво развивающемся обществе ответы на эти вопросы более или менее ясны. Социальная норма – это необходимый и относительно устойчивый элемент социальной практики, выполняющий роль инструмента социального регулирования и контроля. «Социальная норма, – отмечает Я.И.Гишинский, – определяет исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций» [3, с. 28].

Этот ученый характеризует девиацию личности, во-первых, как поступок, действие, не соответствующее официально установленным или фактически сложившимся в обществе социальным нормам (стандартам, шаблонам). Во-вторых, как социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам). К предметной области социологии относится в основном второе из приведенных проявлений девиации.

Проблема девиантного поведения изучается давно, но несмотря на это в современном мире она не становится менее актуальной. Предпосылки изучения девиантного поведения были заложены еще в древности. Научный интерес к категории «поведение» проявлялся уже в античности, когда Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель и другие философы обратились к причинам, побуждающим человека к той или иной активности. Девиантное поведение со времени возникновения общества всегда представляло собой опасность для социальной стабильности, угрозу для жизни людей, социумов, считалось нежелательным явлением, и поэтому общество пыталось предупредить, по возможности заблокировать, нежелательные формы человеческой жизнедеятельности.

Зарождение целостных теорий, объясняющих девиацию как специфический тип человеческого поведения, относится к XIX–XX вв. [4]. Во многом это было обусловлено построением индустриального типа общества в развитых странах, когда научные открытия в области географии, анатомии, биологии, физики способствовали появлению системы идей и взглядов, с помощью которых ученые пытались (и сегодня продолжают предпринимать попытки) познать и объяснить социальные процессы методами естественных наук. Данное направление философии получило название позитивизм. Именно в его рамках формируются три направления или подхода к изучению отклоняющегося, девиантного поведения: биологическое (антропологическое), психологическое и социологическое. В контексте данной статьи, на наш взгляд, допустимо говорить о социально-психологической направленности исследований, понимая их как более междисциплинарное научное осмысление феномена девиации.

Прежде всего, необходимо отметить разнообразие в подходах к изучению девиантного поведения в силу сложности его природы. Эти подходы в обществоведческой литературе группируются в три направления.

1. Биологический (Ч.Ломброзо, У.Шелдон). Суть этого подхода состоит в том, что девиантное, в частности преступное, поведение обусловлено определенными физическими (антропологическими) особенностями человека. Например, выступающая нижняя челюсть, узкий покатый лоб, пониженная чувствительность к боли и т. д. (Ч.Ломброзо) или мезоморфность, т. е. строение тела, которое отличается силой и стройностью (У.Шелдон). Среди факторов, влияющих на рост девиаций

в обществе, Ломброзо выделял: природные условия, цивилизационный и классовый факторы, плотность населения, тип поселения, явления засухи и неурожая, состав пищи [5; 6].

2. Психологический подход (З.Фрейд, А.Адлер). Девиантность при таком подходе обусловлена психическими отклонениями личности, наличием у нее различных комплексов, а также тем, что конфликт личности и общества задан изначально, как столкновение Id («ОНО») Super-Ego – системы моральных запретов. Общество ограничивает возможность удовлетворения инстинктов человека и тем самым создает конфликтную ситуацию [7; 8; 9].

3. Социологический подход (Г.Беккер, Э.Дюркгейм, Р.Мертон, Т.Парсонс, П.А.Сорокин и др.). В данном случае девиантное поведение объясняется социальными причинами: несовершенством общества, социальным неравенством и противоречиями, изначально заданными конфликтами, протестом против несправедливого общественного устройства и т. д. [10; 11; 12; 13; 14].

Краеугольным камнем социологического подхода к пониманию природы социальной девиации стала теория аномии Э.Дюркгейма и Р.Мертон. Не останавливаясь на ней специально, ибо теория эта в социологической среде общеизвестна, приведем характеристику, данную ей Р.Мертоном: «Хотя теория Дюркгейма подверглась критике, основная мысль о том, что социальная дезорганизация является причиной девиантного поведения, и в наши дни считается общепризнанной» [15, с. 207].

Анализируя данные три подхода, Н.Смелзер подчеркивал: «Биологическое и психологическое объяснение девиации связано главным образом с анализом природы девиантной личности. Социологическое объяснение учитывает социальные и культурные факторы, на основе которых людей считают девиантными» [15, с. 206].

Рассмотрев традиционные подходы к трактовке девиантного поведения, следует отметить, что абсолютно все представленные в них теории несут в себе определенные несовершенства. Тем не менее, социологический подход в изучении девиантного поведения является центральным, и концепции, присущие ему, безусловно, являются главенствующими при междисциплинарном подходе к изучению девиантности.

Социология девиантного поведения и социального контроля (девиантология) как относительно самостоятельная область теоретического и практического знания находится в стадии своего становления. Она имеет все предпосылки для приобретения статуса самостоятельной дисциплины, описывающей все формы отклонений от социальных норм. Во всяком случае, она достигла такого уровня своего развития, что может на это претендовать. Более того, в настоящее время существует настоятельная потребность в создании общей, интегративной теории девиантности, способной предоставить методологические основания для проведения комплексных исследований нарушений социальных норм при участии разных дисциплин. Однако пока девиантология не находит признания в качестве самостоятельного научного направления. Чаще всего она рассматривается как вспомогательная прикладная дисциплина, как поставщик данных для социологии, криминологии, социальной психологии, педагогики и т. д., а профессиональное положение девиантологов и направления их исследований обуславливаются базовым образованием (юриста, социолога, психолога, педагога, социального работника и т. д.). Другими свидетельствами того, что девиантология не имеет самостоятельного статуса, служат, например, отсутст-

вие специального учебного курса по девиантологии для студентов социологических факультетов, специальности девиантолога и профессиональной подготовки по этой дисциплине. К таким свидетельствам можно отнести также некоторые тенденции девиантологических исследований. Например, сведение их к изучению социально-психологических аспектов какой-либо проблемы или к изучению личности нарушителя социальных норм с применением соответствующих психологических методов. Такое положение дел представляется неудовлетворительным.

Чтобы понять, почему девиантология до сих пор не превратилась в *самостоятельную целостную систему знаний*, следует рассмотреть, как минимум, три важных момента: 1) обратиться к истории развития девиантологической мысли и выявить причины превращения девиантологии в периферийную для других дисциплин науку; 2) проследить связь девиантологии с криминологией, проанализировать соотношение предметов этих наук; 3) проанализировать возможности криминологии по созданию методологических оснований для изучения всех форм негативных социальных явлений.

В рамках психологического и антропологического подходов к пониманию девиации в XX в. учеными был изучен феномен «стигмы девиантности». Под стигмой девиантности в социологическом смысле можно понимать систему устойчивых представлений в сознании отдельного человека или группы о социальном явлении как негативной девиации. Латентная функция стигмы девиантности заключается в том, что объект по отношению, к которому применяются данные представления, часто сам становится источником новых девиаций. Примером может послужить молодежная группа, которую в обществе квалифицировали, определили как экстремистскую. Члены данной группы, осознавая свою уникальность, подчеркивают свою особенность соответствующими формами поведения, которые часто носят экстремистский характер.

Социологи едины в том, что девиантность как социальное явление обладает тремя основными признаками (характеристиками). Первый признак предполагает устойчивое отклонение развития субъекта деятельности или социальной группы от общепринятых норм и ценностей. Вторая характеристика объясняет, что негативные социальные девиации нуждаются в постоянном контроле, а часто и в устранении. Третий признак характеризует негативные девиации как социальное явление, которое препятствует развитию общества.

Современные социологические теории рассматривают социальные девиации как саморегулирующиеся социальные системы, которые в условиях переходного, ранзитивного, глобализирующегося общества модифицируются и видоизменяются. Социальная среда сама продуцирует социальные риски и порождает условия неопределенности [16, с. 12–17].

Субъекты социальных девиаций, приспособившись к данной среде, тоже выступают источниками рисков и инноваций, поэтому современные негативные социальные девиации, приобретая глобальный характер, могут создавать опасности не только конкретной стране, но и всему мировому сообществу.

Таким образом, через субъективно принятые волюнтаристские решения формируется социальная реальность, которую никто не хотел, и которая развивается на основе разрушительных и не ориентированных на развитие общества процессов с повышенным девиантным фоном. Неуправляемые процессы современной социальной

реальности становятся ее закономерностями, порождая угрозы, риски и девиации в расширенном масштабе. Особую роль в формировании желательной для общества и человека социальной реальности без повышенного девиантного фона сможет играть новая система управления, основанная на научном знании [17, с. 87–95].

В этом контексте следует назвать исследования, которые проводят коллеги. В частности речь идет о выявлении и оценке факторов риска девиантного поведения групп населения. Так, применительно молодежи Т.В.Шипунова указывает на такие факторы повседневной жизни, как ситуация в семье, наличие образцов девиантности в ближайшем окружении, неблагоприятные жилищные условия, девиантные, в том числе криминальные проявления в микрорайоне, неблагоустроенность района проживания, неуверенность в реализации своих жизненных планов, виктимизация, отсутствие чувства стыда за возможные или совершенные проступки и другие [18, с. 175].

Нам представляется удачным с методологической точки зрения такой подход. Выявление и анализ факторов девиантности будет способствовать не только расширению знаний этого социального явления, но и облегчит разработку специальных мер по минимизации и профилактике девиантного поведения.

Для управления девиациями в современных условиях развития общества также необходимо изучение их новых форм, природы, масштабов проявлений, дальнейших направлений развития. В соответствии с чем также необходимо формировать и иной тип управления на системном государственном уровне.

Исследование социокультурных оснований крайних форм девиантного поведения, всего спектра девиантогенных факторов и в частности в подростковой и молодежной среде позволяют нам утверждать, что основными причинами, определяющими настоящую проблематику, являются, во-первых, ослабление норм, регулирующих поведение индивидов, а во-вторых, дезорганизация ряда общественных связей и структур, определяющих институциональный характер функционирования соционормативной модели государственной политики.

В данном случае следует норму принять, как определенный образец поведения, обусловленный социокультурными стереотипами общества. В то же время культурологические основания общественно одобряемой поведенческой модели должны обеспечиваться сформированными и функционирующими механизмами контроля над соблюдением индивидами тех или иных правил поведения, принятых в социально позитивном слое общества.

По мнению известного российского социолога В.И.Добренкова, механизм воспроизводства социальных отношений представляет собой социальный контроль, включающий в себя два главных элемента: 1) нормы (предписанные обществом правила поведения); 2) санкции (средства наказания за несоблюдение этих норм). Наличие поощрения за соблюдение норм и санкций за их несоблюдение делает поведение индивидов в обществе предсказуемым. Каждый из нас понимает, что выдающиеся научные открытия и спортивные достижения поощряются, а тяжкие преступления против отдельных индивидов или общества в целом наказываются [19].

Таким образом, если у какой-то нормы отсутствует соответствующая санкция, она превращается лишь в призыв, утрачивая при этом функцию базового элемента социального контроля. Социальный контроль можно назвать фундаментом стабильности общественных отношений. Его отсутствие или ослабление ведет к росту социальных девиаций, приводит общество к социальной напряженности, неустойчивости.

Рассмотрение проблемы преступности, как результата ослабления норм, регулирующих поведение в обществе, нам представляется в социологическом аспекте наиболее обоснованным. Исследование социологической сущности нормы требует ее анализа в комплексе с изучением системы регуляторов поведения людей и в частности механизмов социального контроля над соблюдением принятых в данном обществе ценностей и норм поведения.

Система регуляторов поведения людей включает в себя и механизм социального контроля над соблюдением принятых в данном обществе, социальной группе, семье ценностей и норм поведения. Способность каждой культуры, общества сохранить свою целостность, устойчивость зависит от того, что, как и насколько эффективно контролируется в рамках данной культуры, общества [20; 21].

Социальный контроль, включающий в себя внешний контроль и самоконтроль, представляет собой систему реагирования на поведение индивида с целью упреждения (вытеснения) нежелательного и восстановление нормального (соответствующего нормам) поведения. Эта система включает в себя две взаимосвязанных, но относительно независимых подсистемы: 1) отслеживание, наблюдение за поведением людей; 2) воздействие, в том числе санкции.

В криминологии, а также в социологической науке явление отклонения личности, социальных групп от установленного порядка, норм поведения называют девиантным (отклоняющимся) поведением. Однако социология справедливо изучает девиации не как патологию конкретного индивида, а как всего общества, его социальных взаимосвязей, структуры.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод:

– научное обоснование явления девиации поведения индивида определило возникновение ряда теоретико-методологических подходов к настоящей проблематике. Попытки объяснить исходную обусловленность процесса трансформации основных характеристик поведенческой модели несовершеннолетних и их тяготение к общественно-порицательным проявлениям, на различных научных полях (социологическом, психологическом, педагогическом, криминологическом) определили, на наш взгляд, обоснованное существование интегративного подхода к вопросам девиантности, признающего в качестве девиантогенных акторов основания, приводимые в исследованиях зарубежных и отечественных социологов.

Однако нам представляется возможным в качестве доминирующего фактора, определяющего мотивационно-целостную сторону проблемы девиации, обозначить культурологическую составляющую.

На наш взгляд, вышеупомянутую проблематику можно характеризовать как конфликтующее противоборство двух систем доминирующих ценностей – норм общественно одобряемых социально позитивным слоем граждан и признаваемых лишь в ограниченном сообществе людей с асоциальной направленностью криминальной субкультуры.

Осуществляя эскалацию основных идеологических установок в культурное содержание мировоззренческих стереотипов современной молодежи, криминальная субкультура провоцирует, прежде всего, трансформацию сознания подростков, формируя в нем ориентиры, культивирующие основные законы и традиции криминального общества.

Сегодня назрела насущная необходимость создания структуры познания природы девиантности с учетом достижений современной науки. Эта структура должна соответствовать представлениям о познании предмета изучения и включать в себя следующие уровни:

– *философский*: здесь формируются общие фундаментальные понятия (для нашей темы – это социальная норма, отклонение от социальной нормы, преступление, преступность, причины и др.), происходит адаптация общенаучных и специальных методов (анализ, толкование, синтез, наблюдение, статистический анализ и т. п.) к нуждам изучения предмета, а также вырабатываются критерии оценки практической деятельности по минимизации социального зла;

– *теоретический*: осуществляется связь философского уровня с предметом изучения, т. е. разрабатываются теоретические основания для изучения девиантности, ее причин и личности девианта;

– *эмпирический*: непосредственное изучение девиантности и девиаций с привлечением к интерпретации данных социологических исследований.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-РБ в рамках научного проекта №18-411-020007\18 p_a «Состояние и динамика криминальной девиации в Республике Башкортостан и ее минимизации на региональном уровне»

Список использованных источников

1. Кара-Мурза С.Г., Батников С.А., Глазьев С.Ю. Куда идет Россия. Белая книга реформ. М., 2008.
2. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. Общая часть. М. : Юрайт, 2011. Т 1. 1003 с.
3. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.
4. Смирнова А.Н. Классические и современные теории девиантности. СПб. : Питер-пресс, 2011. 177 с.
5. Ломброзо Ч. Преступный человек. М. : Эксмо : МИДГАРД, 2005. 115 с.
6. Тирд Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. : Инфра-М, 2004. 391 с.
7. Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / сост. В.М. Лейбин. М. : Республика, 1994. 384 с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник / пер. с англ. и нем. ; общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : Республика, 1992. 430 с.
10. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М., 2018. 272 с.
11. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. под ред. В.А. Базарова. М. : Мысль, 1994. 399 с.
12. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 118–124.
13. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2000. 207 с.
14. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М. : Наука, 1993. 688 с.
15. Смелзер Н. Социология : пер. с англ. М. : Феникс, 1994. 688 с.
16. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы : тезисы докладов. Владимир, 2016. С. 12–17.

17. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4. С. 87–95.

18. Шипунова Т.В. Факторы риска девиантного поведения молодежи в контекстах повседневности: некоторые результаты исследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2 (32). С. 175–182.

19. Добренков В.И. Преступление и наказание: криминализация России как социально-политическое явление : материалы дискуссии. М. : Альфа-М, 2004. Вып. 3. 192 с.

20. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль: избранные статьи. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 322 с.

21. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань : Изд-во КЮИ МВД России, 2009. 154 с.

References

1. Kara-Murza S.G., Batnikov S.A., Glaz'ev S.YU. Kuda idet Rossiya. Belaya kniga reform. M., 2008.

2. Luneev V.V. Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii : uchebnik : v 2 t. Obshchaya chast'. M. : YUrajt, 2011. T 1. 1003 s.

3. Gilinskij YA. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij». SPb. : YUridicheskij centr Press, 2004. 520 s.

4. Smirnova A.N. Klassicheskie i sovremennye teorii deviantnosti. SPb. : Piter-press, 2011. 177 s.

5. Lombrozo CH. Prestupnyj chelovek. M. : EHkmo : MIDGARD, 2005. 115 s.

6. Tird G. Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost'. Prestupleniya tolpy / sost. i predisl. V.S. Ovchinskogo. M. : Infra-M, 2004. 391 s.

7. Zigmund Frejd, psihoanaliz i russkaya mysl' / sost. V.M. Lejbin. M. : Respublika, 1994. 384 s.

8. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla : sbornik / Per. s angl. i nem. ; obshch. red. L.YA. Gozmana i D.A. Leont'eva. M. : Progress, 1990. 368 s.

9. Fromm EH. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti. M. : Respublika, 1992. 430 s.

10. Bekker G. Autsajdery: issledovaniya po sociologii deviantnosti. M., 2018. 272 s.

11. Dyurkgejm EH. Samoubijstvo: sociologicheskij ehtyud / per. s fr. pod red. V.A. Bazarova. M. : Mysl', 1994. 399 s.

12. Merton R.K. Social'naya struktura i anomiya // Sociologicheskie issledovaniya. 1992. № 2. S. 118–124.

13. Parsons T. O strukture social'nogo dejstviya. M. : Akademicheskij proekt, 2000. 207 s.

14. Sorokin P.A. Sistema sociologii. T. 2. Social'naya analitika: Uchenie o stroenii slozhnyh social'nyh agregatov. M. : Nauka, 1993. 688 s.

15. Smelzer N. Sociologiya : per. s angl. M. : Feniks, 1994. 688 s.

16. Nestik T.A., ZHuravlev A.L. Psihologicheskie osobennosti global'nyh riskov i otnoshenie k nim v obshchestve // Psihologiya otnosheniya cheloveka k zhiznedeyatel'nosti: problemy i perspektivy : tezisy dokladov. Vladimir, 2016. S. 12–17.

17. Glaz'ev S.YU., Lokosov V.V. Ocenka predel'no kriticheskikh znachenij pokazatelej sostoyaniya rossijskogo obshchestva i ih ispol'zovanie v upravlenii social'no-ehkonomicheskim razvitiem // EHkonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2012. № 4. S. 87–95.

18. SHipunova T.V. Faktory riska deviantnogo povedeniya molodezhi v kontekstah povsednevnosti: nekotorye rezul'taty issledovaniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 2 (32). S. 175–182.

19. Dobren'kov V.I. Prestuplenie i nakazanie: kriminalizaciya Rossii kak social'no-politicheskoe yavlenie : materialy diskussii. M. : Al'fa-M, 2004. Vyp. 3. 192 s.

20. Gilinskij YA.I. Deviantnost', prestupnost', social'nyj kontrol': izbrannye stat'i. SPb. : YUridicheskij centr Press, 2004. 322 s.

21. Komlev YU.YU. Teoriya restriktivnogo social'nogo kontrolya. Kazan' : Izd-vo KYUI MVD Rossii, 2009. 154 s.

УДК 376.1.0371-056.37

Л.Р.Макина, Р.С.Кулешов

Анализ мотивов спортивной деятельности у легкоатлетов 10–12 лет с нарушением интеллекта

В статье определяются ведущие мотивы спортивной деятельности у легкоатлетов 10–12 лет с нарушением интеллекта. Статья базируется на утверждении о том, что выявление ведущих мотивов спортивной деятельности является условием эффективности повышения мотивации к занятиям спортом у легкоатлетов с нарушением интеллекта. В дальнейшем это может способствовать реабилитации инвалида в целом.

Ключевые слова и фразы: мотивация; мотив; дети с нарушением интеллекта; физическое воспитание; легкая атлетика; адаптивный спорт; адаптивная физическая культура; ведущие мотивы спортивной деятельности.

L.R.Makina, R.S.Kuleshov

Analysis of the Motives of Sports Activities of Athletes with Intellectual Disabilities Aged 10–12

The article defines the leading motives of sports activities for athletes with a violation of intelligence aged 10–12 years. The article is based on the assertion that the identification of the leading motives of sports activity is a condition for the effectiveness of increasing the motivation to engage athletes with intellectual disabilities in sports. In the future, this can contribute to the rehabilitation of the disabled person as a whole.

Key words and phrases: motivation, motive, children with intellectual disability, physical education, athletics, adaptive sport, adaptive physical culture, leading motives of sports activity.

Спорт в жизни инвалида и человека с ограниченными функциональными возможностями выступает как универсальная форма самосовершенствования, самовыражения, самоутверждения, так как вся деятельность в спорте направлена преимущественно на преодоление самого себя [1, с. 238]. Одной из главных проблем теории адаптивной физической культуры является проблема изучения потребностей, мотивов, интересов, ценностных ориентаций лиц с отклонениями в состоянии здоровья [2, с. 33]. Также следует отметить, что ряд специалистов по работе с детьми данной категории отмечают необходимость систематических занятий доступными им видами спорта, но заинтересовать их в занятии спортом довольно сложно, поскольку самостоятельно спортивная мотивация у детей с нарушением интеллекта

Макина Лилия Рафкатовна, заведующая кафедрой физического воспитания и адаптивной физической культуры Ставропольского государственного медицинского университета, доктор педагогических наук, профессор, г. Ставрополь; конт. инф.: mlr70@mail.ru

Кулешов Роман Сергеевич, аспирант кафедры циклических видов спорта и физического воспитания Башкирского института физической культуры, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: Roman.Kuleshov.92@mail.ru

© Макина Л.Р., Кулешов Р.С., 2018

формируется крайне слабо. У детей быстро появляется безразличие к учебно-тренировочному процессу, что неблагоприятно сказывается на их физическом развитии, а следовательно, и на состоянии здоровья в целом [3, с. 401].

По утверждению С.Б.Каверина (1998), чтобы создать высокую мотивацию, надо создать условия для удовлетворения потребностей. А.В.Масленников (2000) в своих трудах писал, что формирование мотивов и потребностей в занятиях физическими упражнениями предусматривает создание в учебном заведении условий для проявления внутренних побуждений к занятиям, осознание их учениками и дальнейшее их саморазвитие. При этом преподаватель должен стимулировать развитие мотивационной сферы системой продуманных приемов. Также специалисты отмечают, что возраст 10–12 лет является благоприятным для начала занятия спортом, и уделять особое внимание мотивационной сфере следует именно на этапах начальной подготовки юных спортсменов, так как в дальнейшем заинтересовать их в занятии спортом будет гораздо сложнее [4, с. 17; 5].

По мнению С.П.Евсеева (2007), индивидуальный подход к занимающимся, имеющим ограниченные возможности здоровья, реализуется за счет выбора методических приемов обучения и воспитания с учетом всех особенностей занимающихся: структуры и тяжести основного дефекта, наличия или отсутствия сопутствующих или вторичных нарушений, возраста, физического и психического развития, интеллекта и т. д. [6, с. 29].

Ведущие специалисты в области психологии и адаптивной физической культуры говорят о том, что для повышения мотивации следует выявить и продуктивно повлиять на ведущие мотивы спортивной деятельности. Также анализ научно-методической литературы показывает, что процесс улучшения психомоторных показателей и процесс повышения уровня физической подготовленности тесно связаны с процессом повышения мотивации к занятиям спортом и прямо пропорционально зависят друг от друга. В паралимпийском спорте проведено много исследований, свидетельствующих о необходимости детального изучения психологических особенностей спортсменов, однако фундаментальных исследований в этом направлении, а тем более методик, направленных на повышение мотивации детей данной категории с нарушением интеллекта, недостаточно [7, с. 55; 8, с. 89].

Для выявления мнений тренеров и специалистов по адаптивной физической культуре о необходимости проведения занятий по легкой атлетике с детьми с нарушением интеллекта было проведено анкетирование, в котором приняли участие 10 тренеров и специалистов по адаптивной физической культуре.

В результате анкетного опроса тренеров и специалистов, работающих с детьми с нарушением интеллекта, было выявлено абсолютное единодушие мнений, касающихся следующих вопросов спортивной подготовки детей с нарушением интеллекта (см. табл. 1).

Таблица 1

Анкетный опрос тренеров

Вопросы	Да	Нет
Испытывают ли дети 10–12 лет с нарушением интеллекта, по вашему мнению, положительные эмоции на занятиях по легкой атлетике?	80 %	20 %
Понимают ли дети назначение предлагаемых на занятия упражнений и заданий?	10 %	90 %
Осознают ли дети значимость занятий легкой атлетикой для укрепления и поддержания здоровья?	30 %	70 %
Существует ли необходимость целенаправленного повышения мотивации, направленной на занятия легкой атлетикой у детей с нарушением интеллекта?	100 %	0 %
Легкая атлетика способствует формированию у детей желания заниматься спортом?	80 %	20 %
Удовлетворительно ли материально-техническое обеспечение занятий по легкой атлетике для детей с нарушением интеллекта?	30 %	70 %
Формируется ли самостоятельный интерес к спортивной деятельности у детей с нарушением интеллекта?	100 %	0 %
Знают ли родители о возможностях проведения занятий по легкой атлетике с детьми с нарушением интеллекта?	30 %	70 %
В достаточной ли мере дети с нарушением интеллекта занимаются спортом?	0 %	100 %
Существует ли необходимость разработки новых методик повышения спортивной мотивации у легкоатлетов с нарушением интеллекта?	100 %	0 %

По мнению специалистов, на занятиях по легкой атлетике дети испытывают положительные эмоции (80 %). Также определено, что 90 % опрошенных считают, что дети не понимают назначения предложенных им на занятия упражнений и заданий, а 10 % не согласны с этим. Далее, 70 % анкетированных уверены, что дети не осознают значимости занятий легкой атлетикой для укрепления и поддержания здоровья. Все опрошенные специалисты считают, что необходимо целенаправленное повышение мотивации, ориентированной на воспитание физических качеств у легкоатлетов с нарушением интеллекта. Большинство специалистов в области подготовки спортсменов с нарушением интеллекта (80 %) согласны с тем, что легкая атлетика способствует формированию у детей желания заниматься спортом.

По мнению 70 % специалистов в области адаптивного спорта, материально-техническое обеспечение занятий по легкой атлетике для детей с нарушением интеллекта является неудовлетворительным. Все опрошенные тренеры считают, что интерес к спортивной деятельности у детей 10–12 лет с нарушением интеллекта самостоятельно не формируется. И снова 70 % специалистов утверждают, что родите-

ли не знают о возможностях проведения занятий по легкой атлетике с детьми с нарушением интеллекта. Отметим, что 100 % респондентов согласны с тем, что дети данной категории не достаточно занимаются спортом. Абсолютно все опрошенные тренеры убеждены, что существует необходимость разработки новых методик повышения мотивации, направленной на занятия легкой атлетикой детей с нарушением интеллекта.

С.И.Веневцев (2004) полагает, что поскольку у детей с легкой степенью умственной отсталости слабо развито абстрактное мышление и опосредованное запоминание, а механическая память и наглядно-действенное мышление развиваются достаточно хорошо, то формирование определенного отношения к занятиям адаптивной физической культурой возможно только в процессе непосредственного осуществления этой деятельности, получения подкрепления результатов активности психических процессов наглядными результатами выполненной деятельности, ее успешностью. Как считает А.Н.Николаев (2005), одной из главных задач для повышения мотивации к занятиям физической культурой и спортом является влияние на ведущие мотивы спортивной деятельности [3, с. 401; 9, с. 4].

Для выявления ведущих мотивов спортивной деятельности у легкоатлетов 10–12 лет с нарушением интеллекта проводилось анкетирование тренеров по легкой атлетике. В анкетировании приняли участие 10 тренеров первой и высшей категории, работающих с детьми с нарушением интеллекта, общий стаж работы тренеров составил 97 лет, общий стаж работы с детьми данной категории – 74 года. Им предлагалось выбрать основные ведущие мотивы спортивной деятельности для детей данной категории из тех, которые предлагает в своей методике А.Н.Николаев (2003) [7, с. 56]. Результаты анкетного опроса тренеров-преподавателей представлены в таблице 2.

Таблица 2

Ведущие мотивы спортивной деятельности у детей 10–12 лет с нарушением интеллекта по результатам анкетного опроса тренеров (n=10)

Варианты ответа	Да (кол-во чел.)
Мотивы, направленные на процесс	40 %
Мотивы, направленные на результат	30 %
Мотивы, направленные на общение	20 %
Мотивы, направленные на материальное вознаграждение	10 %
Мотивы, направленные на долженствование	0
Мотивы, направленные на самосовершенствование	0

Как показывает таблица 2, наибольшее количество опрошенных тренеров (40 %) считает, что ведущими мотивами спортивной деятельности у детей с нарушением интеллекта 10–12 лет являются мотивы, направленные непосредственно на сам процесс тренировок, а 30 % тренеров убеждены, что ведущие мотивы направлены на соревновательный результат. По мнению 20 % тренеров, ведущие мотивы

спортивной деятельности направлены на общение в коллективе во время занятий. Всего лишь 10 % опрошенных тренеров уверены, что основными мотивами спортивной деятельности у детей с нарушением интеллекта 10–12 лет являются мотивы, направленные на материальное вознаграждение за проделанную работу. Ни один из опрошенных тренеров не считает, что ведущими мотивами спортивной деятельности у детей с нарушением интеллекта 10–12 лет могут служить мотивы, направленные на долженствование и самосовершенствование.

В результате проведенного исследования выявлено, что легкоатлеты 10–12 лет с нарушением интеллекта в полной мере не осознают значимости занятий спортом для самосовершенствования, укрепления здоровья и воспитания физических качеств. Малое значение имеют мотивы, направленные на получение материального вознаграждения и долженствования. Мотивы, направленные на общение в коллективе, занимают не последнее место для детей с нарушением интеллекта 10–12 лет. По мнению большинства тренеров, работающих с детьми данной категории, главными для занятий спортом являются мотивы, направленные на сам процесс тренировок и на их результат. Методик такого рода в научно-методической литературе недостаточно, что свидетельствует о необходимости их разработки.

Результаты анкетирования тренеров и специалистов по адаптивной физической культуре по вопросам мотивации к занятиям легкой атлетикой у детей 10–12 лет с нарушением интеллекта свидетельствуют о том, что дети недостаточно занимаются спортом, так как самостоятельно интерес к спортивной деятельности у таких детей не формируется, они нуждаются в усилении мотивации, направленной на воспитание их физических качеств.

Список использованных источников

1. Гудман Л. Спорт для людей, имеющих физические недостатки, – всемирная проблема // Всемирный научный конгресс : сборник научных материалов. М., 2004. С. 238–239.
2. Евсеев С.П., Шапкова Л.В., Федорова Т.В. Адаптивная физическая культура – новая специальность для работы с инвалидами // Физическая культура студентов: физическое воспитание, спорт, активный досуг (Научно-методические аспекты) : материалы Республиканского науч.-метод. семинара / под ред. доцента В.И. Григорьева. СПб. : Изд-во СПбУЭФ, 1996. С. 33–34.
3. Николаев А.Н. Психология тренерской деятельности в детско-юношеском спорте : дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2005. 401 с.
4. Каверин С.Б. Мотивация труда. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 17–48.
5. Масленников А.В. Мотивы занятий физической культурой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libsport.ru/doc/8bb01fa4-3bb2-4cbc-bac1-299c83479a0a> (дата обращения: 10.12.2015).
6. Евсеев С.П. Основные понятия и термины адаптивной физической культуры. Теория и организация адаптивной физической культуры : учебник : в 2 т. Т. 1. Введение в специальность. История, организация и общая характеристика адаптивной физической культуры / под общ. ред. проф. С.П. Евсеева. 2-е изд., испр. и доп. М. : Советский спорт, 2007. С. 29.
7. Николаев А.Н. Методика оценки мотивов спортивной деятельности // Психологические основы педагогической деятельности : материалы 30-й научной конференции СПб ГАФК им. П.Ф. Лесгафта. СПб. : СПб ГАФК, 2003. С. 55–56.
8. Макина Л.Р. Исследование мотивации спортивной деятельности спортсменов с нарушением зрения учебно-тренировочных групп // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 5. С. 89–90.
9. Веневцев С.И. Адаптивный спорт для лиц с нарушениями интеллекта : метод. пособ. 2-е изд., доп. и испр. М. : Советский спорт, 2004. 4 с.

References

1. Gudman L. Sport dlya lyudej, imeyushchih fizicheskie nedostatki, – vseмирnaya problema // Vsemirnyj nauchnyj kongress : sbornik nauchnyh materialov. M., 2004. S. 238–239.
2. Evseev S.P., SHapkova L.V., Fedorova T.V. Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura – novaya special'nost' dlya raboty s invalidami // Fizicheskaya kul'tura studentov: fizicheskoe vospitanie, sport, aktivnyj dosug (Nauchno-metodicheskie aspekty) : materialy Respublikanskogo nauch.-metod. seminaru / pod red. docenta V.I. Grigor'eva. SPb. : Izd-vo SPbUEHF, 1996. S. 33–34.
3. Nikolaev A.N. Psihologiya trenerskoj deyatel'nosti v detsko-yunosheskom sporte : dis. ... d-ra psihol. nauk. SPb., 2005. 401 s.
4. Kaverin S.B. Motivaciya truda. M. : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 1998. S. 17–48.
5. Maslennikov A.V. Motivy zanyatij fizicheskoi kul'turoj [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.libsport.ru/doc/8bb01fa4-3bb2-4cbc-bac1-299c83479a0a> (data obrashcheniya: 10.12.2015).
6. Evseev S.P. Osnovnye ponyatiya i terminy adaptivnoj fizicheskoi kul'tury. Teoriya i organizaciya adaptivnoj fizicheskoi kul'tury : uchebnyk: v 2 t. T. 1. Vvedenie v special'nost'. Istoriya, organizaciya i obshchaya harakteristika adaptivnoj fizicheskoi kul'tury / pod obshch. red. prof. S.P. Evseeva. 2-e izd., ispr. i dop. M. : Sovetskij sport, 2007. S. 29.
7. Nikolaev A.N. Metodika ocenki motivov sportivnoj deyatel'nosti // Psihologicheskie osnovy pedagogicheskoi deyatel'nosti : materialy 30-j nauchnoj konferencii SPb GAFK im. P.F. Lesgaf'ta. SPb. : SPb GAFK, 2003. S. 55–56.
8. Makina L.R. Issledovanie motivacii sportivnoj deyatel'nosti sportsmenov s narusheniem zreniya uchebno-trenirovochnyh grupp // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2011. № 5. S. 89–90.
9. Venevcev S.I. Adaptivnyj sport dlya lic s narusheniyami intellekta : metod. posob. 2-e izd., dop. i ispr. M. : Sovetskij sport, 2004. 4 s.

УДК 372.83: 316

В.Я.Мачнев, С.Ю.Митрофанова

**К вопросу о преподавании социогуманитарных дисциплин
в современных условиях
(на примере социологических дисциплин)**

В статье обсуждается проблема преподавания социогуманитарных дисциплин студентам-бакалаврам в условиях полипарадигмальности знания, с одной стороны, и необходимости проверки усвоенного материала студентами в форме тестирования – с другой. Данная проблема обсуждается на примере преподавания отдельных тем курсов по общей социологии и истории социологии.

Ключевые слова и фразы: социогуманитарные дисциплины; проблемы преподавания; тестирование; полипарадигмальность; история социологии; общая социология; структура социологии.

Мачнев Виктор Яковлевич, заведующий кафедрой социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П.Королёва, кандидат исторических наук, профессор, г. Самара; конт. инф.: machnev.victor@mail.ru

Митрофанова Светлана Юрьевна, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского государственного национального исследовательского университета им. С.П.Королёва, кандидат социологических наук, доцент, г. Самара; конт. инф.: mit_s@mail.ru

© Мачнев В.Я., Митрофанова С.Ю., 2018

V.Ya.Machnev, S.Yu.Mitrofanova

On the Issue of Teaching Social and Humanitarian Disciplines in Modern Conditions (Based on Sociological Disciplines)

The article discusses the problem of teaching socio-humanitarian disciplines to bachelor students in conditions of polyparadigmality of knowledge, on the one hand, and the need to test the material learned by students in the form of testing, on the other hand. This problem is discussed on the example of teaching certain topics of sociological courses on general sociology and the history of sociology.

Key words and phrases: social and humanitarian disciplines, teaching problems, testing, polyparadigmality, history of sociology, general sociology, structure of sociology.

Преподавание социо-гуманитарных дисциплин студентам-бакалаврам в современных условиях отличается сложностью, противоречивостью и полипарадигмальностью знания. Основное противоречие, на наш взгляд, состоит в том, что, с одной стороны, возрастает многообразие подходов в социо-гуманитарном знании, а с другой – преподаватель должен научить студентов выбирать «правильные варианты ответов» в ситуации проверки их знаний, которая осуществляется контролирующими организациями в форме тестирования. Мы уделим внимание именно этой форме проверки знаний, так как она наиболее востребована при лицензировании вузов и направлений подготовки, проведении олимпиад, самообследований и т. д. Под тестированием в самом общем виде вслед за педагогами нами понимается форма измерения уровня знаний, основанная на применении тестов. Тесты представляют собой инструмент оценивания обученности учащихся, состоящий из системы тестовых заданий, стандартизированной процедуры проведения, обработки и анализа результатов [1].

Рассмотрим это на основе преподавания социологических дисциплин: общей социологии и истории социологии студентам-бакалаврам, обучающимся по направлению 39.03.01 «Социология». Отчасти этот вопрос был затронут нами ранее в одной из работ [2].

Социологические дисциплины относятся к блоку социо-гуманитарных знаний, среди этих дисциплин базовыми для подготовки студентов-социологов, на наш взгляд, являются общая социология и история социологии. Это, по нашему мнению, вызвано рядом причин. Во-первых, именно они закладывают основы теоретической подготовки и задают вектор социологического мышления потенциальных социологов, определяют направление научного поиска и ценностные ориентиры обучающихся как будущих профессионалов. Во-вторых, от качества преподавания именно этих дисциплин во многом зависит, насколько будут сформированы соответствующие компетенции у выпускников социологических факультетов.

С целью рассмотрения специфики преподавания социологических дисциплин на примере общей социологии и истории социологии в условиях множественности подходов нами были поставлены и решались две основные задачи.

Первая задача заключалась в необходимости определить, каким образом в преподавании социологических дисциплин, прежде всего общей социологии и истории социологии, на уровне конкретных тем данных дисциплин реализуется идея плюралистичности социо-гуманитарного знания.

Решение этой задачи предполагает ответ на следующие вопросы: каково место этих дисциплин в учебных планах подготовки социологов; какие подходы используются учеными к структурированию социологического знания; каковы сложности, с которыми могут столкнуться студенты при подготовке к занятиям по данным курсам; каково место методологических вопросов «Структура социологического знания» в рамках «Общей социологии» и «Огюст Конт и его социологические воззрения» в «Истории социологии» в структуре социологии и как знания по этим темам вписываются в тестовые задания по социологии.

Вторая задача состояла в необходимости показать, как решается противоречие между полипарадигмальностью общей социологии и историей социологии, с одной стороны, и подготовкой студентов к тестированию на примере конкретных вышеуказанных тем данных курсов – с другой.

В реализации данной задачи нами был сделан акцент на том, как можно включать в работу со студентами трехуровневую модель структуры социологического знания Р.Мертон и с какими трудностями могут столкнуться студенты при освоении данной темы в рамках общей социологии. В курсе «История социологии» мы уделили внимание проблематике обозначения роли творчества О.Конта в возникновении социологии как области научного знания.

Приступая к реализации первой из поставленных задач, отметим, что курсы «Общая социология» и «История социологии» в учебных планах подготовки бакалавров по профессионально-образовательной программе направления 39.03.01 «Социология» в вузах страны входят чаще всего в базовую часть профессионального цикла дисциплин.

Эти дисциплины вызывают у студентов ряд сложностей из-за необходимости усвоения большого объема знаний, понимания глубины материала, сложности уровня его анализа, наличия различных подходов, тесной связи с социально-философскими учениями. Н.И.Лапин отмечает, что «множественность теорий и методологий, существующих в современной социологии, повышает роль общенаучных ее оснований» [3, с. 112–113]. Безусловно, многообразие подходов, вытекающих из философских течений, только украшает социологию, но с другой стороны усложняет процесс ее преподавания, особенно в ситуации тестирования, когда от студента требуется выбрать «один правильный» ответ. Есть темы и разделы, которые являются «краеугольными камнями», где «один правильный» ответ просто невозможен, и задача преподавателя может сводиться к тому, чтобы показать студентам множество подходов, дискуссионность проблематики. Проблематика социологии, на наш взгляд, это один из таких «краеугольных камней».

Е.Ф.Молевич подчеркивает, что методологический анализ структуры социологии или ее объекта, проблематика истории социологии – это область теоретической методологии [4]. В связи с этим рассматриваемые темы по структуре социологии и значению социологической теории О.Конта относятся к области методологии социологии, представленной преимущественно теоретической формой знания. Трудности преподавания данной области в целом и обозначенных тем в частности, а вместе с тем и интерес к их преодолению, связаны с тем, что «Общая социология» и «История социологии» требуют глубокой и серьезной предшествующей подготовки, которая зачастую отсутствует у бакалавров. Увидеть и понять студенту-бакалавру всю палитру объяснительных возможностей социологических теорий,

вырастающих на базе социально-философских идей, о которых идет речь в разделе по методологии, очень сложно, так как у них еще не сформировались собственно социологическое видение мира и навыки критического мышления.

По итогам изучения данных курсов студент не просто должен знать методологию социологии, но, что не менее важно, уметь применять полученные социологические знания на уровне эмпирии, понимая, как в практике социологических исследований могут быть реализованы те или иные теоретические конструкции.

Способствовать достижению этой цели будет работа с текстами, содержащими разделы по методологии социологии, в которых освещается вопрос места общей социологии, истории социологии и других дисциплин в системе социологического знания. Например, это учебники и учебные пособия по курсу «Общая социология» под редакцией или авторством Е.Ф.Молевича, Г.В.Осипова, Ж.Т.Тощенко, С.С.Фролова, А.Г.Эфендиева, по курсу «История социологии» – Г.В.Осипова, Г.Е.Зборовского, Г.С.Батыгина и Д.Г.Подвойского, А.Б.Гофмана и других. Полезны также будут материалы раздела «Дискуссия о социологии», размещенные на сайте Российского общества социологов, где представлены полемические заметки и научные статьи по фундаментальным проблемам социологии [5]. Особое внимание студентам предлагается уделить размещенной в данном разделе статье «Дискуссия о социальном. Семинар в ГУ – ВШЭ» (Государственный университет – Высшая школа экономики), в ней В.В.Радаев, А.Ф.Филиппов, В.А.Ядов, Я.И.Кузьминов, М.М.Юдкевич, О.А.Оберемко и другие дискутируют по вопросу операционального определения социального [6].

Вписать все многообразие направлений, представленных в рамках социологической науки, ее парадигм, подходов, теорий в тестовые задания, на наш взгляд, достаточно сложно, не потеряв, не упростив и не схематизировав при этом их суть. Тестовое задание предполагает краткость, лаконичность и четкость, которые могут отсутствовать в самих социологических концепциях. Например, термин «позитивный», встречающийся у К.Сен-Симона, у которого О.Конт работал секретарем, в социологии последнего представлен в различных значениях. В связи с этим для студента затруднительным может показаться вопрос о каком-то вполне определенном значении этого термина. Или сложность может вызвать, например, тест, где следует выбрать один правильный вариант ответа на вопрос о том, кто вводит в научный оборот термин «позитивный» или кого считать родоначальником позитивизма, особенно если варианты ответов, наряду с прочими, содержат обе из вышеуказанных фамилий.

Реализуя вторую из вышеуказанных задач, отметим, что в научном социологическом сообществе опять же нет единого выработанного мнения о значении творчества О.Конта. Например, в главе, посвященной О.Конту, в учебнике Г.С.Батыгина и Д.Г.Подвойского поднимается ряд актуальных и неоднозначных вопросов. Среди них следующие: почему Огюста Конта называют основоположником социологической науки; почему именно за ним «резервируется» место учредителя этой науки; можно ли это делать на основании того, что ученый вводит в лексический оборот, далеко не безупречный с точки зрения словообразования неологизм – «социология», совмещающий латинское *societas* с греческим *logos* [7, с. 10–13]. Соответственно те студенты, которые познакомились с материалами этого учебника, рекомендованного Научно-методическим советом по социологии Министерства образо-

вания и науки РФ в качестве учебника по дисциплине «Социология» для студентов гуманитарных и социально-экономических специальностей и направлений подготовки, могут усомниться в том, что родоначальником социологии является О.Конт. И это более глубокое знание может им помешать выбрать «правильный» ответ в тестах, особенно если среди возможных родоначальников социологической науки будут звучать такие имена, как Шарль Луи де Монтескье, Анн Робер Жак Тюрго, Жан Антуан Николя Кондорсе или Клод Анри де Сен-Симон.

Что касается проблематики структуры социологического знания, то у студентов могут возникнуть трудности, связанные с интерпретацией различными учеными идеи теорий среднего уровня Р. Мертона. Отметим, что эта модель встраивается некоторыми авторами и редакторами учебников в тексты по современной структуре социологии в качестве составной части, например, Е.Ф.Молевичем, С.С.Фроловым, А.Г.Эфендиевым. Так, С.С.Фролов, модифицируя модель Р.Мертона, выделяет: 1) уровень фундаментальных общесоциологических исследований; 2) теории среднего уровня, представленные теориями социальных институтов, теориями социальных общностей и теориями специализированных социальных процессов; 3) уровень первичного обобщения эмпирических данных [8].

А.Г.Эфендиев выделяет три уровня в структуре социологии вслед за Р.Мертоном: 1) высший уровень социологического знания – общесоциологические теории, исследующие общество как единую систему; 2) теории среднего уровня, в рамках которых реализуется задача теоретического осмысления социальных подсистем; 3) уровень эмпирических социологических или конкретно-социологических исследований, главная научная цель которых – описание конкретных социальных фактов, их классификация и интерпретация [9].

Е.Ф.Молевич дважды обращается к модели Р.Мертона. Первый раз, рассматривая историю становления современной структуры социологического знания, ученый упоминает модель Р.Мертона и указывает на ее познавательные возможности и ограничения. Второй раз к этой модели автор обращается при определении специфики предметного типа содержательного аспекта современной структуры социологии. Е.Ф.Молевич модифицирует модель Р.Мертона, выделяя: 1) общесоциологический уровень; 2) уровень теорий среднего ранга; 3) уровень социографии (конкретных социологических исследований). Причем в рамках теорий среднего уровня Е.Ф.Молевич выделяет специальные и отраслевые социологические теории, поясняя, с одной стороны, в чем различия между ними, а с другой – что позволяет объединить их в единый уровень рассмотрения [4].

Можно выделить и определенные различия в обозначенных позициях авторов в использовании идеи Р.Мертона. Во-первых, ученые по-разному понимают и классифицируют теории среднего уровня, и, во-вторых, в разных значениях используют понятия: фундаментальные, теоретические, общесоциологические, а также конкретные и эмпирические исследования.

Вместе с тем у ряда специалистов присутствует достаточно критическое отношение к трехуровневой модели Р.Мертона. Например, в учебнике под редакцией Г.В.Осипова в параграфе «Структура социологического знания» она не упоминается [10]. Ж.Т.Тощенко считает ее, безусловно, важной для своего времени, но на данный момент устаревшей и исчерпанной. Ученый подвергает эту модель детальному критическому анализу, предлагая свое видение темы [11; 12].

Нами допускается сама возможность давать задания студентам, которые основываются на модели Р.Мертон, безусловно, понимая, все ограничения ее применения. Эти задания, на наш взгляд, в большей степени будут работать на развитие навыков критического мышления студентов, нежели на цель прохождения ими потенциального тестирования, хотя и на нее опосредованно тоже. Занятие по структуре социологического знания, как правило, содержит, следующие задания. Во-первых, студенту предлагается сформулировать тему конкретного социологического исследования, помня о том, что она должна содержать в себе ссылку на предмет и объект исследования. Во-вторых, указать, какие теории среднего уровня выступают базой для изучения этой темы, и в чем их особенности. И, в-третьих, показать, какие социологические теории могут выступать методологической базой для исследования выбранной темы, и в чем будет специфика рассмотрения обозначенной темы с разных теоретических позиций.

Отметим, что многие учебники и учебные пособия, содержащие разные и порой противоположные позиции по методологии социологии, имеют гриф Министерства образования РФ. Тогда возникает вопрос: как вписать все это многообразие суждений по той или иной конкретной теме в формат теста, как преподавать ту или иную тему в условиях плюралистичности и противоречивости подходов в социо-гуманитарном знании? На наш взгляд, идея плюралистичности слабо согласуется с тестированием как формой измерения, проверки знаний.

Завершая вышесказанное, следует еще раз подчеркнуть, что в ходе обучения студентов социогуманитарным дисциплинам преподаватели могут столкнуться с трудностями, связанными, во-первых, с отсутствием у студентов соответствующей базы, серьезной теоретической подготовки, что затрудняет процесс преподавания. Во-вторых, усложнению преподавания способствует и то, что социогуманитарное знание полипарадигмально по своей сути. Здесь отмечается не просто многообразие, а расхождение позиций авторов, редакторов учебников и учебных пособий по определенным вопросам, причем все эти учебники и учебные пособия могут быть рекомендованы учебно-методическими объединениями, что запутывает студентов еще больше.

Решая на практике противоречие между артикуляцией множества подходов социогуманитарного знания и необходимости обучения студентов выбору «правильных ответов» в ситуации тестирования, нами отдается предпочтение скорее идеям плюралистичности, возможно даже в чем-то в ущерб работы по тестовым заданиям. Признание множественности идей, теорий, методологий, подходов будет усиливать критическое мышление студента, но вместе с тем, скорее всего, препятствовать успешному прохождению тестирования, где от обучающегося требуется указать «один правильный» вариант ответа, предварительно однозначно интерпретируя формулировку тестового задания, чему противоречит сама идея критического мышления. В сложившихся условиях интерес представляет выяснение того, как преподаватели социогуманитарных дисциплин вузов страны решают обозначенную выше проблему, а данная статья может служить приглашением к дальнейшей дискуссии.

Список использованных источников

1. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М. : Академия, 2005. 400 с.

2. Митрофанова С.Ю. Некоторые проблемы преподавания общей социологии в современных условиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). С. 211–214.
3. Лапин Н.И. Предмет и методология социологии // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 106–119.
4. Молевич Е.Ф. Общая социология : курс лекций. М. : Эдиториал УРСС, 2011. 328 с.
5. Дискуссия о социологии [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311 (дата обращения: 09.05.2018).
6. Дискуссия о социальном. Семинар в ГУ-ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: http://www.polit.ru/article/2010/03/23/social_2/ (дата обращения: 09.05.2018).
7. Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии : учебник. М. : Изд-ий дом «Высшее образование и наука», 2007. 444 с.
8. Фролов С.С. Общая социология : учебник. М. : Проспект, 2015. 384 с.
9. Эфендиев А.Г. (ред.) Общая социология : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2008. 654 с.
10. Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. (ред.) Социология. Основы общей теории : учебник. М. : Норма, 2009. 912 с.
11. Тощенко Ж.Т. Основные парадигмы и структура социологического знания // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Вып. № 3. Т.1. С. 11–20.
12. Тощенко Ж.Т. Парадигма, уровни и структура социологического знания // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 5–16.

References

1. Smirnov S.D. Pedagogika i psihologiya vysshego obrazovaniya: ot deyatel'nosti k lichnosti. M. : Akademiya, 2005. 400 s.
2. Mitrofanova S.YU. Nekotorye problemy prepodavaniya obshchej sociologii v sovremennyh usloviyah // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 3 (69). S. 211–214.
3. Lapin N.I. Predmet i metodologiya sociologii // Sociologicheskie issledovaniya. 2002. № 8. S. 106–119.
4. Molevich E.F. Obshchaya sociologiya : kurs lekcij. M. : EHditorial URSS, 2011. 328 s.
5. Diskussiya o sociologii [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311 (data obrashcheniya: 09.05.2018).
6. Diskussiya o social'nom. Seminar v GU-VSHEH [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.polit.ru/article/2010/03/23/social_2/ (data obrashcheniya: 09.05.2018).
7. Batygin G.S., Podvojskij D.G. Istoriya sociologii : uchebnik. M. : Izd-ij dom «Vysseee obrazovanie i nauka», 2007. 444 s.
8. Frolov S.S. Obshchaya sociologiya : uchebnik. M. : Prospekt, 2015. 384 s.
9. EHfendiev A.G. (red.) Obshchaya sociologiya : ucheb. posobie. M. : INFRA-M, 2008. 654 s.
10. Osipov G.V., Moskvichev L.N. (red.) Sociologiya. Osnovy obshchej teorii : uchebnik. M. : Norma, 2009. 912 s.
11. Toshchenko ZH.T. Osnovnye paradigmy i struktura sociologicheskogo znaniya // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2009. Vyp. № 3. T.1. S. 11–20.
12. Toshchenko ZH.T. Paradigma, urovni i struktura sociologicheskogo znaniya // Sociologicheskie issledovaniya. 2007. № 9. S. 5–16.

УДК 614.8:37

Д.В.Натарова, Н.Н.Щелчкова

Безопасность деятельности и педагогическая поддержка обучающихся на случай возникновения чрезвычайных ситуаций

В статье рассмотрена педагогическая деятельность, направленная на осознанное обучение учащихся безопасной деятельности в образовательном процессе, с целью сохранения и укрепления здоровья, а также эффективных и обоснованных действий при возникновении чрезвычайных ситуаций. Конкретизированы и уточнены понятия: «безопасность деятельности обучающихся», «педагогическая поддержка».

Ключевые слова и фразы: безопасность деятельности; безопасность жизнедеятельности; обучающиеся; педагогическая поддержка; опасность; чрезвычайная ситуация.

D.V.Natarova, N.N.Shchelchкова

Safety of Activity and Pedagogical Support of Trainees in Case of Emergencies

The article considers pedagogical activity aimed at conscious teaching students safe activity in the educational process with the purpose of preserving and strengthening health, as well as effective and justified actions in the event of emergencies. The concepts of "safety of students' activities", "pedagogical support" are concretized and clarified.

Key words and phrases: safety of activity, life safety, trainees, pedagogical support, danger, emergency situation.

Любая профессиональная деятельность, а тем более педагогическая, направлена на достижение целей, обусловленных функциональным предназначением образовательной системы, которая поддерживает эту деятельность. В этой системе одной из необходимых целевых составляющих эффективности управления является безопасность деятельности и жизнедеятельности обучающихся, обеспечение которой должно быть направлено на сохранение и укрепление здоровья, а также формирование безопасного образа жизни.

Постоянное развитие современного мира приводит все к большему появлению разнообразных опасностей, с которыми сталкивается человек в повседневной жизни. При этом образовательные организации относятся к числу наиболее уязви-

Натарова Дарья Вячеславовна, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и медико-биологических дисциплин Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, кандидат педагогических наук, г. Челябинск; конт. инф.: natarovadv@cspu.ru

Щелчкова Нина Николаевна, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и медико-биологических дисциплин Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, кандидат педагогических наук, доцент, г. Челябинск; конт. инф.: shchelchkovann@cspu.ru

© Натарова Д.В., Щелчкова Н.Н., 2018

мых структур, так как последствия чрезвычайных ситуаций в них отличаются рядом особенностей, часто сопровождающихся сильным политическим и социальным резонансом в стране и за ее пределами.

На сегодняшний день в российских школах осуществляется подготовка учащихся в области безопасности жизнедеятельности при изучении дисциплины «Основы безопасности жизнедеятельности», а в вузах согласно Федерального государственного образовательного стандарта предусмотрен курс «Безопасность жизнедеятельности» как обязательный, который входит в инвариантную часть учебного плана. Содержание этой дисциплины включает следующие модули: «Основы безопасности жизнедеятельности и чрезвычайные ситуации»; «Системы безопасности РФ» и «Социально опасные явления и защита от них». Во многих педагогических вузах страны разрабатываются и реализуются разноуровневые учебные курсы по безопасности, которые, однако, слабо ориентированы на устойчивое развитие, безопасность деятельности, а также на самосохранение и оздоровление социально-природных систем [1, с. 240].

Целью нашего исследования является теоретическое и методическое обоснование педагогической поддержки обучающихся в случае возникновения чрезвычайных ситуаций. Реализация такой поддержки осуществлялась при изучении студентами ЮУрГГПУ дисциплины «Безопасность жизнедеятельности». Нами использовались многие формы: разнообразные лекции, практические и лабораторные работы, круглые столы, конференции, олимпиады и т. д.

Учебный курс «Безопасность жизнедеятельности» является интегрированным курсом, направленным на формирование у обучающихся принципиально нового образа мышления, понимающих, что безопасный образ жизни – это базовый, ничем незаменимый компонент общечеловеческой культуры.

Особое внимание уделяется опасным ситуациям, например, таким как, молодежный экстремизм, наркотизм и подростковый алкоголизм, и это не случайно, так как молодые люди чаще всего попадают в опасные ситуации, связанные с жизнедеятельностью современного социума. Подростки довольно часто попадают в асоциальную среду, бывают втянутыми в различные криминальные группировки. Они, как правило, не уделяют внимания вопросам сохранения своего здоровья, легко поддаются на уловки мошенников, также в силу отсутствия жизненного опыта, большого багажа знаний не способны принять быстрое и правильное решение, продемонстрировать слаженность действий. Острота данной проблемы объясняется не только проживанием большей части российских студентов в сложных условиях социального, техногенного и экологического неблагополучия. Чрезвычайная ситуация может возникнуть на улице, в ближайшем лесу, в собственной квартире. Чтобы избежать или уменьшить опасные последствия таких ситуаций, необходимы навыки безопасного поведения в повседневной жизни. Следовательно, для обеспечения безопасной деятельности обучающимся необходима педагогическая поддержка.

Понятие «педагогическая поддержка» трактуется неоднозначно. В отечественную науку оно было впервые введено членом-корреспондентом Российской академии образования О.С.Газманом. Педагогическую поддержку он определял как превентивную и оперативную помощь профессионального педагога детям для решения их индивидуальных проблем, связанных с физическим и психическим здоровьем, общением, успешным обучением, жизненным и профессиональным самоопределением [2, с. 74].

Отдельные аспекты проблемы педагогической поддержки рассматривались в работах Т.В.Анохиной, О.М.Кодатенко, Л.В.Митиной. Теоретические положения о развитии личности и ее зависимости от влияния среды раскрыты в трудах П.П.Блонского, В.В.Игнатовой, А.Г.Ковалева. Ю.В.Репин уделял особое внимание безопасному поведению человека в чрезвычайной ситуации, а Ц.П.Короленко, М.М.Решетникова – психологическим аспектам в чрезвычайных ситуациях.

В своем исследовании мы придерживались точки зрения О.С.Газмана. Таким образом, под педагогической поддержкой будем понимать особую сферу педагогической деятельности по оказанию профилактической и оперативной помощи детям и подросткам в решении их индивидуальных проблем, связанных с обеспечением безопасной деятельности, в том числе в условиях чрезвычайных ситуаций.

Отношения к безопасности проявляются по-разному: в активной продуктивной работе по подготовке к возможным кризисным социально-природным явлениям, в выражении индифферентности и особого отношения к безопасности человека [3].

Прежде чем определить, в чем заключается педагогическая деятельность, как поддержка, направленная на осознанное обучение учащихся безопасной деятельности в образовательном процессе, с целью сохранения и укрепления здоровья, а также эффективных и обоснованных действий при возникновении чрезвычайных ситуаций, необходимо уточнить понятие «безопасность».

Безопасность – это осознание опасностей риска, упреждение, возможное прогнозирование, и, по-возможности, исключение, а также последующее устранение происшедших неприятных событий [4], т. е. не достаточно только осознание возможных опасностей, это еще и некая деятельность, при которой с определенной вероятностью будет исключена их актуализация, и уровень риска деятельности будет соответствовать приемлемому, обеспечивающего безопасную деятельность.

Огромная роль в обеспечении безопасной деятельности обучающихся в разных ситуациях отводится педагогам, так как значительную часть времени обучающиеся проводят в стенах образовательных организаций и на плечи педагогов ложится вся ответственность за их безопасность.

Поэтому первостепенной обязанностью современного педагога должно быть: во-первых, научить учащихся правильному поведению и действиям в каждой конкретной ситуации; во-вторых, владеть способами и методами защиты детей и уметь организовать и обеспечить их безопасность в сложившихся чрезвычайных и экстремальных ситуациях [5, с. 98].

Педагогическая поддержка особенно необходима тогда, когда надо прийти на помощь подростку, незащищенному и ранимому, в критических ситуациях, в чрезвычайных ситуациях, угрожающих жизни и здоровью. Это физическая либо моральная защита его от неблагоприятных социальных условий или психологического стресса, это создание условий для его самостоятельного противостояния сложившейся экстремальной ситуации [6, с.151].

Для наиболее полного отражения процесса безопасной деятельности и педагогической поддержки в случае чрезвычайных ситуаций мы создали программу безопасной деятельности, структурными компонентами которой являются: когнитивный, эксплицитный, конативный, конгруэнтный.

Когнитивный компонент содержит целостное представление о безопасности жизнедеятельности; осознание приоритетности обеспечения безопасности во всех

сферах деятельности; понимание необходимости обеспечения безопасных условий труда, соблюдения экологических норм.

Эксплицитный компонент включает ответственное, уважительное отношение к собственной безопасности и безопасности других людей; бережное отношение к окружающей среде.

Конативный компонент включает способность к импровизации, адекватность реагирования, использование многообразия оригинальных форм поведения, умения и навыки обеспечения безопасной деятельности, выявления и предотвращения опасности, способность идентифицировать опасности и оценивать риски в сфере своей профессиональной деятельности, готовность к упреждающим действиям по предотвращению опасностей и угроз, способность сохранять жизнь и здоровье в неблагоприятных и угрожающих жизни условиях, адекватно реагировать на различные опасные ситуации с учетом своих возможностей.

Конгруэнтный компонент содержит способность успешно переносить моральные, физические нагрузки, сохраняя психологическую устойчивость в условиях чрезвычайной ситуации и опасностей.

Освоение программы безопасной деятельности осуществлялось при методическом условии – использование интерактивных форм и методов безопасной деятельности и педагогической поддержки обучающихся в условиях чрезвычайных ситуаций.

Теоретические знания студенты приобретают на информационных, проблемных лекциях, с применением мультимедийного оборудования, лекциях-диалогах, лекциях-пресс-конференциях [7, с. 128]. На практических и самостоятельных занятиях применяются следующие методы: анализ конкретной ситуации, ролевые, деловые и дидактические игры, проектная деятельность, дискуссии, групповая работа, проблемное обучение.

Основной метод практических работ – это анализ конкретных ситуаций в процессе подготовки будущего педагога в области безопасности жизнедеятельности, посредством решения ситуационных задач, в которых смоделированы возможные реальные события чрезвычайных ситуаций. Это помогает сформировать следующие компетенции:

- овладеть теоретическими знаниями о факторах, сущности и структуре безопасности жизнедеятельности, риск-ориентированным мировоззрением;
- признать безопасную деятельность как глобальную ценность человечества;
- осуществить готовность к безопасному типу поведения в повседневной жизни, в опасных и чрезвычайных ситуациях природного, техногенного и социального характера;
- оперативно принимать решения;
- овладеть способностью идентифицировать опасности и оценивать риски в сфере своей профессиональной деятельности и повседневной жизни.

Наше исследование показало, что наиболее эффективным является использование ситуационных задач. А.А.Михайлов выделяет четыре вида учебных ситуационных задач [8, с. 120]. Придерживаясь классификации А.А.Михайлова, мы разработали комплект ситуационных задач, направленный на формирование безопасной деятельности в чрезвычайных ситуациях, как один из способов реализации педагогической поддержки.

Ситуация-иллюстрация демонстрирует конкретный пример из практики, в котором проявляются закономерности и механизмы действия людей, алгоритмы решения задач (например, показ студентам видеофрагмента массовых беспорядков, движение снежной лавины по склону, обрушение здания и т. д.). Анализ ситуаций позволяет студентам приобретать знания, обогащаться опытом безопасной деятельности, который учит избегать ошибок и неверных решений в различных, в том числе и экстремальных ситуациях.

Ситуация-упражнение рассматривается студентами при помощи обращения к специальным источникам информации, справочникам, учебной литературе (например, ситуация по оказанию первой помощи пострадавшим в условиях чрезвычайной ситуации, использование средств индивидуальной защиты).

Ситуация-проблема предполагает решение проблемной задачи (например, проблема обеспечения безопасности учащихся во время эвакуации, во время землетрясения), с обсуждением причин и последствий возможных опасных ситуаций, а также возможностей их предупреждения. Очень эффективно, предложив определенные условия чрезвычайной ситуации, дать возможность участникам самим выстроить цепочку и последовательность наиболее безопасных действий, как например, на практическом занятии на тему «Техногенные чрезвычайные ситуации, причины возникновения, защита населения и территорий от их последствий» проводится в форме мини-конференции или деловой игры «Кораблекрушение» [5, с. 184].

Ситуация-оценка описывает конкретные события и принятые по ним меры. В этом случае студентам необходимо оценить механизмы развития чрезвычайной ситуации и принятые меры для ее ликвидации (например, оценка возникновения и течения аварии с выбросом АХОВ, оценка выхода человека из конфликтной ситуации на улице).

Большое предпочтение следует уделять деловой игре – игровой имитационной модели, воссоздающей условия, содержание, динамику той или иной деятельности. Поскольку деловая игра предполагает воспроизведение реальной действительности, при проведении деловой игры в курсе «Безопасность жизнедеятельность» на тему «Знание спасает жизнь» студенты объединяются в малые группы по 5–7 человек. Каждой группе выдается задание. Первое задание: на первом этаже в фойе школы произошел пожар и огонь распространяется. Назовите возможные травмы при пожаре. Ваши действия? В чем заключается педагогическая поддержка обучающихся в данной ситуации? Задание второе: при проведении занятий на природе пришло известие о наводнении. Ваши действия? При подведении итогов игры дается общая оценка действиям участников и каждого в отдельности. Подробно (пошагово) разбирается весь ее ход, акцентируется внимание как на удачные, так и на неудачные решения.

По окончании занятия каждый студент получает памятку в виде алгоритма правильного действия. На занятии на тему «Действия учителя в экстремальных и чрезвычайных ситуациях» изучаются алгоритмы поведения учителя при различных видах экстремальных и чрезвычайных ситуаций в школе, а также студенты анализируют возможные варианты действий учителя при возникновении экстремальных и чрезвычайных ситуаций в походе или во время экскурсий.

Развитию творческих способностей обучающихся, расширению словарного запаса, развитию логического мышления способствует применение *метода про-*

ектной деятельности. Этот метод помогает ориентировать обучающихся на осознание проблем безопасности, на рациональный отбор информации по созданию безопасных условий деятельности, аргументацию применяемых решений по устранению причин негативных последствий. Работая над проектом, студенты вырабатывают определенные навыки и приобретают опыт в области педагогического сопровождения безопасной деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций.

Другим способом реализации педагогической поддержки и обеспечения безопасной деятельности является *самостоятельная работа студентов*, которая в большей мере основывается на применении метода проектов. Примерами могут послужить следующие задания:

- моделирование возможной чрезвычайной ситуации, которая может произойти на территории проживания, с указанием возможности проявления, алгоритма поведения, профилактики, минимизирование и ликвидация последствий;
- проведение сравнительного анализа самых выдающихся чрезвычайных ситуаций, случившихся в истории человечества (например, извержения вулканов, террористических актов);
- изготовление печатных работ (листовки, брошюры, памятки, буклеты, газета) в области безопасности жизнедеятельности и обеспечения безопасного образа жизни.

Глубоко понять проблему, повысить интерес, реализовать потребности в общении и самостоятельности, прочувствовать знания и сформировать активную внутреннюю позицию позволяет *дискуссия*. Дискуссия предполагает наличие разных точек зрения, противоречий. Например, при изучении темы социальные опасности проводится дискуссия «Наркотики: миф или реальность».

В практике обучения используется также проблемный подход к организации процессов усвоения, называемый проблемным обучением. Сущность его сводится к тому, что на занятии по безопасности жизнедеятельности преднамеренно создается ситуация познавательного затруднения – проблемная ситуация. Проблемные ситуации позволяют постепенно вырабатывать у студентов внимание к объекту обучения, стремление овладеть предметом, несмотря на имеющиеся трудности. Проблемное обучение ориентировано на поисковое усвоение знаний, умений и навыков. Применяется преимущественно с целью развития навыков творческой учебно-познавательной и практической деятельности, оно способствует более осмысленному и самостоятельному овладению знаниями.

В ходе нашего исследования и подтверждения эффективности внедрения разработанной нами программы по обеспечению безопасной деятельности и педагогической поддержки были применены следующие методы исследования: общетеоретические (анализ и обобщение литературы по безопасности, изучение научной литературы, посвященной чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера статистических данных); эмпирические (анкетирование, беседа, педагогическое наблюдение, экспериментальное исследование для проверки эффективности предлагаемых видов формирования навыков и умений безопасной деятельности); математические и статистические методы (качественный и количественный анализ результатов исследования).

Анализ результатов анкетирования, в котором приняли участие 150 студентов первого и второго курсов четырех факультетов ЮУрГГПУ (физико-матема-

тического, подготовки учителей начальных классов, филологического и иностранных языков) показал, что 72 % обучающихся оказываются в состоянии растерянности в случае попадания в экстремальную ситуацию, как угрожающую его жизни и здоровью, так и жизни другим. Следовательно, проблема безопасности жизнедеятельности и здорового образа жизни актуальна как для студентов, так и для школьников.

Для выявления уровня готовности будущих педагогов к педагогической поддержке безопасной деятельности обучающихся в условиях чрезвычайных ситуаций нами были определены соответствующие уровни: высокий, средний, низкий.

Для проверки исходного и конечного уровней готовности будущих педагогов к педагогической поддержке безопасной деятельности обучающихся в условиях чрезвычайных ситуаций нами был использован следующий диагностический инструментарий: диагностика ценностно-мотивационного компонента готовности осуществлялась с использованием теста-опросника «Как вы относитесь к обучению безопасному поведению», составленного на основе методики диагностики направленности учебной мотивации (Т.Д.Дубовицкой) [9, с. 42], методика для определения чувствительности к кризису (Т.Д.Азарных, И.М.Тыртышников), методика для диагностики склонности к срывам в стрессовой ситуации «Прогноз» (В.А.Баранов), методика для оценки стратегий и моделей преодолевающего поведения (Н.Е.Водопьянова, Е.С.Старченкова) [10, с. 698, 708, 712].

Констатирующий этап эксперимента включал проведение диагностических процедур: анкетирование и наблюдение [11, с. 69]. На этом этапе сформированность готовности студентов к педагогической поддержке безопасной деятельности обучающихся в условиях чрезвычайных ситуаций оказалась примерно одинаковой у экспериментальной и контрольной групп (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровень сформированности готовности студентов к педагогической поддержке безопасной деятельности обучающихся в условиях чрезвычайных ситуаций (в %)

Структурные компоненты	Уровни					
	Высокий		Средний		Низкий	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Когнитивный	20,2	20,3	30,7	30,3	49,1	49,4
Эксплицитный	9,3	4,5	33,4	36,2	57,3	59,3
Конативный	4,4	8,2	32,5	33,6	63,1	58,2
Конгруэнтный	11,9	13,6	38,0	37,5	50,1	48,9

Формирование готовности к педагогической поддержке безопасной деятельности обучающихся в условиях чрезвычайных ситуаций у контрольной группы проходило традиционно, а экспериментальная группа послужила базой для реализации программы с использованием интерактивных форм и методов безопасной деятельности и педагогической поддержки обучающихся в условиях чрезвычайных ситуаций.

Данные, полученные в результате диагностики на заключительном этапе эксперимента, показали большое количество респондентов, имеющих высокий уровень всех структурных компонентов, демонстрируя положительную динамику в аспекте готовности к педагогической поддержке безопасной деятельности обучающихся в условиях чрезвычайных ситуаций экспериментальной группы. Данные обобщены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ готовности студентов к педагогической поддержке на случай возникновения чрезвычайных ситуаций (в %)

Структурные компоненты	Уровни					
	Высокий		Средний		Низкий	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Когнитивный	20,2	68,3	40,7	30,3	39,1	1,4
Эксплицитный	19,3	53,4	23,4	46,2	57,3	0,4
Конативный	9,3	54,6	31,4	43,6	59,3	1,8
Конгруэнтный	12,2	61,7	37,0	31,1	50,8	7,2

Таким образом, проведенное исследование позволило нам сделать следующий вывод. В результате исследования выявлено, что учащиеся в экспериментальной группе, которые изучали курс «Безопасность жизнедеятельность» с использованием интерактивных форм и методов обучения, достигли высокого уровня сформированности компетенций, способных обеспечить безопасную деятельность, направленную на сохранение жизни и здоровья, а также оказывать педагогическую поддержку школьникам на случай возникновения чрезвычайных ситуаций.

Список использованных источников

1. Тюмасева З.И., Цыганков А.А. Безопасность как фактор профессиональной подготовки педагогов // Международная педагогическая школа : сборник научных трудов. Серия: «Фундаментальное образование» / под ред. Б.Ф. Кваши. СПб. : МИНПИ, 2009. Вып. 5. С. 239–246.
2. Курников Д.В. Сущность понятия «педагогическая поддержка в образовании» // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 74–75.
3. Тюмасева З.И., Орехова И.Л., Натарова Д.В. Экологическая безопасность как основа взаимоотношений человека с окружающей природной средой // Вестник ЧГПУ. Педагогика. Психология. Философия, 2017. № 3. С. 102–107.
4. Тюмасева З.И., Соломин В.П. К национальной безопасности через безопасность образования // Жизнь и безопасность. 1998. № 23. С. 212–218.
5. Лешихин М.И., Щелчкова Н.Н., Натарова Д.В., Романова Е.А. Практикум по безопасности жизнедеятельности : учебно-практическое пособие по безопасности жизнедеятельности для студентов небиологических специальностей педагогических вузов. 2-е изд., пер. и доп. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2015. 218 с.
6. Цветкова Л.И., Алексеев М.И., Кармазинов Ф.В., Неверова-Дзюпак Е.В., Усанов Б.П., Жукова Л.И. Экология : учебник для технических вузов. М. : Изд-во Ассоциации строительных вузов : Химиздат, 2001. 552 с.

7. Щелчкова Н.Н., Тюмасаева З.И., Орехова И.Л. Использование интерактивных форм обучения студентов при изучении курса «Возрастная анатомия, физиология и гигиена» // Вестник ЧГПУ. 2015. № 6. С.125–134.
8. Михайлов А.А. Модель методической системы подготовки будущих учителей безопасности жизнедеятельности // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2016. № 6. С. 114–125.
9. Дубовицкая Т.Д. Методика диагностики направленности учебной мотивации // Психологическая наука и образование. 2002. № 2. С. 42–45.
10. Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. проф. Г.С. Никифорова. СПб. : Речь, 2011. 950 с.
11. Натарева Д.В. Формирование эколого-валеологических знаний и умений у студентов в процессе обучения безопасности жизнедеятельности // Вестник ЧГПУ. 2017. № 7. С. 66–70.

References

1. Tyumaseva Z.I., Cygankov A.A. Bezopasnost' kak faktor professional'noj podgotovki pedagogov // Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya shkola : sbornik nauchnyh trudov. Seriya: «Fundamental'noe obrazovanie» / pod red. B.F. Kvashi. SPb. : MINPI, 2009. Vyp. 5. S. 239–246.
2. Kurnikov D.V. Sushchnost' ponyatiya «pedagogicheskaya podderzhka v obrazovanii» // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2012. № 5 (36). S. 74–75.
3. Tyumaseva Z.I., Orekhova I.L., Natarova D.V. Ehkologicheskaya bezopasnost' kak osnova vzaimootnoshenij cheloveka s okruzhayushchej prirodnoj sredoj // Vestnik CHGPU. Pedagogika. Psihologiya. Filosofiya, 2017. № 3. S. 102–107.
4. Tyumaseva Z.I., Solomin V.P. K nacional'noj bezopasnosti cherez bezopasnost' obrazovaniya // ZHizn' i bezopasnost'. 1998. № 23. S. 212–218.
5. Leshihin M.I., SHChelchkova N.N., Natarova D.V., Romanova E.A. Praktikum po bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti : uchebno-prakticheskoe posobie po bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti dlya studentov nebiologicheskikh special'nostej pedagogicheskikh vuzov. 2-e izd., per. i dop. CHelyabinsk : Izd-vo CHelyab. gos. ped. un-ta, 2015. 218 s.
6. Cvetkova L.I., Alekseev M.I., Karmazinov F.V., Neverova-Dziopak E.V., Usanov B.P., ZHukova L.I. Ehkologiya : uchebnik dlya tekhnicheskikh vuzov. M. : Izd-vo Associacii stroitel'nyh vuzov : Himizdat, 2001. 552 s.
7. SHChelchkova N.N., Tyumaseva Z.I., Orekhova I.L. Ispol'zovanie interaktivnyh form obucheniya studentov pri izuchenii kursa «Vozrastnaya anatomiya, fiziologiya i gigiena» // Vestnik CHGPU. 2015. № 6. S.125–134.
8. Mihajlov A.A. Model' metodicheskoy sistemy podgotovki budushchih uchitelej bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2016. № 6. S.114–125.
9. Dubovickaya T.D. Metodika diagnostiki napravlenosti uchebnoj motivacii // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2002. № 2. S. 42–45.
10. Diagnostika zdorov'ya. Psihologicheskij praktikum / pod red. prof. G.S. Nikiforova. SPb. : Rech', 2011. 950 s.
11. Natarova D.V. Formirovanie ehkologo-valeologicheskikh znanij i umenij u studentov v processe obucheniya bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti // Vestnik CHGPU. 2017. № 7. S. 66–70.

УДК 343.614(091)(470)

Т.Н.Нуркаева, М.А.Артамонова

**Историко-правовые аспекты становления и
развития российского уголовного законодательства
об ответственности за преступления, связанные с суицидом**

В статье раскрываются этапы формирования российского законодательства об уголовной ответственности за преступления, связанные с суицидом (дореволюционный, советский, постсоветский периоды), показана взаимосвязь с действующим уголовным законодательством в этой области.

Ключевые слова и фразы: развитие российского уголовного законодательства; преступления, связанные с суицидом; самоубийство; доведение до самоубийства; склонение к совершению самоубийства; церковные суды; светский суд.

T.N.Nurkayeva, M.A.Artamonova

**Historical and Legal Aspects of the Formation and Development
of the Russian Criminal Legislation on Liability
for Suicide-Related Crimes**

The article considers the stages of the formation of the Russian legislation on criminal liability for crimes related to suicide (pre-revolutionary, Soviet, post-Soviet periods), shows the relationship with the current criminal legislation in this area.

Key words and phrases: development of Russian criminal legislation; crimes related to suicide; suicide; incitement to suicide; abetment of committing suicide; ecclesiastical courts; secular court.

Феномен самоубийства можно рассматривать с различных сторон: с точки зрения философского, социологического, психологического, религиозного, культурного, нравственного и медицинского подходов. Есть в этом феномене и правовой аспект, связанный с юридической оценкой его причины и последствий. Анализ истории развития отечественного уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за доведение до самоубийства, принципиально важен, так как вряд ли возможно глубоко познать современные правовые явления без обращения к ранее действовавшему законодательству. Нельзя с уверенностью сказать, когда было совершено первое самоубийство, однако с помощью исторических законодательных памятников Русского права можно проследить периоды установления ответственности за это деяние и историю его криминализации.

Нуркаева Татьяна Николаевна, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: NurkaevaTN@yandex.ru

Артамонова Мария Александровна, адъюнкт Уфимского юридического института МВД России, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: 89279410629@mail.ru

© Нуркаева Т.Н., Артамонова М.А., 2018

П.Ф.Булацель в своем историческом очерке подчеркивает, что «с тех пор, как существуют люди, существует и самовольная смерть» [1, с. 10]. Следует отметить, что исторически отношение к самоубийству складывалось неоднозначно и противоречиво. Так, древний человек под влиянием языческих верований смотрел на самоубийство, как на дело нравственное, достойное мужественного поступка. По свидетельству историка Льва Дьякона, воины Святослава никогда не сдавались живыми неприятелю, но ввиду неминуемой опасности убивали сами себя, пронзая живот мечом. Они это делали из убеждения, что убитые в сражении неприятелем по смерти своей и разлуки души с телом будут слугами своих убийц в загробной жизни [2, с. 109–110].

Однако с крещением Руси (988 год) кардинально меняется подход и отношение к лицам, совершившим или покушавшимся на самоубийство. Так, в истории русского права наказуемость самоубийства и покушения на него была установлена церковным законом, а с самых ранних лет оно рассматривалось как тяжкий грех.

К покушавшимся на самоубийство лицам применялось церковное наказание в виде временного отлучения от церкви. К самоубийцам же применялось церковное наказание в виде лишения погребения по христианскому канону (следовал отказ в отпевании), в том числе был установлен запрет хоронить тела самоубийц у церквей или на кладбищах. Этот запрет определялся в требнике митрополита Киевского святителя Петра (Могилы) и в статье 21 «Инструкции старостам поповским или благочинным смотрителям», изданной 26 декабря 1697 года патриархом Адрианом Московским. Однако было исключение в отношении сумасшедших лиц, которые покончили с жизнью в состоянии помутнения рассудка (именно «священнослужитель должен рассудить, подлинно ли, будучи вне ума, соделал сие») [3, с. 67].

Судебник Ивана III 1497 г. внес единообразие в судебную практику и расширил перечень уголовно-наказуемых деяний. Важным нормативно-правовым документом того времени является Запись о душегубстве 1456–1462 гг. или Губная московская запись. Понятие «душегубство» охватывает не только убийство другого лица, но и самоубийство, и даже внезапную (без покаяний в грехах) смерть в результате несчастного случая [4, с. 133]. «Запись о душегубстве» характеризует степень развития уголовного права и содержит 10 статей. Согласно этому правовому акту под душегубством понималось не только человекоубийство, но и самоубийство (от своих рук утерается) [5, с. 7]. Душегубство отграничивается от других преступлений, за которые налагались штрафы (пени). Поэтому преступления градировались на пенные (от слова пеня) и душегубство (убийство или самоубийство) [6, с. 99].

В истории России длительное время не было законодательных норм, предусматривающих ответственность за совершение самоубийства и за доведение до него. В связи с чем, наказуемость этого деяния устанавливалась церковными сводами, а дела подобного рода разрешались в церковных судах.

Впервые светская уголовная ответственность за самоубийство и покушение на самоубийство в России появилась во времена правления Петра I, это и принято традиционно считать точкой отсчета. Вследствие чего самоубийство, как и другие дела, ранее находившиеся в ведении церковного судопроизводства, перешло в сферу светского права [7, с. 7].

Особое место среди уголовно-правовых норм, принятых в период правления Петра I, принадлежит Артикулу воинскому от 26 апреля 1715 года. Артикул воин-

ский включал в себя статьи о преступлениях не только воинских, но и политических и общеуголовных [8, с. 318].

Так, глава девятнадцатая именуется «О смертном убийстве» и артикул 164 относит к убийству совершение самоубийства и законодательно предусматривает уголовную ответственность за совершение самоубийства (преступление против собственной жизни). При совершении такового наказание обращалось на его труп [9, с. 66]. Согласно артикулу 164, палачу надлежало тело самоубийцы «отволочь и закопать в бесчестном месте, волоча прежде его по улицам или обозу» [10, с. 193]. Стоит отметить, что данная норма содержала исключение в отношении душевнобольных лиц.

Так как Артикул Петра I не содержал специальной нормы, определяющей цель наказания, то можно сделать вывод о том, что законодатель XVIII в. преследовал цель устрашения, исходя из применяемого наказания к виновным лицам, что достигалось в свою очередь не только угрозой, но и публичным исполнением [11, с. 40]. А также оно выполняло превентивную функцию в виде удержания от совершения подобных деяний. Артикул воинский 1715 г. впервые законодательно относил к ведению светского суда дела о самоубийстве. До правления Петра I к самоубийцам или тем, кто покушался на самоубийство, применялось наказание, но лишь церковное.

Дальнейшее развитие норм об ответственности за суицид связано с правлением Николая I. Историками период с начала XIX в. до 1861 года в развитии российского законодательства рассматривается в качестве самостоятельного [4, с. 350].

По указанию императора Николая I была проведена глобальная работа по созданию Свода законов под руководством государственного деятеля М.М.Сперанского [12, с. 6]. Результатом этой работы явилось создание систематизированного многотомного Свода законов, который вступил в юридическую силу 1 января 1835 г. Свод законов предусматривал ответственность за самоубийство и определял наказание в виде отказа от христианского погребения, а за покушение на него – наказание такое же, как и за покушение на убийство, что подтверждается статьями 347–348 Свода [13].

С развитием и изменением социально-экономических связей общество настоятельно требовало обновления и упорядочения уголовного законодательства. После издания Свода законов началась активная работа по подготовке уголовного Уложения. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных было утверждено Указом императора от 15 августа 1845 г. и представляло собой обширный кодекс, состоящий из 12 разделов и 2224 статей [14, с. 163]. Разработчики Уложения изначально не отказались от идеи наказуемости за совершение самоубийства, и выделили отдельную главу, именуемую «О самоубийстве» в разделе 10 «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц», предусматривающую уголовную ответственность за его совершение. Статья 1943 Уложения предусматривала ответственность за совершение самоубийства в виде «отказа в праве делать предсмертные распоряжения своего имущества в отношении их детей, воспитанников, служителей».

Такого рода распоряжения признавались ничтожными и исполнению не подлежали. Однако в дальнейшем, несмотря на имеющуюся норму, в 1877 году Высшая судебная инстанция России закрепила свои решения о том, что «так как судить самоубийство в уголовном порядке нельзя, то и вопрос о действительности или не-

действительности оставленного самоубийцей духовного завещания должен подлежать обсуждению суда гражданского, а не уголовного» [15, с. 13–14].

Если же лицо принадлежало к одному из христианских вероисповеданий, оно также лишалось христианского погребения. Согласно ст. 1944 Уложения, ответственность за совершение самоубийства исключалась, если это деяние было совершено в состоянии «безумия», «по великодушному патриотизму», а также женщиной «для спасения целомудрия и чести своей от грозившего ей неотвратимого насилия». Также из статьи 1944 следует, что субъектом преступления могли быть только христиане, а избалованное лицо в покушении на самоубийство каралось наказанием в виде церковного покаяния по распоряжению своего духовного начальства, за исключением тех лиц, которые находились в состоянии «безумия, сумасшествия или беспамятства», то есть болезненного расстройства психики. Статья 1945 содержала норму, которая исключала преступность деяния, если оно было совершено «по великодушному патриотизму – для сохранения государственной тайны» или «для женщин – при обороне от изнасилования».

Кроме того, впервые в статье 1946 Уложения предусматривалась уголовная ответственность за склонение к самоубийству или за доставление средств потерпевшему лицу, или иной вид пособничества в совершении самоубийства. Пособничество к его совершению приравнивалось к пособничеству в совершении умышленного убийства, то есть в рассматриваемом случае имеет место соучастие в убийстве с прямым видом умысла. По статье 1947 каралась жестокость в отношении подчиненного лица или лица, находящегося на попечении, приведшая к самоубийству последнего. Под жестокостью понималось не только насилие над личностью, но и различные лишения и стеснения, которые в отдельности и не опасны, но взятые вместе и постоянно повторялись, доводя человека до отчаяния и даже до преступления [16, с. 247]. Жестокое обращение могло выражаться не только в физическом насилии, но и в духовном. К виновным лицам за совершенное деяние применялось наказание в виде лишения прав и преимуществ и заключение в смиренном доме на период от одного года до двух лет, сверх того, если же виновное лицо христианин, то применялось церковное наказание в виде церковного покаяния по усмотрению духовного начальства [17, с. 755].

Таким образом, в истории отечественного уголовного законодательства в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые были криминализованы составы доведения до самоубийства и склонения к самоубийству. Вместе с тем уголовное законодательство рассматриваемого периода наряду с уголовными и гражданскими мерами ответственности все еще сохраняло церковное наказание, которое применялось к христианам, совершившим самоубийство или покушение на него.

Императором Николаем II 22 марта 1903 года было утверждено новое Уголовное уложение, которое в рамках либерализации законодательства исключило самоубийство из числа уголовно наказуемых деяний. В то же время предусматривались следующие виды ответственности: за доставление средств для совершения самоубийства – в виде заключения до 3-х лет (ст. 462), за подговор к самоубийству – в виде каторги до 8-и лет (ст. 463), за самоубийство по жребию или иного условного случая, согласно условию с противником – каторга до 8-и лет (ст. 488) [18, с. 148, 156].

Исходя из анализа статьи 463 Уложения, подговор к самоубийству был возможен в отношении лиц, не достигших 21-летнего возраста или лиц, заведомо не способных понимать значение своих действий и руководить своими поступками. О психическом состоянии потерпевшего должно было быть известно виновному до совершения преступления. Также данная норма предусматривала преступное содействие, под которым понималась дача совета или указания в совершении самоубийства, а также доставление средств или устранение препятствий для этого. Преступление считалось оконченным в результате покушения на самоубийство или фактического наступления смерти потерпевшего лица. По своей сути, законодатель выделил содействие в отношении дееспособных лиц (ст. 462) и недееспособных лиц (ст. 463), установив разные пределы ответственности.

В связи с отказом законодателя от криминализации самоубийства преступное соучастие в нем становится невозможным, так как главным условием наступления уголовной ответственности за соучастие является совершение преступного деяния, предусмотренное нормами Уложения.

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года уничтожила буржуазно-помещичье государство и ранее действовавшие юридические институты царской России, в том числе судебные учреждения и прежнее законодательство. В июне 1920 года на заседании III Всероссийского съезда советов впервые был поставлен вопрос о создании новой системы преступных деяний и их общей классификации.

Самым масштабным событием в законодательной деятельности советского государства было принятие в 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР, который сыграл важную роль в истории становления советского уголовного права.

Следует отметить, что по УК РСФСР 1922 года ответственность за доведение до самоубийства не была криминализована, но было предусмотрено наказание за содействие самоубийству или подговор к нему несовершеннолетнего или невменяемого, а за совершение лицом акта самоубийства наказуемость была исключена. Так, по ст. 148 УК РСФСР 1922 г. раздела «Убийство» предусматривалась ответственность за «содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали», что было вполне оправдано с точки зрения структуры как главы 5 Кодекса, именуемой «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», так и соответствующего раздела [11, с. 558].

А.А.Пионтковский в своих работах отмечал, что содействие или подговор взрослого или вменяемого лица на совершение акта самоубийства по УК РСФСР 1922 г. не является преступлением, так как, по мнению законодателя, в совершаемых действиях отсутствует общественная опасность. В случае же принуждения данной категории лиц к самоубийству, оно рассматривалось как убийство на общих основаниях [19, с. 37].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. внес некоторые коррективы в интересующие нас составы преступлений. Так, в ч. 1 ст. 141 главы VI Особой части УК РСФСР предусматривалась ответственность за доведение до самоубийства или покушения на него, лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного лица, жестоким обращением последнего или иным подобным путем. Наряду

с этим, в ч. 2 ст. 141 УК РСФСР сохранялись положения ст. 148 УК РСФСР 1922 г., которая ранее предусматривала ответственность за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого и руководить своими поступками. Лицо признавалось несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет, независимо от его умственного развития. Уголовный закон карал за содействие и подговор к самоубийству виновных лиц, если только последние знали, что потерпевший не достиг совершеннолетия.

По справедливому замечанию А.Н.Красикова, ст. 141 УК РСФСР 1926 г. предусматривала различные формы причастности к совершению самоубийства с одинаковой санкцией. Первая форма – это подговор к самоубийству, под которым понимались разного рода деяния, вызвавшие решимость лишить себя жизни у человека, который раньше и не помышлял о суициде, при отсутствии признаков состава доведения до самоубийства. Вторая – содействие самоубийству, когда человек самостоятельно принял решение расстаться с жизнью и по его просьбе оказана помощь извне в лишении себя жизни [20, с. 185]. Как указывало советское уголовное законодательство того периода, потерпевшими могли быть несовершеннолетние или лица, заведомо не понимающие и не могущие руководить своими поступками.

Таким образом, УК РСФСР 1926 г., введя уголовную ответственность за доведение до самоубийства, расширил сферу охраны жизни и здоровья граждан от преступных посягательств.

Дальнейшие изменения в уголовном законодательстве об ответственности за преступления против личности были связаны с принятием в 1960 г. нового Уголовного кодекса РСФСР. Глава III Особенной части УК РСФСР «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» законодательно закрепила охрану важного объекта уголовного права – личность человека. Из прежнего уголовного закона был исключен состав преступления «Подговор и содействие самоубийству», так как практика не встречалась с подобными преступлениями. Однако, по мнению А.А.Пионтковского, если бы в виде исключения такого рода преступление и встретилось, было бы целесообразно совершенное рассматривать как особый способ убийства [21, с. 81].

Согласно ст. 107 УК РСФСР 1960 г., вопрос о привлечении к уголовной ответственности за доведение до самоубийства ставился в том случае, если потерпевший находился в материальной или иной зависимости от виновного лица. Поэтому практическое применение этого состава преступления требовало тщательного учета всех обстоятельств дела. Так, судебный орган при квалификации деяния по ст. 107 УК РСФСР должен был устанавливать факт материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного лица, причем совершенное самоубийство должно быть следствием жестокого или иного подобного обращения. Привлечение к ответственности по ст. 107 УК РСФСР было возможно лишь при наличии причинной связи между преступным деянием и совершенным самоубийством.

Таким образом, советское законодательство никогда не относило самоубийство к уголовно наказуемым деяниям, а их совершение рассматривалось как действие, противоречащее нормам этики и морали социалистического общества.

С принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. вопрос об ответственности за преступления, связанные с суицидом, продолжает оставаться актуальным для исследователей в области уголовного права.

Российское уголовное законодательство продолжило работу в этой области, существенно изменив норму об ответственности за доведение до самоубийства и исключив требования материальной и иной зависимости потерпевшего от виновного лица, как это было предусмотрено в советских уголовных кодексах 1926 г. и 1960 г. Кроме того, расширяется круг субъектов преступления, а в саму диспозицию помимо жестокого обращения или систематического унижения потерпевшего добавляется термин – «угрозы». Положение этой нормы сегодня отражено в ст. 110 УК РФ.

Редакция ст. 110 УК долгое время оставалась неизменной. Однако в июне 2017 года российским законодателем были внесены существенные изменения в ст. 110 УК РФ по причине резкого роста совершенных суицидов, особенно это явление распространилось среди несовершеннолетних с использованием Интернета. Так, в целях противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суициду, Федеральным законом от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ в Уголовный кодекс РФ введены новые составы преступлений: ст. 110¹ УК (Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства); ст. 110² УК (Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства), а ст. 110 УК (Доведение до самоубийства) претерпела существенные изменения [22, с. 64]. Так, в прежнюю редакцию ст. 110 УК РФ были внесены квалифицированные виды доведения до самоубийства.

Итак, исторически на протяжении многих веков отечественное государство и общество относилось к акту самоубийства и покушению на него неоднозначно, устанавливая различные виды и пределы ответственности за это деяние. Эволюция норм уголовного законодательства России, предусматривающая ответственность за суицид, претерпевала определенные изменения в разные исторические периоды: досоветский период; советский период (с 1917 г. по 1991 г.); постсоветский период (с 1991 г. по настоящее время). Так, выдающиеся памятники Русского права IX–XVI вв., такие как: Русская Правда, Судебник 1497 г. не содержали уголовно-правовую норму, прямо предусматривающую ответственность за доведение или склонение лица к совершению самоубийства. Наказуемость же самого самоубийства находилась в рамках ведения церковного права.

Далее, в период правления Петра I, с изданием Воинского Артикула 1715 г., устанавливается нормативное регулирование уголовной ответственности за совершение самоубийства, а покушение на самоубийство впервые относится к ведению светского суда и также подлежит уголовному наказанию. Однако стоит упомянуть об обстоятельствах, исключаящих ответственность за самоубийство. К их числу законодатель относил – чувство голода, стыда и беспамятства.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые в истории отечественного уголовного законодательства были криминализованы составы доведения до самоубийства и склонения к самоубийству. Вместе с тем уголовное законодательство рассматриваемого периода наряду с уголовными и гражданскими мерами ответственности все еще сохраняло церковное наказание, которое применялось к христианам, совершившим самоубийство или покушение на него.

Далее, во времена существования СССР законодателем того периода было принято три уголовных кодекса, каждый из которых отражал законодательную позицию в вопросах ответственности за преступления, связанные с суицидом, прежде всего за доведение до самоубийства. Это было обусловлено не только сложившейся

следственно-судебной практикой, но и повышенной общественной опасностью данного преступления. В то же время советское законодательство никогда не относило самоубийство к уголовно наказуемым деяниям, а их совершение рассматривалось как действие, противоречащее нормам этики и морали социалистического общества.

В июне 2017 года внесены серьезные изменения в УК РФ, касающиеся преступлений в сфере суицида. Это обусловлено тем, что в России за 2016 год резко возросло число подростковых суицидов. По словам главы Следственного комитета Александра Бастрыкина, в 2016 году с жизнью покончили 720 подростков. Доведение до самоубийства, особенно несовершеннолетних с использованием Интернета, стало реальной проблемой нашего общества и законодатель отреагировал на эту ситуацию, введя уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110¹ УК) и за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110² УК).

В настоящее время введенные нормы нуждаются в изучении и толковании употребляемых терминов, что важно для правильной оценки и квалификации совершенных деяний.

Оценивая итоги планомерного исторического развития уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за суицид, можно с известной долей определенности отметить, что оно связано с непростым и длительным эволюционным путем. Посредством историко-сравнительного анализа уголовно-правовых норм возможно лучше понять и изучить действующее законодательство, а также сложившуюся следственно-судебную практику в этой области. Это будет способствовать прогнозированию и дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства в сфере ответственности за преступления, связанные с суицидом.

Список использованных источников

1. Булацель П.Ф. Исследования о самовольной смерти. Исторический очерк философских воззрений и законодательств о самоубийстве. Ревель : печ. Эстлянд. губ. правл. 1894. 208, XI с.
2. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. 3-е изд., испр. и доп. М. : Тип. Моск. ун-та, 1908. VII, XXIX. 616 с.
3. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 256 с.
4. Коробеев А.И. Преступления против жизни // Полный курс уголовного права : в 5 т. Преступления против личности. СПб. : Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. Т. II. 680 с.
5. Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 124 с.
6. Цечоев В.К. История Отечественного государства и права : учебное пособие. 5-е изд., доп. и перераб. М. : Прометей, 2017. 456 с.
7. Лоба В.Е. Самоубийство сквозь призму уголовного законодательства: историко-правовой аспект // История государства и права. 2012. № 24. С. 5–9.
8. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М. : Юрид. лит., 1986. 512 с.
9. Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 254 с.
10. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 1997. 472 с.

11. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. М. : Юрлитинформ, 2015. Ч. I. 1408 с.
12. Крашенинников П.В. Граф Михаил Михайлович Сперанский // Юрист. 2013. № 19. С. 9–14.
13. Кони А.Ф. Самоубийство в законе и жизни. А.Ф.Кони. Избранные труды и речи // Кони А.Ф. Самоубийство в законе и жизни. СПб., 1898. [Электронный ресурс]. URL: <http://ib.ru/> (дата обращения: 26.06.2018).
14. Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М. : Юрид. лит., 1988. 432 с.
15. Набоков В.Д. Элементарный учебник Особенной части русского уголовного права. Вып. I. Книги I и II. СПб., 1903. 220 с.
16. Белявский Л.А. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [1885 года] в толковании юристов: [Практ. руководство для судеб. деятелей] / Л.А. Белявский и А.Л. Рубиновский. СПб., 1902 (Каменец-Подольск: типо-лит. Л. Ландвигера). 408 с.
17. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии Санктпетербургъ, Российская Имперія, 1845. 922 с.
18. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. СПб., 1903. 253 с.
19. Уголовное право. Особенная часть: Преступления против личности М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 135 с.
20. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов : Полиграфист, 1996. 211 с.
21. Кригер Г.Л., Пионтковский А.А., Ромашкин П.С. Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления : в 6 т. Т. 5. Часть особенная. М. : Наука, 1971. 572 с.
22. Нуркаева Т.Н. О качестве уголовного закона на примере раздела VII УК РФ, предусматривающего ответственность за преступления против личности // Вестник ВЭГУ. 2017. № 6 (92). С. 59–67.

References

1. Bulacel' P.F. Issledovaniya o samovol'noj smerti. Istoricheskij ocherk filosofskih vozzrenij i zakonodatel'stv o samoubijstve. Revel' : pech. EHstlyand. gub. pravl. 1894. 208, XI s.
2. Samokvasov D.YA. Kurs istorii russkogo prava. 3-e izd., ispr. i dop. M. : Tip. Mosk. un-ta, 1908. VII, XXIX. 616 s.
3. Paperno I. Samoubijstvo kak kul'turnyj institut. M. : Novee literaturnoe obozrenie, 1999. 256 s.
4. Korobeev A.I. Prestupleniya protiv zhizni // Polnyj kurs ugolovnogogo prava : v 5 t. Prestupleniya protiv lichnosti. SPb. : Izd-vo R.Asanova «YUridicheskij centr Press», 2008. Т. II. 680 s.
5. Krasikov A.N. Otvetstvennost' za ubijstvo po rossijskomu ugolovnomu pravu. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1999. 124 s.
6. Cechoev V.K. Istoriya Otechestvennogo gosudarstva i prava : uchebnoe posobie. 5-e izd., dop. i pererab. M. : Prometej, 2017. 456 s.
7. Loba V.E. Samoubijstvo skvoz' prizmu ugolovnogogo zakonodatel'stva: istoriko-pravovoj aspekt // Istoriya gosudarstva i prava. 2012. № 24. S. 5–9.
8. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. Т. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma. M. : YUrid. lit., 1986. 512 s.
9. Nurkaeva T.N. Lichnye (grazhdanskije) prava i svobody cheloveka i ih ohrana ugolovno-pravovymi sredstvami: voprosy teorii i praktiki. SPb. : YUridicheskij centr Press, 2003. 254 s.
10. Titov YU.P. Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii. M. : Prospekt, 1997. 472 s.
11. Naumov A.V. Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii : v 2 ch. М. : YUrlitinform, 2015. CH. I. 1408 s.
12. Krasheninnikov P.V. Graf Mihail Mihajlovich Speranskij // YUrist. 2013. № 19. S. 9–14.

13. Koni A.F. Samoubijstvo v zakone i zhizni. A.F.Koni. Izbrannye trudy i rechi // Koni A.F. Samoubijstvo v zakone i zhizni. SPb., 1898. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/> (дата обращения: 26.06.2018).
14. CHistyakov O.I. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. T. 6. Zakonodatel'stvo pervoj poloviny XIX veka. M. : YUrid. lit., 1988. 432 s.
15. Nabokov V.D. EHlementarnyj uchebnik Osobnojj chasti russkogo ugolovnojj prava. Vyp.1. Knigi I i II. SPb., 1903. 220 s.
16. Belyavskij L.A. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh [1885 goda] v tolkovanii yuristov: [Prakt. rukovodstvo dlya sudeb. deyatelej] / L.A. Belyavskij i A.L. Rubinovskij. SPb., 1902 (Kamenec-Podol'sk: tipo-lit. L. Landvigera). 408 s.
17. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1845 goda // Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii Sanktpeterburg", Rossijskaya Imperiya, 1845. 922 s.
18. Novoe ugolovnoe ulozhenie, vys. utv. 22 marta 1903 g. SPb., 1903. 253 s.
19. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': Prestupleniya protiv lichnosti M. : YUrid. izd-vo NKYU SSSR, 1938. 135 s.
20. Krasikov A.N. Ugolovno-pravovaya ohrana prav i svobod cheloveka v Rossii. Saratov : Poligrafist, 1996. 211 s.
21. Kriger G.L., Piontkovskij A.A., Romashkin P.S. Kurs sovetskogo ugolovnojj prava: Prestupleniya protiv lichnosti, ee prav. Hozyajstvennye prestupleniya : v 6 t. T. 5. CHast' osobennaya. M. : Nauka, 1971. 572 s.
22. Nurkaeva T.N. O kachestve ugolovnojj zakona na primere razdela VII UK RF, predusmatrivayushchego otvetstvennost' za prestupleniya protiv lichnosti // Vestnik VEHGU. 2017. № 6 (92). S. 59–67.

УДК 316.012

Н.Е.Серкина, П.Е.Серкин

Социальная инженерия К.Поппера и информационное общество

Статья посвящена особенностям эволюции парадигмы социального управления при переходе техногенной цивилизации к постиндустриальному или информационному этапу своего развития. Проанализированы достоинства и недостатки социальной инженерии К.Поппера как метода социального управления, показано влияние информационных технологий на возможности социальной инженерии как неотъемлемой составляющей актуальной парадигмы социального управления.

Ключевые слова и фразы: социальная инженерия; К.Поппер; социальное управление; социальные технологии; парадигма социального управления; информационное общество.

Серкина Надежда Евгеньевна, доцент кафедры философии и социологии Марийского государственного университета, кандидат философских наук, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола; конт. инф.: nserkina@mail.ru

Серкин Павел Евгеньевич, технический руководитель РО по РМЭ ПФ ПАО «Мега-Фон», кандидат философских наук, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола; конт. инф.: serpave@mail.ru

© Серкина Н.Е., Серкин П.Е., 2018

N.E.Serkina, P.E.Serkin

K.Popper's Social Engineering and Information Society

The article is devoted to the peculiarities of the evolution of the paradigm of social management in the transition of anthropogenic civilization to the postindustrial or informational stage of its development. It analyzes the advantages and disadvantages of K.Popper's social engineering as a method of social management, shows the influence of information technologies on the possibilities of social engineering as an integral component of the current paradigm of social management.

Key words and phrases: social engineering, K.Popper, social management, social technologies, paradigm of social management, information society.

Социальная инженерия возникла во второй половине XX века в США в качестве прикладной социологической дисциплины. Благодаря высокой эффективности решения практических управленческих задач в разных отраслях экономики данная дисциплина прочно закрепилась в структуре социологического знания, а в учебных заведениях США и Западной Европы успешно готовят специалистов в области социальной инженерии. В России систематические курсы по социальной инженерии впервые появились в середине 80-х годов XX в. на базе кафедр и факультетов социологии и психологии вузов. В 1998 г. в Московском государственном университете дизайна и технологии был создан первый Институт социальной инженерии [1].

За последние два десятилетия социальная инженерия приобрела статус самостоятельной учебной дисциплины, что сделало возможным подготовку квалифицированных специалистов в данной области. Значимость социальной инженерии подтверждается широкими возможностями ее практического применения: это не только управленческая деятельность, но и социальная работа, а также повышение эффективности работы персонала организаций и поддержка избирательных кампаний. Социальная инженерия как профессиональный вид деятельности становится неоднородной, в ее рамках выделяется ряд специализированных направлений. Это собственно социально-инженерный анализ подсистем общества, конструирование искусственных социальных систем, организационно-технологическая деятельность по реализации социальных проектов и внедрении их в общественную практику и, наконец, управленческое консультирование.

Как отмечает Ю.М.Резник, подобный интерес к социоинженерной проблематике обусловлен, прежде всего, необходимостью осмысления происходящих в современном обществе радикальных изменений, связанных с трансформацией всех общественных структур в ходе становления информационного общества, а также насущной потребностью в решении широкого круга прикладных задач предпринимателями, государственными служащими и другими специалистами при принятии ими научно обоснованных управленческих решений [2].

Сегодня понятие социальной инженерии широко распространено и встречается не только в научной литературе, поэтому имеется множество его толкований. В узком смысле социальная инженерия рассматривается как утилитарно-практическое знание, дающее возможность управления действиями индивидов и получения несанкционированного доступа к конфиденциальным информационным ресурсам в корыстных целях путем использования индивидуальных социально-психологических особенностей поведения людей. При этом объектом воздействия соци-

ального инженера является не информационная или организационная система (технический объект или какая-либо организация), а ее оператор или сотрудник, манипулируя которым социальный инженер получает доступ к внутренним ресурсам информационной системы или организации.

В широком смысле слова социальная инженерия понимается как форма управления искусственными социальными системами на основе научного метода, т. е. с учетом познанных объективных социальных закономерностей. Поскольку подобные системы возникают в результате целенаправленной деятельности социальных субъектов и не жизнеспособны вне их социальной активности, социальная инженерия рассматривает социальные процессы сквозь призму устойчивых форм регуляции, контроля и упорядочения деятельности социальных субъектов – социальных институтов. Именно такой широкой трактовки социальной инженерии мы будем придерживаться в данной статье.

В западной социологии социальная инженерия была подробно рассмотрена К.Поппером в работах «Открытое общество и его враги» (1945 г.) и «Нищета историзма» (1957 г.). Социальная инженерия, по К.Попперу, – это совокупность методов прикладной социологии, направленных на рациональное изменение социальных систем с целью их совершенствования на основе познания фундаментальных основ функционирования общества и прогнозирования последствий запланированных социальных изменений.

Пошаговая социальная инженерия К.Поппера, институциональная структура и социальное управление

К.Поппер разграничивает два подхода к социальной инженерии. Первый подход, основанный на идее холизма, т. е. идее тотального переустройства общества на основе представлений об «идеальном» общественном устройстве, К.Поппер справедливо называет «утопической социальной инженерией». В общественном знании эта идея имеет давнюю историю, достаточно упомянуть проект идеального государства Платона или социальных утопистов Нового времени, при этом она подразумевает сильную централизованную власть и неизбежно приводит к диктатуре. Именно на это К.Поппер указывает, называя главный недостаток утопического подхода: «Мы должны стараться улучшить положение дел в нашем обществе, но мы должны избавиться от идеи философского камня, отказаться от поиска чудодейственной формулы, которая превратит наше развращенное человеческое общество в некое идеальное «золотое» сообщество», – пишет он [3, с. 395].

В противовес грандиозным, но, как правило, бесплодным социальным проектам, К.Поппер предлагает идею пошаговой социальной инженерии («*piecemeal social engineering*»). В данном случае социальные преобразования должны осуществляться поэтапно в отношении конкретного объекта, в качестве которого выступает социальный институт или иная социальная структура, с возможностью незамедлительной корректировки первоначального плана реформ в случае неудовлетворительного результата. При этом возможности социальной инженерии по преобразованию социальных структур определяются объемом накопленных знаний, приобретенных в процессе систематического применения ее методов на практике.

Как указывает К.Поппер, «критикуя утопическую инженерию, я на самом деле критикую проекты переустройства общества в целом, т. е. проекты весьма основательных изменений, практические последствия которых трудно предусмотреть, опираясь на наш ограниченный опыт» [4, с. 204]. Утопическая социальная инженерия предполагает воздействие на общество в целом, при этом достигнутый уровень прикладного социологического знания не позволяет строить такие масштабные проекты. Это подтверждает и отсутствие разностороннего практического опыта подобных преобразований, тогда как прогнозирование последствий глобальных социальных изменений предполагает его наличие. В целом социологическое знание еще не достигло уровня, необходимого для крупномасштабных социальных преобразований, как считает К.Поппер.

В пошаговой социальной инженерии К.Поппера индивид выступает основным субъектом социальных процессов, иначе говоря, социальные системы являются результатом целенаправленной деятельности социального субъекта и могут существовать только при условии постоянного взаимодействия с ним. К социальным системам ученый относит социальные институты, организации и социальные группы как устойчивые формы нормативно-ролевой регуляции специализированной деятельности людей. Действительно, любая социальная система является комплексом повторяющихся действий индивидов (их поведенческих «паттернов»), объединенных общими ценностями и нормами в разнообразные социальные группы, причем элементами социальной системы являются не конкретные индивиды или группы, а формы их действий и отношений, выступающие в качестве социальных ролей.

Таким образом, социальная инженерия К.Поппера находится в русле структурно-функционального социологического подхода и социологии действия, что неудивительно, учитывая господство в западной социологии второй половины XX в. данных теорий. Основным объектом социальной инженерии выступают социальные институты, определяющие человеческое поведение и обеспечивающие контроль над ним. Следовательно, мы можем рассматривать социальную инженерию в качестве *метода социального управления*, характерного для *классической парадигмы социального управления*, основанной на целенаправленном воздействии на институциональную структуру общества с целью гармонизации социального взаимодействия, оптимизации социальных процессов и обеспечения прогрессивного развития общества.

Ограничения социальной инженерии, ее противопоставление историцизму

К.Поппер последовательно выступает против историцизма как социально-философской концепции, утверждающей возможность открытия объективных законов развития истории и, более того, считающей, что такие законы уже открыты и на их основе можно «пророчествовать» о перспективах развития общества в духе провиденциализма. Исторической предопределенности он противопоставляет позитивистские методы социальной инженерии как научно обоснованный путь разрешения острых общественных проблем и конфликтов путем последовательных социальных реформ.

Данный подход предполагает относительную простоту и ограничение масштабов социальных преобразований, что минимизирует риски негативных последствий и позволяет достигнуть социального компромисса относительно имеющихся недостатков в обществе и возможных путей их преодоления, считает К.Поппер. Кроме того, пробелы в познании социальных закономерностей приводят к тому, что невозможно просчитать все последствия социальных инноваций. Даже те немногие социальные институты, которые были сознательно и успешно спроектированы и реализованы, а не сложились в силу исторических обстоятельств, как правило, не полностью соответствуют первоначальному плану общественных реформ и зачастую продуцируют неожиданные побочные последствия. Комплексный анализ и компенсация подобных побочных эффектов – одна из ключевых функций социальной инженерии.

Избегая исторических пророчеств, находящихся за пределами его позитивистского метода, К.Поппер не отвергает научное предсказание в целом, однако все, на что способны социально-гуманитарные науки, по его мнению, – это описание «тенденций» или, говоря современным языком, «аттракторов» общественного развития. При этом невозможно предсказать, какое направление социальных изменений (из нескольких возможных) воплотится в реальность, иными словами, невозможно предсказать поведение социальных систем (относящихся к классу больших, открытых, нелинейных динамических систем, существующих в условиях постоянного обмена веществом, энергией и информацией с внешней средой) с высокой степенью точности на протяжении сколько-нибудь значительного исторического периода, и с этим невозможно не согласиться.

Таким образом, пошаговая социальная инженерия К.Поппера является прикладной социологической методикой, основанной на отрицании возможности широкомасштабных общественных преобразований и социально-философских обобщений о закономерностях общественного развития. Вместе с тем, указанные ограничения не позволяют удовлетворить претензии К. Поппера на роль пошаговой социальной инженерии как основы социальной стратегии развития общества и подтверждают ограниченность метода пошаговой социальной инженерии как альтернативы макросоциологическим теориям. Но несмотря на ряд ограничений, свойственных социальной инженерии, ее практическое значение весьма ценно и заключается в том, что она позволяет решать прикладные социологические задачи в естественных условиях социальной среды.

Социальная инженерия как социальная технология

Для современной цивилизации более всего подходит определение техногенная, что указывает на детерминирующую роль индустриальной системы в ее жизнедеятельности, обеспечивающей целенаправленное предметно-практическое освоение природной среды согласно общественным потребностям на основе имеющихся инструментальных возможностей человечества. Основным средством взаимодействия техногенной цивилизации с окружающей средой и ее преобразования становится техника как совокупность искусственных орудий труда. В свою очередь, технология

обеспечивает наиболее эффективное взаимодействие человека и природных ресурсов в процессе материального производства, имеющего общественный характер.

Технология опирается на рациональный подход к взаимодействию субъекта и объекта, при этом в качестве последних на социально-философском уровне рефлексии выступают техногенная цивилизация и природа. Такой подход подразумевает накопление и обобщение знаний об обществе и природе, полученных в социальной практике, и оценку эффективности тех или иных подходов к преобразованию действительности. Социальное действие из стихийного и неосознанного трансформируется в упорядоченное социальными структурами целесообразное, продуктивное взаимодействие индивидов с четко сформулированным результатом.

Все более возрастающая рационализация всех общественных сфер – одна из основных тенденций развития техногенной цивилизации, поэтому перенос инженерных методов и технологий из индустрии, где они первоначально возникли, на другие сферы общества полностью соответствует данной тенденции. Целенаправленное воздействие на социальные институты, контролирующее социальные действия индивидов и направляющие их, способно решать вновь возникающие социальные задачи путем модификации существующих и создания новых социальных систем. Таким образом, *социальная технология* – это набор методов по целенаправленному воздействию на социальные системы для решения конкретных общественных задач. В этом смысле социальная инженерия как целенаправленная деятельность по модификации существующих и построению новых социальных систем, в первую очередь общественных институтов, является социальной технологией, объектами воздействия которой являются не природная среда, а социальные системы.

Задача социального инженера – проектирование и реконструкция социальных систем, а также управление ими, поэтому он рассматривает социальные институты с «функциональной» точки зрения как средства для достижения общественно значимых целей. Благодаря этому социальная инженерия демонстрирует ряд преимуществ перед традиционными методами социального управления, например, формальной бюрократией. Появившись в материально-экономической сфере, социальные технологии применяются в экономике, государственном управлении и политике, стимулируя социальный прогресс. Именно об этом пишет К.Поппер, когда утверждает, что «один из мотивов историцизма состоит в том, что историцист не видит никакой иной альтернативы кроме тех двух, которые он допускает: или мир управляется высшими силами, «неизбежной судьбой», гегелевским «разумом», или же он является просто иррациональной игрой случая. Однако есть третья возможность: мы можем привнести разум в мир. Несмотря на то, что мир не прогрессирует, мы можем прогрессировать – как индивидуально, так и в сообществе» [3, с. 439].

Таким образом, социальная инженерия – это метод социального управления, направленный на модернизацию существующих и создание новых социальных систем, в первую очередь социальных институтов, с целью достижения устойчивого развития общества исходя из текущих социальных потребностей. Социоинженерный подход к управлению обществом размывает границы объекта и субъекта управления, придавая социальному управлению интерактивный характер. Социальная система, перестав быть только средством реализации целей социального развития, сама становится субъектом социального управления; в свою очередь, задачей социального

управления становится создание условий для раскрытия внутреннего потенциала социальной системы, что отвечает требованиям постнеклассической парадигмы социального управления, характерной для постиндустриального этапа развития техногенной цивилизации.

Социальная инженерия и постиндустриальная эпоха

Мы являемся свидетелями «тектонических» сдвигов основ техногенной цивилизации, масштаб и влияние которых на общественные процессы дают основание многим исследователям заявить о становлении качественно нового этапа в развитии техногенной цивилизации – постиндустриального или информационного общества. Его базовым атрибутом становится ведущая роль теоретического знания в экономике, кодификация, рационализация социального взаимодействия, все более возрастающая роль информационно-коммуникативных технологий, проникающих во все без исключения сферы общества. Смена технологического уклада, ведущую роль в котором играют технологии обработки и передачи информации, неизбежно влечет за собой трансформацию общественных структур и форм социального взаимодействия, что требует разработки принципиально новых междисциплинарных методов социального управления, к которым относится социальная инженерия.

Глобализация как неотъемлемый атрибут становления постиндустриального общества изменяет саму природу социальных взаимосвязей: общество и личность вовлекаются в активное информационное взаимодействие. Информационные технологии, активно проникающие в традиционные типы социальных коммуникаций, ускоряют и овеществляют их посредством социальных сетей, делают осязаемыми социальные связи, тем самым предоставляя эффективные инструменты для анализа и активного воздействия на них, включая создание искусственных социальных общностей. Социальная коммуникация становится практически мгновенной, минимизируя пространственные и временные ограничения на взаимодействие индивидов посредством инновационных технологий в сфере обработки и передачи информации.

Таким образом, информационные технологии становятся неотъемлемой частью механизма социального взаимодействия, создавая посредством информационных сетей новые социальные связи и продуцируя новые смыслы (дискурсы) в духе постмодернизма, размывая традиционные границы субъекта и объекта, творца и потребителя. Подобное переплетение социальной практики и информационной среды особенно ценно, т.к. связи и взаимодействия социальных субъектов больше не ограничиваются повседневностью, расширяясь посредством включения индивида в общее для всех социальных акторов информационное поле. Так информация и доступ к ней становятся основным социальным дискурсом, а информационные технологии занимают ведущее место в арсенале методов социальной инженерии.

Развитие техногенной цивилизации приводит к кардинальной перестройке социальной структуры и способов социального взаимодействия посредством возникновения качественно новой социальной реальности – информационных сетей. Это стимулирует поиск актуальных методов социального управления, отвечающих вызовам современности. Одним из таких методов становится социальная инженерия, обогащенная современным арсеналом информационных технологий. Инфор-

мационные сети объединяют людей в сообщества («комьюнити») различных типов – семейных, профессиональных, научных, культурных и т. д. Виртуализируются финансово-экономические взаимосвязи, на место вербальной и письменной коммуникации приходят телекоммуникации, складывается новая, революционная по своим возможностям, информационно-коммуникативная среда социума.

Расширяя возможности социального взаимодействия индивидов, делая социальную коммуникацию более открытой и равной, информационный дискурс девальвирует традиционные методы социального управления, так как результатом данных процессов становится формирование совершенно нового социально-коммуникативного пространства, «раздвигающего» традиционные границы социального пространства и становящегося все менее контролируемым традиционными методами, что отражает синергетический подход к интерпретации развития социальных систем, характерный для современного этапа развития парадигмы социального управления.

Список использованных источников

1. Резник Ю.М. Социальная инженерия как профессия // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318. № 6. С. 124–130.
2. Резник Ю.М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 87–96.
3. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. ; под ред. В.Н. Садовского. М. : Феникс : Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
4. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона / пер. с англ. ; под ред. В.Н. Садовского. М. : Феникс : Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.

References

1. Reznik YU.M. Social'naya inzheneriya kak professiya // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2011. T. 318. № 6. S. 124–130.
2. Reznik YU.M. Social'naya inzheneriya: predmetnaya oblast' i granicy primeneniya // Sociologicheskie issledovaniya. 1994. № 2. S. 87–96.
3. Popper K.R. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly / per. s angl. ; pod red. V.N. Sadovskogo. M. : Feniks : Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa», 1992. 528 s.
4. Popper K.R. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1. CHary Platona / per. s angl. ; pod red. V.N. Sadovskogo. M. : Feniks : Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa», 1992. 448 s.

УДК 378

А.В.Тараканов, Е.А.Крайнова

Анализ эффективности и качества подготовки бакалавров в области информационных технологий

В статье проведен анализ эффективности и качества подготовки бакалавров в области информационных технологий, выявлены сдерживающие факторы. Рассмотрены традиционные и интерактивные методы обучения. Представлены результаты исследований и рекомендации по применению традиционных и интерактивных методов обучения.

Ключевые слова и фразы: информационные технологии; качество подготовки; интерактивные методы обучения; системный подход; компетенции.

A.V.Tarakanov, E.A.Krainova

Analysis of the Effectiveness and Quality of Training Bachelors in the Field of Information Technologies

The article analyzes the effectiveness and quality of training bachelors in the field of information technologies, identifies constraints. It considers traditional and interactive teaching methods. The results of research and recommendations on the use of traditional and interactive teaching methods are presented.

Key words and phrases: information technologies, quality of training, interactive methods of training, system approach, competences.

Современное образование в области информационных технологий сегодня – один из приоритетов государственной политики в образовательной сфере, говорящий о необходимости создания нового кадрового обеспечения промышленности, готового к технологическому перевооружению российских производств, работе в условиях цифровой экономики.

Минобрнауки России на протяжении последних трех лет проводит поступательную политику по развитию качества инженерного образования. Целью такой политики является обеспечение качественной подготовки высококвалифицированных инженерных кадров, востребованных на рынке труда, а также повышение престижа профессии.

Тараканов Алексей Валерьевич, доцент кафедры информатики и систем управления Филиала Самарского государственного технического университета в г. Сызрани, кандидат педагогических наук, г. Сызрань; конт. инф.: tarakanov2102@mail.ru

Крайнова Екатерина Анатольевна, преподаватель кафедры математики и естественнонаучных дисциплин Филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина» Министерства обороны Российской Федерации в г. Сызрани, кандидат педагогических наук, г. Сызрань; конт. инф.: kate_kate@list.ru

© Тараканов А.В., Крайнова Е.А., 2018

Одной из наиболее востребованных профессий в наши дни является специалист в области информационных технологий. Нехватка кадров в этой области столь высока, что работодатели предоставляют места даже людям, не обладающим достаточным опытом работы, а самое главное, специальным образованием. Однако в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2015 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» и статьи 11 и 72 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», который вступил в силу с 1 июля 2016 года, каждый специалист должен иметь профильное образование в зависимости от занимаемой должности. В связи с этим потребность в подготовке квалифицированных кадров в области информационных технологий еще более возрастает.

Задача подготовки квалифицированного специалиста в области информационных технологий в современных условиях достаточно сложная. Как показала практика, сложности обусловлены рядом причин, среди которых можно выделить такие основные, как: недостаточный уровень начальной подготовки на уровне средней школы; несовершенство образовательных программ; динамичное развитие информационных технологий.

Исходя из практики реализации образовательной программы высшего образования – программы бакалавриата по направлению подготовки 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника», профиль «Вычислительные машины, комплексы, системы и сети», реализуемой в филиале ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» в г. Сызрани, был проведен анализ эффективности и качества подготовки бакалавров в области информационных технологий.

Первая сложность подготовки бакалавров в сфере информационных технологий обусловлена недостаточным уровнем начальной подготовки абитуриентов, в первую очередь по информатике.

На сегодняшний день, несмотря на то, что уже более двадцати лет в России идет активное внедрение вычислительной техники и информационных технологий на производстве, в организациях и в учебных заведениях, уровень преподавания информатики в школах оставляет желать лучшего. В данном случае причиной тому служит несколько факторов, таких как: нехватка квалифицированных учителей; отсутствие у обучающихся мотивации к изучению информатики и другие. Отдельно здесь можно отметить фактор самих информационных технологий, которые к настоящему времени получили огромное развитие с выделением отдельных областей.

Если до недавнего времени большая часть того, что входило в понятие информационные технологии изучалось в дисциплине информатика средней школы, то сейчас это очень сложно или вовсе невозможно. Программа по информатике в средней школе включает в себя обширное содержание: системы счисления, программирование, операционные системы, базы данных, прикладные программные пакеты, работа с компьютерными сетями, интернет и др. Реализация такого содержания в рамках школьной программы просто непосильная задача.

Таким образом, разноуровневость информационной подготовки студента-первокурсника ставит перед преподавателем вуза две задачи: во-первых, подобрать методику обучения таким образом, чтобы каждый студент был охвачен работой; во-вторых, чтобы к концу изучения курса все студенты овладели необходимыми компетенциями и были готовы к следующему этапу изучения специальных дисциплин.

В то же время практически у каждого молодого человека имеется возможность для самоподготовки и саморазвития, и задача педагога – направить ученика в нужное русло, в большом потоке информации выделить необходимое для дальнейшего самоопределения.

Вторая сложность подготовки бакалавров в сфере информационных технологий обусловлена самими информационными технологиями.

К настоящему моменту в сфере информационных технологий выделилось множество областей, профессиональная деятельность в которых требует решения различных профессиональных задач, что в свою очередь требует наличия у выпускников как общих, так и отдельных профессиональных компетенций.

Отдельные области в сфере информационных технологий настолько обширны, что их освоение в рамках программы бакалавриата затруднительно. К таким областям можно отнести: программирование, компьютерные сети, базы данных, архитектура ЭВМ и систем, операционные системы и др. Основная сложность связана с объемом изучаемого материала, интенсивностью его подачи, а также взаимосвязью отдельных дидактических единиц в образовательной программе. Отсюда вытекает следующая сложность.

Третья сложность подготовки бакалавров в области информационных технологий связана с несовершенством образовательных программ. Данное несовершенство, как показала практика, кроется в неверных подходах к определению содержания подготовки, принципам построения образовательных программ и сложностью формирования профессиональных компетенций.

Формирование профессиональных компетенций – одна из самых сложных задач, которая может быть решена только при качественном построении содержания профессиональной подготовки бакалавра в области информационных технологий, а также применении современных методов обучения.

Обучение дисциплинам информационного цикла проводится на протяжении всей программы непрерывно, следуя правилу «от простого – к сложному». Вместе с тем у казалось бы «простых» дисциплин стоит совсем нелегкая задача – объять в своем курсе практически все последующие дисциплины из вышеуказанного списка. К этим «простым дисциплинам» относятся информатика и введение в профессиональную деятельность. Сложность преподавания этих дисциплин обусловлена рядом социальных факторов.

Кроме того, при изучении цикла информационных дисциплин необходим системный подход. Особенность системного подхода заключается в том, что система (в нашем случае – образовательный процесс) рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов (дисциплин), имеющая выход (цель), вход (ресурсы), связь с внешней средой, обратную связь [1].

Применение системного подхода требует соблюдения основных принципов, таких как целостность, иерархичность и структуризация. Принцип целостности заключается в том, что сама система рассматривается как единое целое, но в то же время и как часть иерархической системы для вышестоящих уровней. Принцип иерархичности подразумевает древовидное построение системы, где прослеживается подчиненность одних элементов другим. Принцип структуризации позволяет упорядочить элементы системы и установить взаимосвязи.

Итак, необходимо организовать учебный процесс таким образом, чтобы вышеперечисленные дисциплины не существовали отдельно друг от друга, а имели тесную взаимосвязь, знания же, полученные в ходе изучения разных дисциплин, не дублировались, а имели развитие в течение всего процесса обучения. Такие междисциплинарные связи устанавливаются посредством сотрудничества преподавателей соответствующих дисциплин, следовательно, педагогический коллектив должен представлять собой сплоченную команду, объединенную общей целью.

Фундаментом для формирования общепрофессиональных компетенций и для изучения последующих дисциплин является информатика. При разработке рабочей программы следует обратить особое внимание на учебный план и связанные с информатикой дисциплины. Информатику, а также все последующие дисциплины можно рассматривать как взаимодействие трех групп: аппаратное обеспечение, программное обеспечение и вычислительные и логические возможности. Именно в этом ключе необходимо формировать разделы и темы дисциплины. Информатика для направления 09.03.01 в данном случае является не общетеоретической дисциплиной, ее уже можно и нужно отнести к профессиональным дисциплинам и выстраивать ее содержание в зависимости от содержания последующих дисциплин информационного цикла. Например, в первую очередь следует углубленно рассмотреть раздел «Представление данных в ЭВМ» для того, чтобы при изучении раздела «Типы данных» в программировании у студента сложилась полная картина о рассматриваемом объекте. Подобным образом необходимо выстроить все междисциплинарные связи.

На последующих этапах изучения цикла информационных дисциплин возникает проблема недостатка учебной и учебно-методической литературы. Это обусловлено стремительным развитием цифровой техники и программного обеспечения, с одной стороны, и инерционностью мысли профессорско-преподавательского состава и бюрократизма издательств, с другой стороны [2].

Для решения вышеописанных проблем, а именно: разноуровневости подготовки студентов на начальном этапе, отсутствия междисциплинарных связей и системного подхода, недостатка учебной литературы, следует переходить от традиционных методов обучения к интерактивным.

Рассмотрим интерактивные методы обучения и особенности их применения при подготовке бакалавров-информатиков. Метод обучения – это упорядоченная деятельность педагога и учащихся, направленная на достижение заданной цели обучения [3].

Сложившиеся условия требуют развить активность всех участников процесса обучения, обеспечить их взаимодействие с преобладанием активности студентов. Подобные методы обучения называются интерактивными.

Интерактивное обучение [4] подразумевает вовлечение в познавательный процесс всей аудитории обучающихся, при котором каждый выступает субъектом, то есть имеет возможность активно участвовать в образовательном процессе, вносить свой вклад, обмениваться идеями, знаниями в едином проблемном пространстве решаемых вопросов.

Роль преподавателя при интерактивном обучении также меняется, он не транслирует знания, а тоже вовлечен в познавательный процесс, лишь регулируя его, направляя в нужное русло [5]. Преподаватель заранее готовит задания различного уровня, формулирует проблемные вопросы, ведет контроль плана и времени.

При проведении интерактивных занятий обязательно следует выполнять ряд условий. Между участниками процесса, как обучающим, так и обучающимися, должны поддерживаться позитивные, доброжелательные, сотрудничество отношения в демократическом стиле. Должна обеспечиваться внешняя и внутренняя мотивация, а также взаимомотивация обучающихся [6].

В результате анализа современных педагогических научных исследований было выявлено множество интерактивных методов и форм обучения. В данной статье рассмотрим методы, наиболее часто используемые в технических вузах.

Лекция-беседа. Такая лекция предполагает диалог с аудиторией, то есть непосредственный контакт лектора со слушателем, что довольно эффективно помогает вовлечь студентов в учебный процесс [7]. Особенность лекции-беседы состоит в том, что преподаватель делает акцент на самые важные вопросы темы и с учетом особенностей аудитории определяет содержание и темп подачи материала. Недостаток данного метода заключается в затруднении привлечения внимания всей аудитории и организации двустороннего обмена мнениями. В подобной ситуации невозможно провести лекцию-беседу, если преподносится материал по новой для слушателей дисциплине. Таким образом, лекцию-беседу желательно проводить в аудитории, ориентирующейся в предметной области, для расширения и получения новых знаний.

Лекция-визуализация. На подобных лекциях рекомендуется использовать различные технологии мультимедиа: компьютерную графику, анимацию, просмотр видеороликов, научно-популярных фильмов. На сегодняшний день практически все лекционные аудитории вузов снабжены мультимедийным оборудованием и каждый преподаватель имеет в своем арсенале презентационный материал для проведения лекционных занятий [8]. Исследования показали, что включение большого количества иллюстрационного материала повышает уровень усвоения информации в два раза, а лекция с использованием видеофрагментов повышает уровень усвоения до 75 %. В течение просмотра видеофильма рекомендуется останавливать его на ключевых кадрах и делать комментарии или обсуждать увиденное со слушателями. В конце необходимо подвести итоги и сделать необходимые выводы. Данный метод рекомендуется на любом этапе изучения цикла информационных дисциплин.

Лекция с разбором конкретных ситуаций. В начале лекции преподаватель озвучивает не теоретические вопросы, а конкретную ситуацию. Изложение ситуации должно содержать краткую, но достаточно полную информацию для последующей оценки и обсуждения. В разбор ситуации вовлекаются все участники процесса обучения, при этом задача педагога – заинтересовать и направить аудиторию в нужное направление для совместного решения поставленной задачи. Разбор конкретных ситуаций может быть с успехом использован и при проведении практических видов занятий [9].

Творческие задания. Творческие задания лежат в основе интерактивных методов. Они призваны усилить мотивацию обучающихся, придать конкретный смысл обучению в рамках изучаемой предметной области. Выполняя творческие задания, студенты создают фундамент для успешной взаимной работы в коллективе, устанавливают тесный контакт друг с другом и преподавателем, в результате которого обмениваются собственным опытом и находят верное решение задачи. Для педагога составление творческих заданий уже является началом творческого процесса, по-

сколько такие задания должны быть не только интересны для учащихся, но и полезны, должны быть связаны с будущей профессией и максимально приближать к цели обучения [10]. Творческие задания можно использовать на протяжении всего процесса обучения с первого по четвертый курс на дисциплинах любой сложности, например на таких, как информатика, введение в профессиональную деятельность, объектно-ориентированное программирование, технология программирования, системы искусственного интеллекта, компьютерная графика, разработка Интернет-приложений.

Работа в малых группах. Данный метод пользуется большой популярностью в высшей школе, поскольку развить навыки межличностного взаимоотношения, позитивного сотрудничества, умения принимать групповые решения, устранять разногласия в большом коллективе практически невозможно. Работу в малой группе часто сочетают с другими интерактивными методами. Особенность этого метода состоит в том, чтобы разбить учащихся на группы, обладающие приближенно одним уровнем подготовки, так как при нехватке знаний быстро угасает интерес к работе. Задача педагога в этом случае – подготовить инструкции или задачи, максимально ясно отражающие цель задания. Работа в малых группах приветствуется при проведении всех видов практических и лабораторных работ на всех дисциплинах.

Метод проектов заключается в совместной работе группы студентов над решением комплексной задачи, заканчивающейся конкретным результатом, продуктом, готовым к использованию в практической деятельности. Метод проектов представляет собой совокупность различных технологий: исследовательских, поисковых, требующих интеграции знаний из различных предметных областей. Он всегда предполагает самостоятельную творческую работу обучающихся, а преподаватель в этом случае выполняет роль консультанта, эксперта в исследуемой области.

Метод проектов рекомендуется использовать в качестве интерактивного метода в конце изучения блока родственных дисциплин. Например, на дисциплине «Технология программирования», которая вбирает в себя предшествующие дисциплины «Программирование» и «Объектно-ориентированное программирование», или «Проектирование вычислительных систем» – дисциплине, подводящей итог всему курсу обучения цикла информационных дисциплин.

Интерактивные методы обучения не ограничиваются перечисленными, однако хочется отметить, что большинство инновационных методов наиболее широко применяются при изучении цикла гуманитарных и социально-политических дисциплин, когда преподаватель выстраивает занятие таким образом, что в результате совместного обсуждения проблемы рождается верное решение вопроса. Точные науки требуют более четкого изложения материала, а интерактивные методы не всегда применимы для их изучения.

В результате исследований в группах студентов, обучающихся по направлению бакалавриата 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника», по сочетанию используемых традиционных и интерактивных методов можно сделать следующие выводы. Применение совместно традиционных и интерактивных методов обучения однозначно позволяет повысить качество обучения. Особенную значимость в данном случае имеет соотношение объемов используемых традиционных и интерактивных методов. Исследования проводились в трех группах при сочетании

традиционных и интерактивных методов в первой группе по 50 %, во второй группе 60 % и 40 %, в третьей группе 70 % и 30 % соответственно.

Как показали результаты эксперимента, максимальный эффект наблюдается при следующем соотношении: 60 % – традиционные методы обучения, а 40 % – интерактивные методы обучения. Такой подход объясним и с позиций теории, когда основной материал изучается с применением традиционных методов, а дальнейшее формирование компетенций осуществляется с использованием интерактивных методов.

Ориентация в целом на какие-либо методы отдельно была бы не правильной, поскольку лишь сочетанием различных методов обучения можно достичь максимального эффекта в качестве обучения.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что преподавание цикла информационных дисциплин в современном техническом вузе требует системного подхода и грамотного сочетания традиционных методов обучения с интерактивными. Интерактивное обучение способствует инициализации как диалога преподавателя с группой, так и внутригрупповому взаимодействию. Участники учебного процесса становятся равноправными партнерами, что позволяет достичь взаимопонимания, повышает мотивацию к самостоятельному поиску решений, в результате повышается качество обучения. Однако следует помнить, что интерактивные методы только дополняют традиционные, и правильное сочетание различных методов и подходов позволяют значительно повысить качество обучения студентов вуза.

Список использованных источников

1. Панцева Е.Ю., Тойшева О.А., Жарова Т.А. Необходимость использования системного подхода при организации образовательного процесса в военном вузе // Мир науки. 2017. Т. 5 № 2. С. 36.
2. Мельников С.В. Активные и интерактивные формы проведения занятий при подготовке бакалавров социальной работы // Вестник социальной работы. 2014. № 3. С. 57–68.
3. Тараканов А.В. Информационные технологии в подготовке инженера и его профессиональной деятельности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 4 (19). С. 170–176.
4. Активные и интерактивные образовательные технологии в высшей школе : учебное пособие / сост. Т.Г. Мухина. Н.Новгород : ННГАСУ, 2013. 97 с.
5. Аношкина К.Ю. Интерактивный метод как способ взаимодействия учителей и учащихся на уроках экономики и обществознания // Педагогика. Теория. Практика: сборник научных докладов. Sp. z o.o. «Diamond trading tour». 2014. С. 87–89.
6. Гришина О.В. Организация лекционных занятий студентов с использованием интерактивных методов обучения // Инновационная наука. 2015. № 7-2 (7). С. 88–92.
7. Крайнова Е.А. Теоретические основы профессиональной подготовки бакалавров технических вузов в области информационных технологий // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 4 (19). С. 108–114.
8. Зарипов Р.Н., Зарипова И.Р. Формы и методы преподавания в современном техническом вузе // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 23. С. 304–313.
9. Подласый И.П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов : учеб. пособие для вузов. М. : ВЛАДОС-пресс, 2004. 365 с.
10. Снадченко С.В. Роль мультимедиа в повышении эффективности профессионального обучения // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. Т. 10s-3. С. 188–190.

References

1. Panceva E.YU., Tojsheva O.A., ZHarova T.A. Neobhodimost' ispol'zovaniya sistemnogo podhoda pri organizacii obrazovatel'nogo processa v voennom vuze // Mir nauki. 2017. T. 5 № 2. S. 36.
2. Mel'nikov S.V. Aktivnye i interaktivnye formy provedeniya zanyatij pri podgotovke bakalavrov social'noj raboty // Vestnik social'noj raboty. 2014. № 3. S. 57–68.
3. Tarakanov A.V. Informacionnye tekhnologii v podgotovke inzhenera i ego professional'noj deyatelnosti // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2015. № 4 (19). S. 170–176.
4. Aktivnye i interaktivnye obrazovatel'nye tekhnologii v vysshej shkole : uchebnoe posobie / sost. T.G. Muhina. N.Novgorod : NNGASU, 2013. 97 s.
5. Anoshkina K.YU. Interaktivnyj metod kak sposob vzaimodejstviya uchitelej i uchashchih-sya na urokah ehkonomiki i obshchestvoznaniya // Pedagogika. Teoriya. Praktika: sbornik nauchnyh dokladov. Sp. z o.o. «Diamond trading tour». 2014. S. 87–89.
6. Grishina O.V. Organizaciya lekcionnyh zanyatij studentov s ispol'zovaniem interaktivnyh metodov obucheniya // Innovacionnaya nauka. 2015. № 7-2 (7). S. 88–92.
7. Krajnova E.A. Teoreticheskie osnovy professional'noj podgotovki bakalavrov tekhnicheskikh vuzov v oblasti informacionnyh tekhnologij // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2015. № 4 (19). S. 108–114.
8. Zaripov R.N., Zaripova I.R. Formy i metody prepodavaniya v sovremennom tekhnicheskom vuze // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. 2011. № 23. S. 304–313.
9. Podlasyj I.P. Pedagogika: 100 voprosov – 100 otvetov : ucheb. posobie dlya vuzov. M. : VLADOS-press, 2004. 365 s.
10. Snadchenko S.V. Rol' mul'timedia v povyshenii ehffektivnosti professional'nogo obucheniya // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i social'no-ehkonomicheskikh nauk. 2016. T. 10s-3. S. 188–190.

УДК 378.1

Р.Ш.Царева, С.А.Царев

**Факторы формирования субъектного опыта фасилитатора
в полемическом взаимодействии студентов**

В статье анализируются сущностные особенности субъектного опыта фасилитации у студентов педагогического вуза. Рассматриваются факторы его развития в сменяющихся ролях-позициях обучающихся посредством последовательной организации полемического взаимодействия как развивающей многоголосой среды. Характеризуется модель поэтапного формирования субъектного опыта фасилитатора: «облегчающей» перцепции, организованной рефлексии, конструктивной критики и «помогающего» стиля управления полемикой.

Ключевые слова и фразы: полемическое взаимодействие; субъектность студента; субъектный опыт; фасилитатор; полистилистическая среда.

Царева Рима Шугаевна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак; конт. инф.: risutsa@gmail.com

Царев Сергей Александрович, доцент кафедры психолого-педагогического образования Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак; конт. инф.: seytsar@gmail.com

© Царева Р.Ш., Царев С.А., 2018

R.Sh.Tsareva, S.A.Tsarev

Factors of Forming a Subject Experience of Facilitator in Polemic Interaction of Students

The article analyzes the essential features of the subject experience of facilitation in students of a pedagogical university. It considers the factors of its development in the changing roles-positions of students by means of the consistent organization of polemical interaction as a developing multi-voiced environment. The model of the step-by-step formation of the subject experience of the facilitator is characterized as "facilitating" perception, organized reflection, constructive criticism and a "helping" style of controversy management.

Key words and phrases: polemical interaction, subjectivity of the student, subject experience, facilitator, polystylistic environment.

Противоречия процессов модернизации высшего образования привели к актуализации проблемы воспитания самостоятельной личности с индивидуальным опытом фасилитатора в организации конструктивных коммуникаций с людьми. Вопрос о педагогических факторах формирования субъектности будущих учителей и их субъектного опыта организации эффективного взаимодействия, готовности к фасилитации становится действительно актуальным в социальном пространстве, отмеченном нарастанием межпоколенческих и межэтнических конфликтов, русофобских настроений, бездумной жестокости, неготовности молодежи к диалогу.

В российской высшей школе под воспитанием субъектного опыта понимается, среди прочего, процесс последовательного расширения и укрепления ценностно-смысловой сферы личности и самостоятельности студента, формирование способности сознательно выстраивать совместную работу с людьми, оценивать деятельность и отношение к другим людям, обществу, государству, миру в целом на основе нравственных ценностей. Засилье массовой культуры, бесцензурные сетевые коммуникации, «тотальное обесмысливание процессов наложения социальных норм», по Т.К. Рулиной, ведут к «децентрации, детерриториализации и деконструкции сознания» учащейся молодежи [1, с. 116]. Роль человека как субъекта осмысленного и созидательного взаимодействия с другими людьми резко возрастает. Целью нашего исследования становится прояснение ключевых психолого-педагогических факторов формирования субъектного опыта фасилитатора у студентов педагогического вуза в условиях организованного полемического взаимодействия с сокурсниками и педагогом. Нами использовались *методы* теоретического исследования и методы изучения живого педагогического опыта в Башкирском государственном университете.

Из известных в науке типов взаимодействия наиболее соответствует требованиям многообразия и предоставления индивидуального выбора и самостоятельности обучающимся конструктивная полемика. Полемическое взаимодействие – явление, порождающее истинную сущность человека [2, с. 17], его субъектный опыт. В полемической активности, согласно А.Н.Леонтьеву, происходит «как бы двойное освобождение субъекта – от детерминирующих воздействий окружающей среды и от его же собственных простейших потребностей, тем самым он выступает подлинным субъектом самоцелеполагания, самоопределения, самореализации» [3, с. 78]. Понятие «полемика» отражает, прежде всего, столкновение мнений по какому-либо вопросу. Основными чертами конструктивного взаимодействия как полемического

диалога, по В.В.Рябчикову, являются: «сопоставление и противоборство различных индивидуальных смыслов, идей; стремление участников выявить логические противоречия и заблуждения; наличие аргументации, то есть совокупности доказательства и опровержения; сочетание логического, психологического и нравственного компонентов в дискуссии» [2, с. 87]. Полемическое взаимодействие ученых определяет как «личностный контакт субъектов обучения в виде интеллектуальных поединков, когда каждый из участников диалога обосновывает и аргументирует собственные положения наряду с критикой и опровержениями утверждений оппонентов» [2, с. 31]. Личные представления студентов о предмете спора в процессе учебных дискуссий и диспутов, деловых, имитационных и организационно-мыслительных игр постепенно изменяются, уточняются и обогащаются, обозначается совокупность основных отношений будущего учителя к миру, к людям и себе, формируя субъективный опыт управления и мировоззренческие позиции.

Способствуют становлению субъектного опыта и индивидуально проявляемой свободы именно интерсубъективность и допущение множественности точек зрения. В психолого-педагогическом аспекте полемическое конструктивное взаимодействие – оптимальная учебная деятельность психологически совместимых субъектов или необходимый для общения дисбаланс (асимметрия) субъектов; психотерапевтическая ситуация доверительного общения; развивающий, здоровьесберегающий тип взаимодействия индивида с другими людьми, характеризующийся: открытостью, миролюбием, коммуникативной активностью, направленностью сознания на формирование интерсоциальных качеств [4, с. 25].

Как качественная и динамическая характеристика человека субъектность студента – это совокупность ценностно-волевых установок, способности быть активным стратегом своей образовательной деятельности, опыта осознанной саморегуляции во взаимодействии с людьми, которые задают позитивную направленность процессу его самореализации [4, с. 36]. Ключевым элементом всех компонентов субъектности студента является его субъективный опыт как устойчивая система отношений к миру и самому себе.

Для всех моделей полемического взаимодействия в учебных играх и дискуссиях характерны особые организационные усилия со стороны фасилитатора (педагога или подготовленного студента), предполагающие его диалогическую личностную позицию, а также особый, задаваемый тон в соблюдении правил поведения участников полемики [5]. Фасилитация (от англ. *facilitate* – помогать, упрощать, способствовать) – «помогающий» стиль управления. Фасилитация отличается от простого управления тем, что ее способ не директивный, не выходящий за рамки самоорганизации управляемой системы: фасилитатор должен выполнять не только функции организатора, но и участника групповой динамики. Он вовлекает группу тем, что завладевает ее вниманием, интересом и делает процедуру взаимодействия увлекательной. Фасилитатор облегчает «трудную работу роста» обучающихся, заряжает процедуру полемики и взаимодействия энергией. Он повышает восприятие своей «самоуверенности» участниками: «фасилитаторы с низкой энергетикой воспринимаются участниками как неуверенные в себе» [6]. Субъективный опыт фасилитатора – это личностные умения и навыки человека в самостоятельном управлении интеллектуальным общением, в «обеспечении осознанного включения всех участников взаимодействия в когнитивную деятельность» [7, с. 19], создания условий для

ситуаций рефлексии и выброса эмоций, озарения и «бифуркаций», критики и принятия решений.

В процессе «строительства и разворачивания» полемика взаимодействия фасилитаторы разного уровня в своих различных ролях-позициях умеют находить признаки «остановки» в совместной деятельности и принимают меры для осознанного предотвращения, раннего распознавания и разрешения деструктивного конфликта или дисфункциональной ситуации. «Если дисфункция возникает, они быстро ее распознают и имеют конкретные инструменты для работы с часто возникающими дисфункциями. Неудовлетворенные стандартными методами мозгоштурмов, группирования и приоритизации, отличные фасилитаторы имеют комплект альтернативных подходов для вовлечения участников – таких приемов, как «свалить и скомкать», «вращающиеся флип-чарты», «последний стоящий», «подарки и крючки», «паника трех вопросов» и других [6].

Опытные педагоги-фасилитаторы, в сущности, могут способствовать созданию разнонаправленной образовательной среды: стихийной, манипулятивной, монотилистической и полистилистической. Оптимальной средой, развивающей индивидуальный стиль мышления и субъектный опыт студента-фасилитатора, является полистилистическая образовательная среда. Полистилистическая среда определяется присутствием разных видов управления совместной деятельностью и общением: авторитарного, либерально-попустительского, демократического. Она, по А.В.Торховой и И.А.Царик, выполняет следующие функции: обучения, воспитания, удовлетворения социальных потребностей, индивидуализации, профессиональной ориентации, творческой самореализации [8]. Вполне естественной и положительной характеристикой такой образовательной среды для субъектов обучения становится поликонцептуальность.

Следовательно, понятия «полемика взаимодействие» и «субъектный опыт студента-фасилитатора» взаимодетерминированы. Уровень сформированности субъектного опыта фасилитатора, как показали теоретические исследования и наш преподавательский опыт в Башкирском государственном университете, определяется следующими педагогическими факторами: поэтапным освоением студентами (часто и преподавателями) специальных ролей-позиций фасилитатора. В целях дифференциации понятий нами использованы, опираясь на термины методолога О.С.Анисимова [9], особые наименования позиций-ролей.

В качестве условного обозначения первой типовой позиции-роли фасилитатора в учебных и исследовательских коммуникациях, деловых и организационно-мыслительных играх и дискуссиях нами определен докладчик. Освоение этой роли означает освоение первого уровня фасилитации, то есть готовности к вовлечению участников к эффективному взаимодействию. Часто именно докладчик, как автор развернутого изложения на определенную тему, формулирует проблему и активно воздействует на слушателей. Докладчик стремится быть максимально убедительным, готовым к вопросам и критике, к развивающимся отношениям и непредвиденным ситуациям. Понимающий – вторая позиция-роль и более высокий уровень фасилитатора, означающий тех слушателей, кто принимает и осмысливает содержание сообщения докладчика, так или иначе толкует и уточняет его, а также выражает через вопросы его понимание (или непонимание, ведущее к пониманию).

Хорошие фасилитаторы второго уровня быстро анализируют ответы докладчика на вопросы и имеют набор вопросов для разных ситуаций. Подчас они задают повторяющиеся вопросы, чтобы подтвердить то, что было сказано; в другом случае они могут задать прямые «исследующие» вопросы, чтобы оспорить тезис; перенаправляющие вопросы, чтобы вернуться к теме; вытягивающие вопросы, чтобы выйти из «тупика» непонимания. Понимающий как фасилитатор, в сущности, – помощник автора-докладчика в методологическом и категориальном обеспечении сообщения и готов к дискуссионному обогащению материала.

Конструктивный критик – третья позиция-роль в иерархии условно обозначенных уровней фасилитации. По сути, это центральная фигура процесса фасилитации. Он «разламывает» некое равновесие отношений докладчик – понимающие, и поведение конструктивного критика как фасилитатора деятельности становится началом «рабочего» конфликта, включающего позитивную «интеллектуальную атаку» и эмоциональное напряжение. Усиливая и оформляя в новой логике результаты деятельности докладчика и понимающих, такой фасилитатор с помощью «поддерживающей и вдохновляющей» критики вырабатывает вместе с группой новую точку зрения, проблематизирует и критериально усовершенствует модели докладчика и понимающих. Его отличает умение переходить от критики ошибок по содержанию к критике способов мыслительной деятельности и к анализу самих процессов коммуникаций и настроений в группе. Он фасилитатор высокого уровня и выстраивает новую линию эмоционального и интеллектуального напряжения посредством коллективной рефлексии и нормирования «мыследеятельности» в группе.

Организатор – четвертая роль-позиция в иерархии уровней фасилитатора, обозначающая наиболее высокую степень подготовки к «поддерживающему воздействию» на каждого игрока в рефлексии и полемике. И он обладает практически всеми необходимыми характеристиками представленных выше ролей. Он готов выполнять функции помощника и консультанта, он поддерживает всех участников коммуникаций, активных и пассивных, лидеров и сомневающихся – вопросами, эмоциональной рефлексией и «разрешенными» паузами. Организатор обладает наиболее высокой компетентностью фасилитатора – предметной, психологической, коммуникативной, методологической, проектировочной; «наибольшей активностью и ответственностью за движение коллективной мысли и личностное самоопределение участников взаимодействия, он имеет опыт по четкой организации индивидуальной и групповой рефлексии» [4, с. 21].

Таким образом, ключевым фактором становления субъектного опыта фасилитаторов разных уровней у студентов педагогического вуза является последовательная организация и создание полемического взаимодействия обучающихся в четырех ролях-позициях как профессионально развивающей среды. Апробирование педагогических факторов становления субъектного опыта фасилитации студентов в Стерлитамакском филиале БашГУ осуществлялось в условиях реализации образовательных стратегий: ориентации, включения и обогащения. В опытно-экспериментальной работе участвовало 117 студентов и проведено в общей сложности 120 часов экспериментальных занятий по психолого-педагогическим дисциплинам – в виде организации полемического взаимодействия. Если в начале эксперимента отмечалось, что преобладал средний и низкий уровень сформированности субъектного опыта фаси-

литатора у студентов (94,3 %), то в конце формирующего эксперимента – возрос средний (на 24,2 %), и значительно повысился высокий уровень (на 33,2 %).

В завершении статьи сделаем следующие выводы. На первом, организационно-мотивирующем этапе, переживается стадия «самоориентирования», формируется ценностно-эмоциональный компонент субъектного опыта студента-фасилитатора в позициях-ролях докладчика и понимающего, и здесь направленность коммуникативного процесса определяется диалоговыми отношениями, осознанием студентом собственной позиции, расширением опыта самоопределения в дискуссиях. На втором, деятельностно-развивающем этапе, осуществляется стадия «самовключения», формируется когнитивный (содержательный) компонент субъектного опыта фасилитатора, когда учебная среда оптимизируется с учетом самопроявления индивидуального стиля студента как конструктивного критика в ситуациях, выстроенных по возрастанию проблемности, креативности, ценностно-смысловой рефлексии. На третьем, рефлексивно-творческом этапе, переживается стадия «самообогащения», формируется деятельностно-социальный компонент субъектного опыта фасилитации в роли позиции организатора эффективных взаимодействий, в том числе через создание индивидуальных и групповых программ саморазвития, расширения элементов самоуправления на занятиях и в процессе обогащения опыта самоконтроля участников [4].

Значимой особенностью полемического взаимодействия как конструктивного в образовательном процессе является конкуренция субъектов обучения, возникающая вследствие стремления участников диалога утвердить свою точку зрения и приобрести как можно больше сторонников. Конкуренция, в свою очередь, способствует определенной эмоциональной напряженности субъектов общения.

Одной из главных задач, стоящих перед преподавателем или студентом-фасилитатором при организации полемического взаимодействия в образовательном процессе, является создание условий, препятствующих перерастанию в отношениях студентов эмоциональной напряженности в деструктивный конфликт. Полемическое взаимодействие в вузовском образовательном процессе, которое обучает навыкам фасилитации, предполагает «цифровизацию» подготовительной и учебной деятельности и преподавателя, и студентов: отбор учебно-визуальных элементов содержания, составление интернет-проектов и презентаций выступления на основе проблемного изложения, осуществление моделирования диалога как системы вопросов и ответов, постановки задач для коллективного обсуждения, логико-смысловой обработки информации, предвидения и оформления на модели нелогичных и субъективных вопросов, альтернативных суждений и критики, дополнительных и непредвиденных затруднений в понимании, и, разумеется, «картинки поведения» фасилитатора в четырех ролях-позициях.

Психолого-педагогическая модель становления субъектного опыта фасилитатора включает движение студентов от внешне мотивированной деятельности к внутренне мотивированной, требующей организации взаимообучающих отношений и методов обучения, и ведет студентов к изменению типов взаимодействий, весьма часто от рестриктивных и реструктивных к конструктивным. Если полемика сопровождается высокой степенью конгруэнтности докладчика, понимающего критика или организатора, выполняющих функции фасилитатора, названные психолого-педагогические факторы сопутствуют эффективному целеполаганию и проектированию.

Учебно-коммуникативная деятельность студентов как фасилитаторов взаимодействия позволяет исключить из образовательного процесса бессодержательное общение, развивая способности будущего учителя к общению перцептивному, сущность которого заключается в адекватном восприятии другого человека, умении проникнуть в его внутренний мир, почувствовать его психическое состояние в каждый отдельный момент, в умении «стимулировать» и строить диалог. Профессиональная подготовленность современных преподавателей педагогического вуза предполагает не просто «знаниевую» компетентность, но и «превосходящий» уровень готовности учить будущих педагогов освоению разных уровней фасилитации в организации эффективных коммуникаций, то есть развитию комплекса качеств, умений и знаний конгруэнтного коммуникатора-исследователя, лидера-вдохновителя, конструктивного аналитика, социального проектировщика и организатора полемического диалога в полистилистической учебной среде.

Список использованных источников

1. Рулина Т.К. Восприятие социальной реальности поколенческим типом личности // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в период социально-экономической стабилизации России : материалы II Всероссийской научно-практической, 30 июня–1 июля 2008 г., Самара, 2008. С. 115–119.
2. Рябчиков В.В. Полемическое взаимодействие как педагогический феномен. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 173 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл, 2005. 87 с.
4. Царев С.А. Становление индивидуального опыта и субъектности студентов в конструктивном взаимодействии. Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. 183 с.
5. Мунарбаева Б.Г. Подготовка бакалавров педагогики в системе высшего профессионального образования к фасилитационному взаимодействию с учащимися : дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 157 с.
6. Вилкинсон М. Что отличает лучших фасилитаторов от обычных. [Электронный ресурс]. URL: <https://rulesplay.ru/articles/sem-chert-otlichnoy-fasilitatsii/> (дата обращения: 05.04.2018).
7. Димухаметов Р.С., Мунарбаева Б.Г. Социально-педагогическая фасилитация как инновационная технология в образовании: разработка научно-практического курса подготовки бакалавра педагогики, педагога-фасилитатора : учебно-методическое пособие. Костанай ; Челябинск, 2014. 128 с.
8. Торхова А.В., Царик И.А. Педагогическая поддержка саморазвития учащихся. Минск : Изд. БГПУ, 2016 (электронная версия). URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/15729> (дата обращения: 05.04.2018).
9. Анисимов О.С. Основы методологического мышления. М. : Внешторгиздат, 1989. 412 с.

References

1. Rulina T.K. Vospriyatie social'noj real'nosti pokolencheskim tipom lichnosti // Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie molodezhi v period social'no-ehkonomicheskoy stabilizacii Rossii : materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi, 30 iyunya–1 iyulya 2008 g., Samara, 2008. S. 115–119.
2. Ryabchikov V.V. Polemicheskoe vzaimodejstvie kak pedagogicheskij fenomen. Irkutsk : Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2008. 173 s.
3. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M. : Smysl, 2005. 87 s.
4. Carev S.A. Stanovlenie individual'nogo opyta i sub"ektnosti studentov v konstruktivnom vzaimodejstvii. Sterlitamak : Sterlitamaskij filial BashGU, 2014. 183 s.

5. Munarbaeva B.G. Podgotovka bakalavrov pedagogiki v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya k fasilitacionnomu vzaimodejstviyu s uchashchimisya : dis. ... kand. ped. nauk. M., 2015. 157 s.

6. Vilkinson M. CHto otlichaet luchshih fasilitatorov ot obychnyh. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rulesplay.ru/articles/sem-chert-otlichnoy-fasilitatsii/> (data obrashcheniya: 05.04.2018).

7. Dimuhametov R.S., Munarbaeva B.G. Social'no-pedagogicheskaya fasilitaciya kak innovacionnaya tekhnologiya v obrazovanii: razrabotka nauchno-prakticheskogo kursa podgotovki bakalavra pedagogiki, pedagoga-fasilitatora : uchebno-metodicheskoe posobie. Kstanaj ; CHelyabinsk, 2014. 128 s.

8. Torhova A.V., Carik I.A. Pedagogicheskaya podderzhka samorazvitiya uchashchihsya. Minsk : Izd. BGPU, 2016 (elektronnaya versiya). URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/15729> (data obrashcheniya: 05.04.2018).

9. Anisimov O.S. Osnovy metodologicheskogo myshleniya. M. : Vneshtorgizdat, 1989. 412 s.

УДК 347

Л.М.Чуркина

Практика арбитражных судов по корпоративным договорам

Статья посвящена исследованию корпоративного договора, введенного законодателем в Гражданский Кодекс Российской Федерации в 2014 г. Особое внимание уделено порядку заключения и условиям корпоративного договора, включая права и обязанности сторон, формы ответственности. В статье анализируются особенности заключения и регулирования данного договора, одной из сторон которого является иностранное лицо. Автор сосредоточивает внимание на практике рассмотрения споров относительно корпоративного договора в российских арбитражных судах.

Ключевые слова и фразы: корпоративный договор; акционерное общество; общество с ограниченной ответственностью; арбитражный суд.

L.M.Churkina

The Practice of Arbitration Courts on Corporate Contracts

The article is devoted to the study of the corporate contract introduced by the legislator in the Civil Code of the Russian Federation in 2014. Particular attention is paid to the procedure for concluding and terms of the corporate contract, including the rights and obligations of the parties, forms of liability. The article analyzes the peculiarities of the conclusion and regulation of this agreement, one of the parties to which is a foreign person. The author focuses on the practice of considering disputes regarding a corporate contract in Russian arbitration courts.

Key words and phrases: corporate contract, joint-stock company, limited liability company, arbitration court.

Чуркина Людмила Михайловна, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного управления Уральского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, г. Екатеринбург; конт. инф.: lch2015@mail.ru

© Чуркина Л.М., 2018

Институт корпоративного договора появился сравнительно недавно, но уже приобрел популярность среди практиков-цивилистов. Концепция акционерного соглашения (применительно к акционерным обществам) и соглашения об осуществлении прав участников (в отношении компаний с ограниченной ответственностью) была впервые закреплена в российском законодательстве в середине 2009 года.

До внесения изменений в российское законодательство инвесторы и их зарубежные коллеги выбирали закон страны инкорпорации иностранного инвестора для регулирования их отношений в рамках совместных предприятий. Однако арбитражными судами Российской Федерации были приняты резонансные решения по соглашениям акционеров, регулируемых иностранным законодательством, поскольку их положения нарушили императивные правила российского гражданского и корпоративного права (например, по делам ОАО «Мегафон», ОАО «Русский Стандарт Страхование», ООО «Верный знак»). Негативная судебная практика продемонстрировала, что исполнение таких соглашений в России является неэффективным.

Первоначально в Федеральный закон «Об акционерных обществах» [1] и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2] были внесены положения об акционерном соглашении (статья 32.1 Федерального закона РФ «Об акционерных обществах») и соглашении об осуществлении прав участников (статья 8 Федерального закона РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [3] были внесены изменения и дополнения в Гражданский кодекс РФ. В частности, Гражданский кодекс был дополнен статьей 67.2, которая предусматривает правовое регулирование корпоративного договора.

Сторонами корпоративного договора могут быть все или некоторые участники хозяйствующего общества (далее – «участники общества») компании. Законодательство не содержит явного запрета на заключение нескольких корпоративных договоров между различными группами участников общества, а также того же участника общества, являющегося участником нескольких корпоративных договоров.

Однако корпоративный договор между некоторыми из участников общества является обязательным для них только в том случае, если это предусмотрено пунктом 5 статьи 67.2 Гражданского кодекса РФ.

Положения Гражданского кодекса не регулируют вопрос о том, может ли сама компания быть участником корпоративного договора. Очевидно, что это невозможно, поскольку в момент заключения корпоративного договора компания еще не существует. Однако выполнение определенных обязательств участниками общества может быть сложным без помощи или сотрудничества представляемой компании его главным должностным лицом.

Согласно статье 67.2 Гражданского кодекса РФ, корпоративный договор обязывает участников общества определенным образом осуществлять нижеуказанные права или отказаться от осуществления таких прав, как:

- голосовать определенным образом на общем собрании участников;
- осуществлять согласованным образом другие виды деятельности, связанные с управлением компании;

- приобретать или отчуждать доли в уставном капитале общества (либо акции) по заранее определенной цене или при наступлении определенного события;
 - воздерживаться от размещения акций до наступления определенного события.
- Однако корпоративный договор не может:
- обязывать участников общества голосовать в соответствии с инструкциями органов управления компании;
 - определять структуру органов общества и их компетенцию.

В противном случае данные условия будут признаны ничтожными.

Пункт 7 статьи 67.2 Гражданского кодекса РФ запрещает сторонам корпоративного договора ссылаться на недействительность договора в связи с его противоречием положениям устава хозяйственного общества. В этом случае стороны корпоративного договора не утрачивают право на предъявление к другой стороне требований, основанных на таком договоре. Это подтверждается пунктом 37 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4].

Арбитражный суд Уральского округа в постановлении от 11 декабря 2015 г. в поддержку корпоративного договора сделал ссылку на Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16, указав, что согласно пункту 4 постановления «О свободе договора и ее пределах», «если норма не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, и отсутствуют критерии императивности, указанные в пункте 3 настоящего постановления, она должна рассматриваться как диспозитивная. В таком случае отличие условий договора от содержания данной нормы само по себе не может служить основанием для признания этого договора или отдельных его условий недействительными по статье 168 Гражданского Кодекса Российской Федерации» [5]. Тем самым Арбитражный суд установил, что принятие на себя участниками общества ограничений, указанных в корпоративном договоре и прямо допускаемых законом, не может служить основанием для признания такого соглашения недействительным (дело № А60-12804/2015) [6].

Двадцать второго ноября 2016 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», в котором Верховный Суд также представил правовую позицию относительно возможности одностороннего отказа сторон корпоративного договора, указав, что по смыслу статьи 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации условиями корпоративного договора может быть предусмотрено право на односторонний отказ от исполнения обязательств для любого из его участников (пункт 10) [7].

В практике арбитражных судов представлена правовая позиция относительно содержания корпоративного договора. Восьмой арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 12 мая 2016 г. рассмотрел нормы статьи 67.2 Гражданского кодекса РФ и пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в их системном единстве, сделав вывод, что указанные нормы допускают включение в содержание соглашения лишь такие условия реализации корпоративных прав, которые затрагивают действия, связанные с управлением об-

ществом, с созданием, деятельностью, реорганизацией и ликвидацией общества, то есть носят преимущественно организационно-управленческий характер. Отношения по поводу выплаты действительной стоимости доли корпоративным договором не регламентируются (дело № А46-16331/2015) [8].

Корпоративный договор должен быть сделан в письменной форме в виде единого документа, который должен быть подписан сторонами. Таким образом, невозможно заключить такой договор путем обмена документами по почте, телеграфу, телетайпу, телефону, электронным или другим средствам связи.

Стороны корпоративного договора обязаны уведомлять компанию при заключении такого договора. Если в результате отказа выполнить это обязательство участники общества, не являющиеся сторонами корпоративного договора, несут убытки (например, если заключенная в нарушение ограничений, установленных корпоративным договором, сделка впоследствии признается недействительной по требованию других участников общества), то участники корпоративного договора обязаны возместить такие убытки.

Участники непубличной компании не обязаны раскрывать содержание корпоративного договора, и если иное не предусмотрено законом, такая информация считается конфиденциальной.

Информация о корпоративном договоре, заключенном акционерами публичного акционерного общества, должна раскрываться в пределах, в порядке и на условиях, которые предусмотрены законом об акционерных обществах. В частности, пункт 5 статьи 32.1 Федерального закона «Об акционерных обществах» предусматривает, что лицо, которое приобрело по соглашению акционеров право определять порядок голосования на общем собрании акционеров по акциям компании, должно уведомить компанию о таком приобретении в течение 5 дней, если в результате приобретения это лицо индивидуально или с аффилированным лицом(ами) может распоряжаться более 5, 10, 15, 20, 25, 30, 50 или 75 процентами голосов по размещенным акциям компании.

Более того, если акционер по соглашению акционеров приобретает право (вместе с акциями других акционеров) распоряжаться более чем 25 %, 50 %, 75 % голосующих акций акционерного общества и право самостоятельно осуществлять права, принадлежащие акциям, то перед приобретением соответствующих прав необходимо получить предварительное одобрение со стороны антимонопольного органа, либо уведомить антимонопольный орган после совершения сделки [9].

Сторона корпоративного договора может подать исковое заявление в суд, чтобы признать недействительным решение органа управления компании в результате нарушения договора другой стороной. Для обеспечения соблюдения этого права необходимо, чтобы во время принятия соответствующего решения все акционеры компании были участниками корпоративного договора.

В случае если сторона корпоративного договора совершает сделки с нарушением (в частности, сделки, связанные с продажей акций третьим сторонам), такие операции могут быть признаны судом недействительными по требованию другой стороны корпоративного договора. Это возможно только в случае, если другая сторона сделки знала или должна была знать об ограничениях, установленных корпоративным договором.

В связи с нарушением корпоративного договора могут применяться следующие формы ответственности:

- возмещение убытков, вызванных несоблюдением или ненадлежащим исполнением обязательств, включая фактический ущерб и упущенную выгоду (если соглашение не предусматривает ограничений о размере и/или видах ущерба);
- присуждение штрафа (с учетом возможности уменьшения указанной суммы штрафа по соглашению суда, если оно явно непропорционально влиянию нарушения);
- выплата процентов на сумму, которая не была выплачена вовремя.

Корпоративное соглашение акционерного общества может также предусматривать обязательство виновной стороны оплатить компенсацию – фиксированную сумму или сумму, подлежащую определению в соответствии с процедурой, указанной в соглашении.

В случае если хотя бы один из участников российской компании является иностранным лицом, участники компании могут выбирать иностранное законодательство в качестве применимого права для корпоративного договора. Но необходимо отметить, что некоторые вопросы в любом случае будут подчиняться императивному правилу российского права, в частности:

- регистрация, реорганизация и ликвидация компании, в том числе юридические вопросы правопреемства;
- правоспособность компании;
- порядок приобретения обществом прав и обязательств;
- ответственность учредителей (акционеров) общества за их обязательства;
- внутренние отношения, в том числе отношения между компанией и его акционерами.

Во всех других отношениях закон, выбранный сторонами в корпоративном договоре, может регулировать права и обязанности сторон, а также вопросы, связанные с толкованием договора, его исполнением и прекращением, а также определить последствия невыполнения или ненадлежащего исполнения договора и его недействительности.

В соответствии со статьей 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, арбитражный суд по месту нахождения юридического лица считает корпоративные споры (споры, связанные с включением юридического лица, управления или участие в юридическом лице), в том числе связанные:

- с правом собственности на акции, установление обременений по ним и осуществление прав (за исключением споров, связанных с деятельностью депозитариев в связи с учетом прав на акции и другие ценные бумаги и споры, возникающие в отношении распределения унаследованного имущества или совместного имущества супругов);
- назначением или избранием, прекращением или приостановлением полномочий и обязательств членов органов управления и надзорных органов юридического лица;
- оспариванием решений органов управления юридического лица [10].

В решении от 23 ноября 2015 г. Арбитражный суд Новосибирской области подтвердил, что в соответствии с пунктом 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [7] по смыс-

ду статьи 67.2 ГК РФ споры, возникшие между участниками корпоративного договора, в том числе указанными в пункте 9 статьи 67.2 ГК РФ, в связи с его недействительностью, заключением, исполнением, изменением или расторжением, рассматриваются арбитражным судом (статья 225.1 АПК РФ) (№ А45-9733/2015) [11].

Остановимся на судебной практике по спорам между участниками корпоративного соглашения.

Ряд арбитражных споров касается нарушений, связанных с требованиями договора к голосованию. Например, Седьмой арбитражный апелляционный суд взыскал с нарушителей компенсацию в размере 5 миллионов рублей, ссылаясь на условия корпоративного договора (№ А45-12277/2015) [12]. Арбитражный суд г. Москвы за нарушение условий корпоративного договора о голосовании взыскал 100 % рыночной стоимости актива общества (№ А40-65834/2011) [13].

Так, 19 апреля 2017 г. Арбитражный суд Белгородской области вынес решение по исковому заявлению одного акционера к другому о признании недействительным договора купли-продажи акций, применении последствий недействительности сделки (№ А-08-1190/2017) [14]. Оба акционера являются участниками корпоративного договора. В соответствии с данным договором стороны взяли на себя обязательства по взаимодействию при осуществлении корпоративных прав по управлению группой компаний при определенных условиях. Однако в нарушение условий корпоративного договора один из участников корпоративного договора при осуществлении сделки по покупке акций согласие на сделку у другого участника не получал.

Арбитражный суд Белгородской области признал сделку недействительной и применил последствия недействительности сделки, сославшись на статью 67.2 Гражданского кодекса РФ.

В настоящее время продолжают споры относительно положительных и негативных последствий данной новой юридической конструкции в гражданском праве. Практика российских арбитражных судов по спорам между участниками общества, являющимися сторонами корпоративного договора, недостаточно наработана. Как показывает практика зарубежных государств, проблемы применения корпоративного договора в основном решаются в судебной практике и доктрине, а не посредством изменения законодательных норм. Представляется, что дальнейшее развитие российского судебного опыта применения корпоративного договора позволит устранить недоработки, выявленные в законодательной базе, регулирующей корпоративные отношения, а участникам хозяйствующих обществ более широко и эффективно использовать корпоративные договоры в своей деятельности.

Список использованных источников

1. Об акционерных обществах : федеральный закон № 208-ФЗ от 26 декабря 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

2. Об обществах с ограниченной ответственностью : федеральный закон № 14-ФЗ от 08 февраля 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

3. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федеральный закон № 99-ФЗ от 05 мая 2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от № 25 от 23 июня 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
5. О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума ВАС РФ № 16 от 14 марта 2014 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11 декабря 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://rulaws.ru/vs_rf/Postanovlenie-Plenuma-VAS-RF-ot-14.03.2014-N-16/ (дата обращения: 20.04.2018).
7. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 54 от 22 ноября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-22112016-n-54/> (дата обращения: 20.04.2018).
8. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/6dadf95a-99e3-436e-a5ab-89469670984e/1d63d4db-b04a-4434-aca1-fa2cfff19544/A46-16331-2015_20160512_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 20.04.2018).
9. Акционерные соглашения, предоставляющие лицу право голосовать по чужим акциям, подлежат согласованию с антимонопольным органом : письмо Федеральной антимонопольной службы РФ от 01 июля 2011 г. // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2011. № 26.
10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации № 95-ФЗ от 24 июля 2002 г. (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
11. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 23 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/c7923fd3-0260-4818-996e-fab0cfe055e7/4c2ebaf3-9f7d-4f14-8e98-42a75c3f819a/A45-9733-2015_20151123_Reshenie.pdf (дата обращения: 20.04.2018).
12. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 01 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/f2eface3-68a8-4d9a-99a6-9da0396b6a87/568d3232-00ab-4aea-8987-03be75677942/A45-12277-2015_20160301_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 20.04.2018).
13. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 02 сентября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/a6c5a651-659c-4f94-8b6d-65ebcea6b53c/1e22455de145-4925-8bba-9d57d2c265fb/A40-65834-2011_20160902_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 20.04.2018).
14. Решение Арбитражного суда Белгородской области от 19 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/546acb09-7a5f-4f67-9925-3ee8b9154541/eb35212f-c377-4deb-b7a8-885858c3aa1d/A08-1190-2017_20170419_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 20.04.2018).

References

1. Ob akcionerных obshchestvah : federal'nyj zakon № 208-FZ ot 26 dekabrya 1995 g. // Sобрание zakonodatel'stva RF. 1996. № 1. St. 1.
2. Ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu : federal'nyj zakon № 14-FZ ot 08 fevralya 1998 g. // Sобрание zakonodatel'stva RF. 1998. № 7. St. 785.
3. O vnesenii izmenenij v glavu 4 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i o priznanii utrativshimi silu otdel'nyh polozhenij zakonodatel'nyh aktov Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon № 99-FZ ot 05 maya 2014 g. // Sобрание zakonodatel'stva RF. 2014. № 19. St. 2304.
4. O primenenii sudami nekotoryh polozhenij razдела I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot № 25 ot 23 iyunya 2015 g. // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2015. № 8.
5. O svobode dogovora i ee predelah : postanovlenie Plenuma VAS RF № 16 ot 14 marta 2014 g. // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2014. № 5.

6. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 11 dekabrya 2015. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://rulaws.ru/vs_rf/Postanovlenie-Plenuma-VAS-RF-ot-14.03.2014-N-16/ (data obrashcheniya: 20.04.2018).

7. O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob obyazatel'stvah i ih ispolnenii : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF № 54 ot 22 noyabrya 2016 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-22112016-n-54/> (data obrashcheniya: 20.04.2018).

8. Postanovlenie Vos'mogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 12 maya 2016 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/6dadf95a-99e3-436e-a5ab-89469670984e/1d63d4db-b04a-4434-aca1-fa2cfff19544/A46-16331-2015_20160512_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (data obrashcheniya: 20.04.2018).

9. Akcionernye soglasheniya, predostavlyayushchie licu pravo golosovat' po chuzhim akcijam, podlezhat soglasovaniyu s antimonopol'nym organom : pis'mo Federal'noj antimonopol'noj sluzhby RF ot 01 iyulya 2011 g. // EHkonomika i zhizn' (Buhgalterskoe prilozhenie). 2011. № 26.

10. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii № 95-FZ ot 24 iyulya 2002 g. (red. ot 28.12.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 30. St. 3012.

11. Reshenie Arbitrazhnogo suda Novosibirskoj oblasti ot 23 noyabrya 2015 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/c7923fd3-0260-4818-996e-fab0cfe055e7/4c2ebaf3-9f7d-4f14-8e98-42a75c3f819a/A45-9733-2015_20151123_Reshenie.pdf (data obrashcheniya: 20.04.2018).

12. Postanovlenie Sed'mogo apellyacionnogo arbitrazhnogo suda ot 01 marta 2016 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/f2eface3-68a8-4d9a-99a6-9da0396b6a87/568d3232-00ab-4aea-8987-03be75677942/A45-12277-2015_20160301_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (data obrashcheniya: 20.04.2018).

13. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy ot 02 sentyabrya 2016 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/a6c5a651-659c-4f94-8b6d-65ebcea6b53c/1e22455d-e145-4925-8bba-9d57d2c265fb/A40-65834-2011_20160902_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (data obrashcheniya: 20.04.2018).

14. Reshenie Arbitrazhnogo suda Belgorodskoj oblasti ot 19 aprelya 2017 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/546acb09-7a5f-4f67-9925-3ee8b9154541/eb35212fc377-4deb-b7a8-885858c3aa1d/A08-1190-2017_20170419_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (data obrashcheniya: 20.04.2018).

УДК 316.43

Н.П.Щукина

**Дорожная карта ресоциализации и реального включения
в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание
и освобожденных от него: направления разработки
в ракурсе гуманизации уголовной политики**

В статье рассмотрены предложения о направлениях разработки Дорожной карты ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него. Статья базируется на результатах эмпирического исследо-

Щукина Нина Петровна, профессор кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук Самарского государственного медицинского университета, доктор социологических наук, профессор, г. Самара; конт. инф.: nina_shukina@mail.ru

© Щукина Н.П., 2018

вания, проведенного в рамках проекта, реализуемого по президентскому гранту, полученному региональной общественной организацией «Союз женщин Самарской области». Автором акцентируется внимание на роли межведомственного взаимодействия, социальной службы, социологов, а также самих лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, в изучаемом процессе ресоциализации.

Ключевые слова и фразы: гуманизация уголовной политики; лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него; ресоциализация; субъекты ресоциализации; дорожная карта ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него.

N.P.Shchukina

Road Map for Resocialization and Real Inclusion of Persons who Served a Criminal Sentence and were Released from it in Civil Society: Directions of Development in the View of Humanization of Criminal Policy

The article considers proposals on the directions for the development of a road map for resocialization and the real inclusion of persons who served a criminal sentence and were released from it in civil society. The article is based on the results of an empirical study conducted within the framework of a project implemented under the presidential grant received by the regional public organization "Union of Women of Samara Region". The author focuses on the role of interdepartmental interaction, social service, social workers, as well as the persons who served a criminal sentence and were released from it in the process of resocialization.

Key words and phrases: humanization of criminal policy; persons who served a criminal sentence and were released from it; resocialization, subjects of resocialization; road map for resocialization of persons who served a criminal sentence and were released from it.

Цель данной статьи – обозначить актуальные вопросы разрабатываемой дорожной карты ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, с акцентом на потенциале этих лиц и их внешней среды. Заметим, что тема субъектности не является новой в социологическом (как, впрочем, и криминологическом) дискурсе. Однако в криминологическом дискурсе изучение данной темы связано, прежде всего, с лицами, отбывающими уголовное наказание¹, что и способствовало во многом реализации нами проекта, осуществляемого по президентскому гранту на развитие гражданского общества². Направленность нашего проекта и состоит в разработке названной выше дорожной карты (далее – ДК).

¹ См., например, Головастова Ю.А. Осужденный как субъект уголовно-исполнительных правоотношений. Рязань : Акад. ФСИН России, 2010. 186 с. ; Коломытцева Л.Н. Субъекты уголовного правоотношения: теория, законодательство, практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2006. 34 с. ; Хохрин С.А. Осужденный как субъект массовых беспорядков и его криминологическая характеристика //Академия права и управления ФСИН России. 2010. № 3. С. 34–38.

² Проект «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)», реализуется с 01.10.2017 г. по президентскому гранту. Договор о предоставлении гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 17-1-008568.

Мы исходим из того, что «социальный мир может быть назван и построен различным образом в соответствии с различными принципами видения» [1, с. 195]. Свое видение темы и ее раскрытия мы связываем с социологическим исследованием, в рамках которого были опрошены эксперты и лица, отбывшие уголовное наказание и освобожденные от него, а также осуществлен анализ документов, к которым нами отнесены нормативные акты. Обратим внимание на те факторы, способствующие и препятствующие ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, которые выявлены нами с помощью открытых вопросов, заданных этим лицам¹. Вопросы эти звучали так: 1) что помогает лицам, отбывшим уголовное наказание, устроить свою жизнь на свободе? 2) а что мешает лицам, освобожденным от уголовного наказания, наладить жизнь на свободе?

Результаты анализа факторов, способствующих и препятствующих ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание, свидетельствуют о том, что и в первом, и во втором случае акцент делается респондентами на сравнительно небольшом наборе факторов, как внешних, так и внутренних. В случае с внешними факторами, способствующими ресоциализации, доминируют «родня», «друзья», «работа», «вера в нас»; в случае с внешними факторами, препятствующими этой ресоциализации, доминируют «трудно устроиться на работу», «негативное отношение к бывшим осужденным», «власть». Как видим, в обоих случаях респонденты ведут речь о близких людях. Так, говоря о «родне» как факторе, способствующем ресоциализации, респонденты пишут: «только родня», «жена», «чтоб не предавали родные» и т. п. [2, с. 757]. Наряду с этим при обращении к факторам, препятствующим ресоциализации, они же называют также родню, но, правда, уже как близких с «плохой репутацией». Или «вера в нас» – наиважнейший фактор, способствующий ресоциализации. Среди факторов, препятствующих ресоциализации, также есть «негативное отношение к бывшим осужденным». Если вера в нас описывается как «понимание и внимание людей», то фактор негативного отношения описывается как «недоверие», «никому не нужны» и т. п.

Подобная картина наблюдается и в случае с внутренними факторами, как способствующими, так и препятствующими ресоциализации изучаемой общности: назван фактор «сам». Описывается он как «правильное поведение», «стремление наладить жизнь», «голова на плечах» в случае с факторами, способствующими ресоциализации; и «больше не веришь в честность», «нет желания», «тупость и лень», «безграмотность» и т. п., в случае с факторами, препятствующими ресоциализации [2, с. 758]. В силу сказанного можно предположить, что и у субъектов внешней среды, и у самих респондентов имеются немалые (не актуализированные) ресурсы для повышения результативности проводимой в отношении изучаемой общности политики. Иными словами, ответы респондентов свидетельствуют об их способности и готовности отнестись весьма критично к своему социальному поведению и его результатам. Разумеется, эти данные нельзя отнести к репрезентативным, но они, на наш взгляд, достаточны для проблематизации описываемой ситуации. К тому же результаты экспертного опроса, проведенного в ходе реализации названного выше проекта (опрошено в ноябре 2017 г. 67 экспертов в шести муниципальных образованиях Самарской области), свидетельствуют, что на первые места среди факторов,

¹ Результаты анкетирования лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него; опрос проведен в октябре–декабре 2017 г. в Самарской области, опрошено с использованием целевой выборки 375 человек.

препятствующих ресоциализации бывших осужденных, эксперты поставили следующие: «отсутствие мотивации самого бывшего осужденного к возвращению в общество»; «отсутствие работы у бывшего осужденного»; «отсутствие внятной государственной политики в области адаптации» лиц, отбывших уголовное наказание [2, с. 758].

Иначе говоря, проблема повышения результативности политики, проводимой в отношении изучаемой общности, связывается экспертами с необходимостью внятной государственной политики в области адаптации данной общности.

Наш подход к ресоциализационному процессу в целом, разработке ДК данного процесса базируется (повторим еще раз) на понимании необходимости гуманизации уголовной политики в стране, которая, по сути, не движется в сторону снижения числа заключенных и эффективной ресоциализации лиц, совершивших преступления. Так, по количеству заключенных на 100 тыс. населения Россия занимает восьмое место в мире и первое в Европе [3, с. 6]. Иными словами, тема гуманизации законодательства, уголовной политики в целом не нами заявлена. Однако в фокусе нашего внимания несколько иные аспекты этой гуманизации с акцентом на авторском понимании ресоциализации лиц, отбывших и отбывающих уголовное наказание.

Ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, понимается нами как процесс интеграции в систему общественных отношений посредством восстановления утраченных или проблематизированных ранее социальных ценностей, норм, освоения новой социокультурной среды [4]. Акцент делается на интеграции как социальном взаимодействии акторов, а не как улице с односторонним движением. Социальная интеграция – это не только сильное чувство зависимости индивида от общества, приучаемого оценивать себя только как часть этого общества, «как орган организма»; но и общество «приучается смотреть на составляющих его членов не как на вещи, на которые оно имеет право, но как на сотрудников, без которых оно не может обойтись и по отношению, к которым у него есть обязанности» [5, с. 215].

Воздействие общества на бывших осужденных носит характер содействия, т. е. деятельного участия в решении социальных проблем этих людей с целью облегчить, помочь, поддержать их. В таком случае ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, – это *взаимонаправленный процесс*: сотворение нового социального статуса личностью взамен прежнего, который не может быть сохранен в условиях возвращения в социум, с одной стороны, и коренных изменений социальной среды, предопределяющей необходимость личности приспосабливаться к новым социальным условиям – с другой. В противном случае проблематизируется возвращение названных выше лиц в социум как сограждан, успешность ресоциализационного процесса в целом.

Несмотря на озвучиваемые на разных уровнях положения о гуманизации системы уголовного наказания, сама терминология, используемая практиками ресоциализационного процесса, актуализирует тему стигматизации осужденных и лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него. Действительно, если в числе ключевых понятий, используемых практиками при описании уголовно-исполнительной системы, есть такие, как «*воспитательная работа*», «*воспитательные колонии*», «*отделы воспитания и социальной работы*» с осужденными; «*исправление*», «*исправительные колонии*», «*исправительные центры*» для осужденных и т. п., то ка-

кая же роль в этой системе отводится осужденным и лицам, отбывшим уголовное наказание и освобожденным от него.

Так, согласно ст. 109, п. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК), *«Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы направлена на их исправление, формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на повышение их образовательного и культурного уровня»* [6]. В этой связи получают развитие новые практики именно исправления осужденных в виде исправительных центров для граждан, приговоренных к принудительным работам. Предназначение таких центров, открываемых с 2017 г., заключается в *«перевоспитании преступников трудом»* [7]. Кстати, в Самарской области первый такой центр появился в январе 2017 г. Но тогда, если цель воспитательной работы с осужденными в их *исправлении*, то эти лица, по сути, являют собой некие механизмы, «вещи», которые можно исправить. Актуализирует такую постановку вопроса и трактовка самого термина *«исправление»*, синонимами которого являются поправка, починка, обработка, отделка, ремонт, преобразование, улучшение [8].

Более того, считаем необходимым проблематизировать и продуманность использования другого термина – *воспитание*, касательно ресоциализации лиц, отбывших и отбывающих уголовное наказание. Если воспитание – это предмет педагогики, суть которого в воздействии, *«оказываемом на детей родителями и учителями»* [9, с. 32], то трудно согласиться с отождествлением осужденных и лиц, отбывших уголовное наказание с учениками, детьми, молодым поколением, *«постоянно получающими воспитательное влияние старшего поколения»* [9, с. 32]. Даже в случае широкой трактовки дефиниции воспитания роли, отводимые сформировавшимся личностям со сложным характером и судьбой проблематизируют возможность эффективного социально направленного их проигрывания лицами, отбывающими и отбывшими уголовное наказание, как в прочем и роли, учителей с трудом готовы проигрывать специалисты, не имеющие даже учебно-методической литературы по обучению названных выше лиц, как, впрочем, и по воспитанию этих лиц.

Нельзя не обратить внимание, на наш взгляд, и на то, как в ст.109, п. 1 УИК РФ обозначается направленность воспитательной работы с осужденными к лишению свободы: *«...их исправление, формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, на повышение их образовательного и культурного уровня»* [6]. Иными словами, если авторы данного текста признают наличие у осужденных определенного образовательного и культурного уровня и в этой связи ведут речь о необходимости его повышения в ходе воспитательной работы, то в случае с *«уважительным отношением к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития»* предполагается отсутствие такового, коль скоро ставится задача *«формирования уважительным отношением к человеку, обществу...»* и т. п. С такой постановкой вопроса – о формировании, а не, например, о формировании, восстановлении и развитии *«уважительного отношения к человеку, обществу...»* трудно согласиться уже в силу того, что эти лица разные, а их состав, как количественный, так и качественный, весьма пестр.

Таким образом, обобщая сказанное выше относительно понятийного аппарата, используемого в проанализированных текстах, подчеркнем, если общество заин-

тересовано в возвращении лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, в качестве сограждан, то и понятийный аппарат, используемый в данном процессе, должен быть соответствующим, учитывающим специфику ресоциализируемых лиц и взаимодействующих с ними специалистов разного рода организаций.

Подчеркнем, что природа этих лиц, скажем так, носит *объект-субъектный* характер. Речь идет о том, что, с одной стороны, лица отбывшие и отбывающие уголовное наказание – это главный объект ресоциализационного процесса. С другой стороны, они и субъект данного процесса как личности, имеющие определенный набор знаний, навыков, умений, позволяющий избирательно относиться к другим участникам взаимодействия, способам и формам воздействия этих других на ресоциализируемых лиц. Взаимодействие этих лиц с другими не «растворяет» их относительную самостоятельность, они, в той или иной мере выполняя роль субъектов, помогают самим себе хотя бы частично решать возникающие у них проблемы.

Более того, согласно ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, *«каждый человек имеет право на... личную неприкосновенность»* [10]. Тем самым неприкосновенность личности – достаточное, на наш взгляд, основание для обоснования необходимости корректировки словосочетания «исправление осужденных» до, как минимум, *исправления поведения осужденных*, но не их личности. А точнее говоря, имеет смысл в силу сказанного выше вести речь, скорее, о содействии в корректировке этого поведения в социально значимом русле, именно о содействии или стимулировании социально одобряемого поведения.

В данном контексте представляется значимым обращение к целям Европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания, применение которых *должно подвигнуть на поддержание требуемого и желательного равновесия между необходимостью защиты общества... с одной стороны, и социальной адаптации нарушителей закона – с другой»*¹. Такое равновесие, точнее его отсутствие, серьезная, на наш взгляд, проблема организации ресоциализации лиц, отбывших и отбывающих уголовное наказание. Несмотря на то, что подавляющая часть международных стандартов в области исполнения наказаний носит рекомендательный характер, стремление к реализации этих рекомендаций, разумеется, признак цивилизованности уголовно-исполнительной системы. В любом случае, используемая практиками терминология может быть и охранной грамотой, и мишенью. В этой связи как не вспомнить наследие Т.Заца, согласно которому, «поэзия, политика, психиатрия – все сводится к языку, ...управляя словами – управляем людьми... Личное горе и общественные волнения, агрессивность и страдания неизбежны. Но это не болезни. Причисляя все это к болезням, мы отступаем от нашей ответственности и от нашей свободы» [11, с. 79].

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что терминология, используемая в ресоциализационной практике, как и в описании этой практики, может как тормозить данный процесс, так и способствовать его результативности; может способствовать позитивной мотивации осужденных и лиц, отбывших уголовное наказание, связанной с социально значимыми целями, так и наоборот.

¹ Рекомендации № R (92) 16 Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания (принята 13 октября 1992 г.).

В силу сказанного выше понятийного ряда, мы предлагаем в качестве **первого направления** разрабатываемой ДК корректировку ключевых понятий, используемых при организации и описании данного процесса: откорректировать ключевые для нас понятия ресоциализации и лиц, отбывших и отбывающих уголовное наказание, а также исправления, воспитания, перевоспитания осужденных посредством актуализации таких терминов, как содействие, взаимодействие, взаимовлияние, стимулирование позитивной мотивации, акторы и т. п.

Кроме того, актуализируется и тема ценностных ориентаций ключевых акторов организации ресоциализационного процесса. Какими ценностями руководствуются эти акторы, прибегая к разного рода классификациям? Так, согласно ст. 74, п. 1 УИК РФ, *«Исправительными учреждениями являются исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения»* [6]. В этой связи возникает вопрос: по какому основанию дается эта классификация? С одной стороны, согласно последующим статьям названного выше нормативного акта, исправительные колонии отличаются от воспитательных возрастом осужденных, но тогда в перечне исправительных учреждений они должны быть обозначены, например, одним словом – колонии: *«Исправительными учреждениями являются колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения»*, а при описании этих колоний может быть заявлено их подразделение (в зависимости от возраста заключенных) на исправительные и воспитательные. И даже в этом случае сохраняется определенная нелогичность в таком перечислении: если все эти учреждения являются исправительными, то теряется смысл в названии исправительных колоний; ведь и воспитательные колонии – это вид исправительных учреждений.

Иными словами, перечисление исправительных учреждений, данное в ст. 74, п. 1 УИК, представляется недостаточно логичным. Возможно, авторы анализируемого текста ориентировались в данном случае преимущественно на свои приоритеты, в чем убеждает нас отчасти и название одной из служб, помогающих заключенным в их ресоциализации – *«отдел социальной защиты и учета трудового стажа осужденных»*. Акцент на первой части названия данного отдела требует фокусирования внимания на людях с инвалидностью, акцент на второй – не столько на самих осужденных, сколько на учете их трудового стажа. В этой связи не целесообразнее было бы в этих учреждениях исполнения наказания соответствующие отделы называть, например, как отделы социальной работы с осужденными, что предполагает профессиональную социономическую деятельность с осужденными, не сводимую к социальной защите и учету трудового стажа, но включающую в себя эти направления работы, с одной стороны, с другой – фокусирующую внимание на роли посредничества в социономической деятельности как ее сути, о чем пойдет речь более предметно чуть ниже.

Кстати сказать, в практике социальной работы также нередко встречаются ориентации на специалистов, а не на клиентов: при подразделении семей на «малообесеченных» и другие семьи, при выделении «трудных» подростков в числе взрослых детей, в случае названия реабилитационных центров как центров *«для девиантных подростков»* и т. п. Поэтому важно помнить, что классификации могут навредить, в нашем случае лицам, отбывающим и отбывшим уголовное наказание, если такие классификации ориентированы, прежде всего, на специалистов учреждений исполнения наказания. Более того, любая классификация не учитывает уни-

кальности, неповторимости личности или группы и тем самым нарушает этические принципы индивидуальности и самоопределения [12, с. 288].

Таким образом, в качестве **второго направления** разрабатываемой ДК считаем необходимым сфокусировать внимание на методе классификации, практиках его применения, препятствующих эффективной ресоциализации анализируемой нами общности.

С данной проблемой связана и другая, касающаяся этических принципов, нарушение которых имеет место нередко в организации практики исполнения наказания [13]. Имеется в виду тот факт, что принцип конфиденциальности проблематизируется практиками предоставления для СМИ региональными пресс-службами УФ-СИН разного рода визуальных и иных материалов, делающих лиц, отбывших и отбывающих уголовное наказание, узнаваемыми. Речь идет о том, что, если в поисковике задаешь такие темы, как лица, отбывшие и отбывающие уголовное наказание; ресоциализация лиц, отбывших и отбывающих уголовное наказание; если добавляешь в название этих тем интересующие тебя регионы, то обязательно появляются фотографии с изображением в фас и профиль лиц, отбывших или отбывающих уголовное наказание. Разумеется, что такие практики нарушения принципа конфиденциальности могут быть связаны и с тем, что журналисты не всегда показывают перед публикацией тексты интервью их авторам, а также с их собственным видением сути изучаемой проблемы; той роли, которую играют в ней заключенные и бывшие заключенные. Разумеется и другое, что тема визуализации процесса отбывания наказания и возвращения в общество бывших осужденных – весьма актуальна как в исследовательском, так и в практическом дискурсах, о чем также вели речь наши эксперты.

Таким образом, повторим, в фокусе внимания субъектов ресоциализационного процесса от власти ориентации на специалистов- организаторов практики ресоциализации лиц, отбывших и отбывающих уголовное наказание. С одной стороны, исправительные учреждения – не социальные службы. С другой стороны, среди их специалистов представлены и специалисты по социальной работе – носители соответствующих этических стандартов, включая принцип конфиденциальности в обслуживании клиентов. Словом, визуализируются соответствующие практики нарушения принципа конфиденциальности в работе учреждений по ресоциализации изучаемой общности.

Более того, имеют место и такие факты, когда на фотографии, размещенной в СМИ, узнаваемые заключенные одной из колоний, хотя и название статьи, и заголовок этой статьи о другом [14]. Если осужденных, отбывающих и отбывших уголовное наказание, показывают с помощью СМИ, если эти люди становятся узнаваемыми для потребителей печатной и иной информации об учреждениях исполнения наказания, то такая ситуация становится тормозом процесса ресоциализации описываемой общности: ярлыки прилипают, не учитывают уникальности человеческой личности и ситуации, не учитывают они и всей сложности ресоциализационного процесса как взаимовлияния его участников, а не исправления одной группы лиц другой группой. В данном контексте представляется важным обратиться к «Международному пакту о гражданских и политических правах», согласно которому, права вытекают из достоинства, *«присущего всем членам человеческой семьи»* [15].

Таким образом, в качестве третьего направления создаваемой ДК предлагается внесение корректив в «Кодекс этики и служебного поведения сотрудников и фе-

деральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы» [16]. Мы предлагаем пункт 4 этого документа: «*Настоящий кодекс... выступает средством формирования позитивного облика компетентного поведения сотрудника и федерального государственного гражданского служащего*» дополнить следующим положением: «*а также средством предупреждения стигматизации лиц, отбывающих и отбывших уголовное наказание и освобожденных от него*». В продолжение сказанного предлагается обсудить возможность внесения в данный документ и положения о конфиденциальном характере содержания в исправительных учреждениях лиц, отбывающих уголовное наказание. Речь идет о запрещении несения во внешнюю среду лиц, отбывающих и отбывших уголовное наказание, информации, делающей узнаваемыми этих лиц, о чем с помощью фотоматериалов из сети Интернет речь шла выше.

Памятуя о роли СМИ в современном обществе в целом («четвертая власть»), в деятельности учреждений исполнения наказания и социальных служб, в частности, о чем отчасти шла речь выше, считаем необходимым в качестве четвертого направления разрабатываемой ДК обозначить проведение серии мастер-классов для СМИ по вопросам возвращения в общество в качестве сограждан лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него. СМИ могли бы при определенных условиях сыграть знаковую роль в противодействии продолжающейся стигматизации лиц, отбывающих и отбывших уголовное наказание. Подчеркнем, что в ходе реализации нашего проекта мы столкнулись с реальной проблемой наличия /отсутствия в регионе журналистов, специализирующихся по столь сложной тематике. Те журналисты, которые так или иначе освещают исследуемый нами процесс ресоциализации фокусируют внимание на роли власти в данном процессе, с одной стороны, с другой – используют недостаточно продуманный понятийный ряд в описании этого процесса. При этом нередко остается неясным: то ли респонденты – представители власти – некорректно оперируют используемой ими терминологией, то ли сами журналисты; то ли власть пропустила в печать видеоряд, стигматизирующий лиц, возвращающихся в общество после отбывания уголовного наказания, то ли журналисты не согласовали с этой властью визуальные данные, презентующие описываемый ресоциализационный процесс.

В частности, при описании деятельности первого исправительного центра для граждан, приговоренных к принудительным работам, созданного в нашем регионе в начале 2017 г., журналисты постулировали, что при нарушении режима проживания в этом центре в первый раз «с нарушителем проведут воспитательную беседу. Затем в ход пойдут более жесткие санкции, вплоть до перевода в колонию [17]. Иными словами, авторы данного текста рассматривают воспитательную беседу не как диалогический вопросно-ответный метод, а как разновидность санкций. При этом остается неясным, кому принадлежит такая интерпретация воспитательной беседы: журналистам или сотрудникам названного выше центра, деятельность которого и описывают журналисты. Возможно ли, наконец, при трактовке воспитательного процесса как разновидности санкций достижение его целей?

Резюмируя сказанное выше касательно необходимости корректировки понятийного ряда, используемого при описании ресоциализационного процесса, наряду с необходимостью корректировки названного выше кодекса и профессионализации журналистов, работающих на изучаемом поле, представляется важным на этой ос-

нове уточнение теоретических оснований разрабатываемой ДК. И это будет **пятым направлением** разрабатываемой ДК. Подчеркнем, что эти основания уже заявлены на этапе разработки нашего проекта и презентации его на конкурсе президентских грантов. Заметим лишь то, что на данном этапе реализации проекта избранные нами рефлексивная социология А.Гоулднера, теория социального научения А.Бандуры, теории поля и стадий изменения К.Левина, теории стадий изменения поведения Дж.Прочаски и К.Ди-Клементе и заинтересованных сторон Э.Фримена, а также системный подход Т.Парсонса оправдывают свою значимость как научные основания реализуемого проекта.

Далее, пожалуй, самое главное, связанное с ролевым репертуаром лиц, отбывших и отбывающих уголовное наказание. Понятно, что он включает в себя множество ролей. Но задача специалистов – помочь, насколько это возможно, в формировании и развитии позитивной мотивации к освобождению. Как подчеркивалось выше, в качестве факторов, как способствующих, так и препятствующих возвращению в общество лиц, отбывших и отбывающих уголовное наказание, называется ими фактор «ты сам». Иначе говоря, в конечном счете, от самих этих лиц зависит характер, направленность и содержание возвращения их в общество после отбывания уголовного наказания. В данном контексте, как и в аспекте понимания ресоциализации как взаимно направленного процесса, о котором речь шла выше, роль посреднической структуры, создание которой предлагается нами переоценить, думается, не представляется возможным.

Иными словами, **шестым направлением** формирования ДК предлагается деятельность по созданию посреднической структуры во взаимодействии лиц, освобождающихся от уголовного наказания и возвращающихся в общество, с их внешней средой, ближайшим окружением в частности. Необходимость такой структуры обуславливается и осознанием факта, озвучиваемого неоднократно в ходе экспертного опроса, когда актуализировалась тема фактического отсутствия взаимодействия между разного рода структурами, так или иначе участвующими в описываемой ресоциализации.

Преимущества такой структуры, на наш взгляд, в следующем:

1. Такая служба – **основной помощник** для лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, **плохо ориентирующихся в новой жизненной ситуации**, с одной стороны, с другой – **в разнообразии организаций, иных структур, реально и потенциально готовых прийти на помощь**.

2. Это будет **социальная служба**, ключевая роль в которой отводится **социологам**, ибо именно они признанные специалисты по посредничеству.

3. Посредническая деятельность будет носить **двунаправленный характер**: с одной стороны, это помощник для ресоциализируемых лиц в аспекте оперативного и качественного информирования их об имеющихся ресурсах ресоциализации, как внутренних, так и внешних, с другой стороны, это структура, призванная гуманизировать социум в аспекте формирования в нем отношения к лицам, отбывшим уголовное наказание, как к согражданам.

4. Посредничество в отношении лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, отличается тем, что специалисты лишь помогают названным выше лицам в выборе источников информации, других ресурсов ресоциализации. **Сам же выбор необходимых ресурсов ресоциализации осуществляют лица, от-**

бывшие уголовное наказание, тем самым сохраняется высокий уровень их ответственности за их ситуацию.

5. Особо значимым в данной структуре как посреднической является понимание ее *процессуального характера*: обслуживание лиц, отбывших уголовное наказание – это многоэтапный процесс, исключительна при этом роль завершающего этапа, связанного с оценкой результативности процесса: *дошел ли до выбранной с помощью посредника структуры бывший осужденный, получил ли он в этой структуре своевременную и необходимую помощь, удовлетворен ли ей*.

6. Профессиональное посредничество предполагает *глубокое знание организаций, занимающихся смежной деятельностью* (организаций МВД, ФСИН, здравоохранения, социальной защиты населения, образования, служб занятости, НКО и СМИ, работающих на поле социальной политики и т. п. Иными словами, в числе базовых направлений этой посреднической структуры – организация постоянного взаимодействия с названными выше структурами, что должно быть *закреплено в специальном нормативном акте*.

Создание и организация посреднической службы актуализирует тему дефицита НКО, работающих на поле ресоциализации лиц, отбывших и отбывающих уголовное наказание. Представляется важным (и это будет в- седьмых) стимулирование органов власти и управления на организацию грантовой поддержки НКО, проекты которых будут способствовать противодействию стигматизации лиц, отбывших (или отбывающих) уголовное наказание, с одной стороны, с другой – обобщать лучшие практики возвращения в общество как сограждан лиц, отбывших уголовное наказание.

И последнее, фокусируя внимание на результатах экспертного опроса, о котором речь шла выше, мы предлагаем в качества **восьмого направления** разработки ДК, наряду с созданием посреднической службы, разработку госпрограммы ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него.

Резюмируя сказанное касательно ДК, направлений ее разработки, подчеркнем, что обобщение, к которому мы в данном случае прибегли касательно объекта нашего исследования, а также результатов этого исследования, дело весьма рискованное, уже в силу того, что оно предполагает упрощение того, что обобщается. Памятуя об этом и учитывая тот факт, что любой опыт становится элементом научного знания в момент фиксации, важнейшая задача, которую мы видим перед собой на перспективу, это постоянное обновление динамичной информации об изучаемой практике, фиксация этой информации в виде научных и учебных текстов, научно-практических семинаров и конференций по описываемой тематике. В свою очередь, последовательно применяя эти знания в ресоциализационном процессе посредники, как одни из ключевых субъектов данного процесса, целенаправленно выполняют возложенную на них миссию оказания помощи, способствующей самопомощи лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, наряду с гуманизацией социума, формированием в нем уважительного отношения к лицам, отбывшим уголовное наказание и освобожденным от него, как к согражданам.

Список использованных источников

1. Бурдые П. Начала. М. : Socij-Logos, 1994. 288 с.
2. Щукина Н.П. Факторы ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения», 19–20 февраля 2018 г. М. : МГУ. С. 757–759.
3. Есаков Г.А., Долотов Р.О., Филатова М.А., Редчиц М.А., Степанов П.П., Цай К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). М. : Центр стратегических разработок, 2017. 73 с.
4. Кленова Т.В., Щукина Н.П., Адоевская О.А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 41–45.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Э. Дюркгейм О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1990. С. 3–390.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. URL: <http://rulaws.ru/uik-rf/Razdel-IV/Glava-15/Statya-109/> (дата обращения: 19.05.2018).
7. В Самарской области открылся исправительный центр для граждан, приговоренных к принудительным работам. URL: <http://www.trkterra.ru/news/v-samarskoj-oblasti-otkrylsya-ispravitelnyy-centr-dlya-grazhdan-prigovorenyh-k-prinuditelnym> (дата обращения: 19.05.2018).
8. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова, М. : Русские словари, 1999. URL: <http://enc-dic.com/word/i/ispravlenie-7829.html> (дата обращения: 19.05.2018).
9. Дюркгейм Э. Природа и метод педагогики // Дюркгейм Э. Социология образования. М. : ИНТОР, 1996. С. 32–47.
10. Всеобщая декларация прав человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 19.05.2018).
11. Терапевтическое государство. Интервью с Т.Зацем // Саймон Р. Один к одному. Беседы с создателями семейной терапии. М. : Независимая фирма «класс», 1996. С. 78–97.
12. Нортен Х. Социальный диагноз // Энциклопедия социальной работы : в 3 т. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 1994. Т. 3. С. 286–292.
13. Самарские заключенные будут производить продукцию к ЧМ-2018 // Регион. Самара. ру. 20.07.2017 г. URL: <http://regionsamara.ru/readnews/samarskie-zaklyuchyonnye-budut-proizvodit-produktsiyu-k-chm-2018/> (дата обращения: 20.05.2018).
14. Колесникова Е. В исправительных колониях Самарского региона выявили факты коррупции и нарушения требований уголовно-исполнительного законодательства // Новая газета в Поволжье, 2016. URL: <http://novayasamara.ru/news/24036> (дата обращения: 25.06.2018).
15. Международному пакту о гражданских и политических правах. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 20.05.2018).
16. Кодекс этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-fsin-rf-ot-11012012-n-5/> (дата обращения: 28.06.2018).
17. В Самарской области открылся исправительный центр для граждан, приговоренных к принудительным работам. URL: <http://samara-news.net/other/2017/01/19/113383.html> (дата обращения: 20.05.2018).

References

1. Burd'e P. Nachala. M. : Socij-Logos, 1994. 288 s.
2. SHCHukina N.P. Faktory resocializacii lic, otbyvshih ugovornoe nakazanie i osvobozhennyh ot nego // XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Sorokinskie chteniya», 19–20 fevralya 2018 g. M. : MGU. S. 757–759.

3. Esakov G.A., Dolotov R.O., Filatova M.A., Redchic M.A., Stepanov P.P., Caj K.A. Ugolovnaya politika: dorozhnaya karta (2017–2025 gg.). M. : Centr strategicheskikh razrabotok, 2017. 73 s.
4. Klenova T.V., SHCHukina N.P., Adoevskaya O.A. O dorozhnoj karte resocializacii i real'nogo vklyucheniya v grazhdanskoe obshchestvo lic, otbyvshih ugovolnoe nakazanie i osvobozhdennyh ot nego // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2017. № 4 (26). S. 41–45.
5. Dyurkgejm E.H. O razdelenii obshchestvennogo truda // E.H. Dyurkgejm O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii. M. : Nauka, 1990. S. 3–390.
6. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii. URL: <http://rulaws.ru/uik-rf/Razdel-IV/Glava-15/Statya-109/> (data obrashcheniya: 19.05.2018).
7. V Samarskoj oblasti otkrylsya ispravitel'nyj centr dlya grazhdan, prigovorenyh k prinuditel'nym rabotam. URL: <http://www.trkterra.ru/news/v-samarskoj-oblasti-otkrylsya-ispravitelnyy-centr-dlya-grazhdan-prigovorenyh-k-prinuditel'nym> (data obrashcheniya: 19.05.2018).
8. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnyh po smyslu vyrazhenij / pod red. N. Abramova, M. : Russkie slovari, 1999. URL: <http://enc-dic.com/word/i/ispravlenie-7829.html> (data obrashcheniya: 19.05.2018).
9. Dyurkgejm E.H. Priroda i metod pedagogiki // Dyurkgejm E.H. Sociologiya obrazovaniya. M. : INTOR, 1996. S. 32–47.
10. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (data obrashcheniya: 19.05.2018).
11. Terapevticheskoe gosudarstvo. Interv'yu s T.Zacem // Sajmon R. Odin k odnomu. Besedy s sozdateljami semejnoj terapii. M. : Nezavisimaya firma «klass», 1996. C. 78–97.
12. Norten H. Social'nyj diaznoz // EHnciklopediya social'noj raboty : v 3 t. M. : Centr obshchechelovecheskikh cennostej, 1994. T. 3. S. 286–292.
13. Samarskie zaklyuchennye budut proizvodit' produkciju k CHM-2018 // Region. Samara. ru. 20.07.2017 g. URL: <http://regionsamara.ru/readnews/samarskie-zaklyuchyonnye-budut-proizvodit-produktsiyu-k-chm-2018/> (data obrashcheniya: 20.05.2018).
14. Kolesnikova E. V ispravitel'nyh koloniyah Samarskogo regiona vyyavili fakty korrupcii i narusheniya trebovanij ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva // Novaya gazeta v Povolzh'e, 2016. URL: <http://novayasamara.ru/news/24036> (data obrashcheniya: 25.06.2018).
15. Mezhdunarodnomu paktu o grazhdanskikh i politicheskikh pravah. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (data obrashcheniya: 20.05.2018).
16. Kodeks ehtiki i sluzhebного povedeniya sotrudnikov i federal'nyh gosudarstvennyh grazhdanskikh sluzhashchih ugovolno-ispolnitel'noj sistemy URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-fsin-rf-ot-11012012-n-5/> (data obrashcheniya: 28.06.2018).
17. V Samarskoj oblasti otkrylsya ispravitel'nyj centr dlya grazhdan, prigovorenyh k prinuditel'nym rabotam. URL: <http://samara-news.net/other/2017/01/19/113383.html> (data obrashcheniya: 20.05.2018).

ЗА РУБЕЖОМ

От редколлегии

Уважаемые читатели!

В рубрике «За рубежом» мы хотели бы познакомить вас, прежде всего социологов, с научным творчеством видного турецкого социолога Байкана Сезера (1939–2002 гг.), профессора Стамбульского университета. Окончив в 1968 году отделение социологии факультета литературы Стамбульского университета, Б.Сезер посвятил социологической науке всю свою жизнь. В 1982–93-х гг. он возглавлял кафедру общей социологии и методологии и Центр социологических исследований в этом же университете. Из-под его пера вышли в свет шесть монографий и более ста других научных публикаций¹.

Отечественные социологи лучше знакомы с европейской и американской социологией, по сравнению с социологией Ближнего Востока, включая социологическую науку Турции. Член редакционного совета журнала турецкий социолог, профессор Хаяти Тюфекчиоглу предоставил нам возможность познакомить своих читателей с книгой Байкана Сезера «Основные проблемы турецкой социологии», опубликованной в г. Алматы (Республика Казахстан) уже после смерти автора в 2005 г. В Турции эта работа увидела свет в 1988 г. Профессор Хаяти Тюфекчиоглу, как ученик Байкана Сезера, много сделал для того, чтобы вышеупомянутая книга была переведена на русский язык и издана в 2005 году в г. Алматы, он же написал предисловие для русского издания.

Вашему вниманию представляются отдельные разделы книги, дающие представление об особенностях развития социологической науки в турецкой республике и тех основных проблемах, которые она решает, чему будут посвящены несколько номеров нашего журнала.

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЛЯ РУССКОГО ИЗДАНИЯ

Байкан Сезер – социолог, занимающий важное место в истории турецкой мысли. Его глубокие знания в области социологии позже были трансформированы в самостоятельное теоретическое течение, что позволило в дальнейшем включить основные его положения в программы ведущих вузов Турции.

Оригинальность научных трудов Б.Сезера и его учеников во многом отличают его от других исследователей в области социологии. Масштаб социологического видения мировых процессов в трудах Сезера позволяет эффективно использовать его прогнозы в разрешении многих глобальных проблем современности.

¹ Подробно см.: Эрган Эгрибел, Уфук Озджан. Памяти Байкана Сезера: Байкан Сезер и турецкая социология. Стамбул : Изд-во Кызыл Елма, 2004.

Особую ценность представляют два основополагающих теоретических положения социологии Сезера. Эти особенности в наши дни важны не только для нас, они также несут в себе огромное значение, особенно для обществ среднеазиатского региона.

Первой и основной особенностью социологии Сезера является ее критическая направленность по отношению к предшествующей зарубежной социологии. Сезер был мыслителем, скрупулезно отслеживающим социологию и специфику мышления Запада. Однако здесь следует отметить немаловажный штрих, отличающий позицию Сезера от некоторых подходов, распространенных в Турции. Если традиционный подход в Турции связан в целом с отслеживанием западной мысли и в основном с копированием достижений в этой области, то социология Байкана Сезера строится на основе фильтрации и критической обработки западной социологии.

Согласно подходу Сезера, ценности западной социологии хотя и являются важными и в плане социологической мысли представляют большой интерес непосредственно для западных обществ, но в то же время они не всегда могут быть востребованными в других обществах, а для турецкого общества в особенности. Именно здесь перед нами возникает вторая важная особенность социологии Сезера: дух и устройство восточных обществ с их структурой, обликом, своеобразной индивидуальностью и специфическими стадиями исторического развития не могут быть адекватными динамике и структуре западных обществ. Таким образом, основной задачей, возлагаемой на социологию в Турции, является, прежде всего, исследование специфики и динамики общественного устройства, анализ стадийного исторического развития турецкого общества, а если взять в целом, то рассмотрение насущных проблем, характерных именно для турецкого общества.

Байкан Сезер, обладая важной и обширной теоретической базой, тем не менее не ограничился только лишь теорией. Начиная с первой же своей работы, он попытался применить эту теорию на практике. С этой точки зрения важно само название его докторской диссертации – «Степные и речные цивилизации в истории Азии». Если разделить работы Байкана Сезера на две основные группы, то одна из них будет посвящена обществам и истории Запада, а вторая будет представлять собой работы, рассматривающие свойства восточных обществ, начиная со Средней Азии, и в особенности проблеме турецкого общества сегодняшнего дня и Османского периода.

Тюрко-язычные народы Центральной Азии после развала Советского Союза наряду с независимостью получили в наследство и множество различных проблем. Зачастую для разрешения вновь рожденных проблем они вынуждены искать пути их решения извне. Между тем важно не слепо принимать западные ценности и опыт, накопленные в деле решения социальных проблем, а путем внутренних поисков собственных ресурсов находить инструменты разрешения возникающих проблем. Выработка таких инструментов находится в русле отечественных социологических исследований в рамках своего общества.

В этом плане труды Байкана Сезера имеют большое значение и вызывают пристальный интерес не только у нас, но в равной степени и у всех восточных обществ, в том числе и государств Центральной Азии. Не случайно данная проблема обсуждалась на первом социологическом конгрессе, проведенном с участием прибывших из тюрк-

ских республик социологов в 2003 году в Стамбуле, где было принято решение об издании перевода серии книг, во главе с произведениями Байкана Сезера.

Монография бывшего заведующего отделением социологии факультета литературы Стамбульского университета, покойного Байкана Сезера «Основные проблемы турецкой социологии» была рекомендована для перевода и издания в первую очередь. Хотя в книге и рассматриваются проблемы непосредственно турецкого общества и проблемы поэтапного исторического развития, на самом деле была фактически выработана модель развития общества не западного типа. Раздел «Европеизация османов», являющийся приложением к оригиналу книги, был написан в 1969 году и является доказательством того, насколько он верно предвидел проблемы отечественной социологии. В дополнение к произведению, которое вы держите в своих руках, с целью предоставить читателям более широкую информацию о Байкане Сезере, был подготовлен раздел «Жизнь и творчество Сезера». Этот раздел составлен Абульфазом Сулеймановым, основываясь на записи учеников Сезера – докторов социологических наук Эртана Эгрибеля и Уфука Озджана.

В соответствии с долгосрочными планами нашей конечной целью являлся перевод этой книги на языки каждой республики. Но для того, чтобы не допустить задержек и выполнить эту работу с меньшими затратами, а самое главное, для того, чтобы пробудить желание и даже поощрить социологов и общественность этих стран к переводу произведений турецких авторов на язык своих стран, ознакомив их с вершинами, достигнутыми Байканом Сезером, а вслед за ним и турецкой социологией, было принято решение о переводе первой книги именно на русский язык. Впоследствии, надеемся, социологи каждой страны переведут эту книгу на свой национальный язык.

Несомненно, социология и труды Б.Сезера представляют огромный интерес для среднеазиатского региона. Перевод книг согласно определенному плану и очередности, а также преподнесение их социологам и мыслителям республик Средней Азии заполнит огромный вакуум.

Помимо этого, заведующая отделением «Связи с общественностью» Алтайского государственного университета, преподаватель истории социологии доктор философских наук, профессор Тамара Семилет в письме, отправленном нам, выражает свои мысли по поводу того, что перевод книги Сезера на русский язык имеет большое для нее значение в плане дополнения недостающих знаний по мировой социологии и в то же время обеспечения обширной информацией, связанной с социологией Евразии. Вместе с тем говорится об огромной важности книги в развитии русской национальной социологии.

Эта книга сможет устранить большой пробел. Посредством перевода других работ и книг, влияние социологии Сезера будет иметь отдельное значение для западной социологии, которая не может в полной мере высказаться по поводу проблем, стоящих перед миром сегодня.

В том, чтобы эта книга дошла до Вас, есть заслуга многих людей. Мы выражаем огромную благодарность в первую очередь супруге Байкана Сезера, давшей разрешение на перевод, группе азербайджанских социологов: доктору философских наук, заведующей отделением социологии Национальной академии наук Азербайджана Рафиге Азимовой, старшим научным сотрудникам этого отделения кандидатам социологических наук Абульфазу Сулейманову, Сергею Румянцеву и доценту

Академии государственного управления Мураду Багирзаде. Приложивших немало сил для претворения в жизнь большого проекта, частью которого является и перевод книги; Вагиту Касымову, осуществившему перевод, доценту Славянского университета Азербайджана Кямале Умудовой, выполнившей корректуру, культурному атташе Турции в Азербайджане доктору юридических наук Фетхи Гедикли, оказавшим помощь при переводе, а также ответственным лицам издательства Университета им. Сулеймана Демиреля (г. Алматы, Казахстан), возложившим на себя хлопоты, связанные с издательством книги.

Д-р Хаяти Тюфекчиоглу
Алма-Ата, ноябрь 2004 г.

УДК 316

Байкан Сезер Основные проблемы турецкой социологии (разделы книг)

ВВЕДЕНИЕ

Как наука социология возникла в Европе в XIX веке и тогда же заняла заметное место в европейской мысли. В университетах нашей страны (Турции, прим, пер.) она появилась благодаря стараниям Зии Гекальпа (видный турецкий мыслитель и идеолог, конца XIX–начала XX веков. – *прим. пер.*) и еще в первые годы XX века была включена в состав учебных программ в качестве отдельного предмета. Мы можем с уверенностью сказать, что в отличие от других западных наук, социология прижилась в Турции довольно быстро.

Социология, отражая в синтетической форме процессы многостороннего общественного развития, начавшегося на Западе после Французской революции 1789 года, немедленно оказала влияние и на Османскую Империю. И этим объясняется ее столь быстрое проникновение в нашу страну.

Западническое движение, начавшееся в Турции, в своих истоках было связано с многочисленными попытками поиска сотрудничества со странами Европы, и через небольшой промежуток времени переросло в убежденность, что, якобы, только начав жить и мыслить как европейцы, мы сможем спасти Империю от окончательного разрушения. Вследствие этого все теоретические направления и течения, разработанные западными мыслителями, стали «импортироваться» в Турцию. Среди них оказалась и социология. Таким образом, процесс распространения в Турции западной научной мысли, начавшийся, в первую очередь, в технических сферах, достиг завершения после распространения здесь социальных наук.

Так, как и на Западе, эта наука была сравнительно молодой, мы в Турции могли, не особенно отставая, наблюдать за процессом ее развития. К примеру, дюркгеймовская социология довольно быстро получила здесь известность. Обсуждалось множество разных проблем и вопросов, рассматриваемых в социологии. Но учитывая уже имевшееся довольно высокое развитие общественно-научной мысли,

вопрос о преимуществах западных социологических теорий в Турции выпал из дискурса. В результате этого социология в нашей стране сохранила свою зависимость от теорий, возникающих в западной социологии, и тем самым оказалась ограничена их рамками.

В других наших социальных науках дело обстоит несколько иначе. Западный взгляд на историю был весьма распространен в наших университетах и во многом формировал мировоззрение научной интеллигенции. Но, тем не менее, он не смог затмить мощную османскую историческую традицию, и вопреки давлению западного образа мышления турецкая историческая наука смогла сохранить свое лицо. То же самое мы можем сказать и о нашей литературе.

Мы также должны непременно отметить и следующее. Еще до появления в нашей стране западной социологии, турки проявляли интерес ко всему тому, что является предметом изучения этой науки. Просто с самого начала своего появления на Западе социологическая наука исходила из отрицания и осуждения всех прошлых взглядов и учений. Подобное отношение укоренилось и в нашей стране, и это, естественно, помешало ей установить связь с турецкой интеллектуальной традицией. Нам не осталось никакой другой возможности, кроме как покорно следовать западной социологии.

Условия появления социологии на Западе и ее проникновение в нашу страну оказали сильное влияние на социологические исследования в Турции. Социология, как продукт западной мысли, чтобы оправдать правомерность своего появления в Турции, начала с оправдания тезиса о превосходстве Запада и необходимости европеизации для спасения этой страны. Благодаря этому, период, начавшийся с установления республики, был представлен, с одной стороны, как доказательство необходимости и неизбежности нашей европеизации, а с другой стороны, как критерий наших успехов и недостатков в осуществлении этого процесса. Даже сегодня социология в Турции никак не может вырваться за пределы этих своих целей. Несмотря на то, что эта наука изменила свой понятийный аппарат, она все еще продолжает выдвигать социологические проблемы, связанные с нашей культурной и экономической отсталостью от Запада. Все еще продолжают поиски способов достижения западных стандартов. Мы не только становимся свидетелями попыток оправдать механический и стихийный перенос западной социологии в нашу страну, но и наблюдаем, как социологические исследования ограничиваются маленькими брошюрами или разного рода учебниками. Мы сталкиваемся с попытками слепого использования терминологии и шаблонов западных социологических приемов к условиям турецкого социального климата.

Как видно из вышесказанного, социология в Турции занялась, прежде всего, ознакомлением нас с достижениями западной мысли и защитой идеи превосходства Запада и западной мысли над нами. Вот почему считаем, что, прежде чем начать обсуждение того, что является или должно являться объектом внимания этой науки в Турции, мы должны хотя бы кратко остановиться на том, *что есть социология*.

Этому слову как названию науки было дано множество разных определений. Мы начнем с самого простого определения. Мы определим социологию как изучение общества или процессов происходящих внутри этого общества. Из этого определения следует, что для нас исследования в этой области должны касаться, прежде всего, изучения турецкого общества и тех процессов, которые в нем наблюдаются.

Уже здесь, на первом шагу мы сталкиваемся с некоторыми вопросами, которые требуют прояснения: отрицают ли установившиеся в социологии понятия и законы специфику социальных процессов турецкого общества? Или же оно является иной реальностью и обладает особыми, свойственными лишь ему одному чертами, благодаря чему требует отдельных, самостоятельных исследований?

Было бы полезно обратиться к социологическим теориям для того, чтобы суметь дать на эти вопросы верный ответ.

Социология помогает нам понять и дать определение обществу и общественным явлениям. Сфера этой науки ограничивается изучением общества и общественных явлений. Благодаря своим теориям и методам, социология способна более точно понять и характеризовать общественные явления. С помощью этих методов и теорий мы можем обнаружить связь между разными, казалось бы, не связанными между собой явлениями и таким образом еще лучше узнать общество и понять процессы, протекающие в нем.

Это значит, что турецкая социология находится на распутье. Либо она должна согласиться с тем, что определения и объяснения, которые дает западная социология, совершенны и могут быть применены точно также к турецкому обществу, либо же с тем, что универсальны лишь ее собственные методы и теории и потому каждая страна должна изучаться с учетом ее собственных особенностей. В этом случае, не нуждаясь в развитии новых основных теорий, мы сможем достичь необходимого нам результата, если просто соберем информацию об особенностях Турции, а затем проанализируем ее согласно западной социологии. Другой вариант подхода состоит в том, что проблемы турецкого общества свойственны лишь ему одному и поэтому их решение требует применения новых и особых методов и объяснений.

Из другого взгляда на роль и пользу социологии следует, что *социология должна не только верно отражать суть событий и явлений, но и должна предлагать приемлемые решения в процессе возникающих проблем.* Хорошее знание общества и общественных отношений весьма важно, так как помогает увидеть и разобраться в проблемах общества. Степень плодотворности и целесообразности предлагаемых решений напрямую зависит от того, насколько хорошо изучено само общество.

В таком случае выявляется несколько взглядов. Первый: идентичность проблем, с которыми сегодня сталкивается мировое сообщество. Поэтому решения, которые предлагает социология, одинаково применимы для всех обществ. Нет не только никаких преград для применения этих решений в Турции, но и нет никакого другого альтернативного выхода. В таком случае любая критика или исправление, касающееся предлагаемых решений, должна охватывать все общества и касаться их всех.

Второй: между обществами могут быть какие-то различия. Однако решения, предлагаемые социологией, достаточно универсальны, чтобы не зависеть от этих различий. Поэтому при верном, независимо от конкретных условий, применении этих решений можно будет преодолеть все видимые и важные препоны. Таким образом, и все проблемы, с которыми мы сталкиваемся или можем столкнуться, найдут свое верное решение.

Третий: различаются не только общества и их проблемы, но и решения этих проблем. Поэтому каждое общество обязано хорошо себя знать и находить свой собственный путь для решения своих проблем.

Как видно, из этого следует, что первая и самая главная проблема социологии в Турции заключается в том, чтобы в отношениях с западной социологией построить и определить свои, специфические турецкому обществу методы, необходимые для того, чтобы понять турецкое общество и разобраться в его реалиях.

Как мы уже говорили, социология появилась у нас в стране благодаря тому, что в некоторых слоях нашего общества стала укрепляться вера в превосходство Запада и западной мысли. А вместе с этой верой пришло и убеждение, что единственное спасение Турции заключается в ее безусловном принятии западной цивилизации.

Годы, когда Турция уверовала в превосходство Запада, совпадают с годами, когда последний установил свою бесспорную доминантность над миром. В эти годы сам Запад уверовал в то, что благодаря своей силе он, как никто другой, может определять будущее всего мира. Все негативное, что наблюдалось в мире, объяснялось либо тем, что власть Запада еще не совсем распространилась и утвердилась, либо же объяснялось его собственными внутренними противоречиями. В первом случае это означало, что с установлением полной западной гегемонии над всем миром все проблемы будут решены. Годы распространения своей гегемонии Запад считал равноценными распространению культуры и объяснял свое присутствие в Африке или Азии попыткой распространения цивилизации. Во втором случае Запад нес в себе решение своих же внутренних проблем. Поэтому будущее всего мира и пути развития всех похожих и не похожих друг на друга обществ напрямую были связаны с политикой Запада, которую он должен был проводить внутри своего общества и во всем мире.

Все эти мнения отражают то положение, которое Запад занял в мире в определенный период. Однако для того, чтобы признать вышесказанное за абсолютную истину, надо, по меньшей мере, избавиться от целого ряда возражений. Социология, которая опирается на вышеизложенный подход, должна сначала доказать превосходство Запада. Здесь недостаточно будет доказать, что превосходство Запада заключается в его политическом превосходстве, ибо западная политическая модель явилась плодом определенных, исторически сложившихся условий. Следует также доказать, насколько эти условия неизменны, сохранятся ли они и в будущем, как и их позитивное влияние. В противном случае следует доказать, что его превосходство не зависит от этих условий и что оно обусловлено характером и особенностями самого Запада. И тогда нельзя будет не задаться вопросом о том, каким образом Запад смог сформироваться независимо от исторически сложившихся факторов.

Кроме того, не решит наших проблем и окончательная убежденность в его превосходстве, ибо надо будет доказать, что их решения идентичны решениям, которые предлагаются западным обществом. Создание нового баланса сил также может нести в себе зачаток решения данной проблемы. В борьбе за превосходство мы можем преодолеть это неравенство сил, сохранив наше национальное лицо. Поэтому трудно, без каких либо дискуссий и споров, согласиться с мнением, что единственное решение отечественных проблем заключено во всеобщей убежденности в абсолютном превосходстве Запада.

Не решаются проблемы и в том случае, если уверовать в абсолютное превосходство Запада, потому что в таком случае мы сталкиваемся с целым рядом вопросов.

Первое: либо мы следуем по той же линии прогресса, что и Запад, и его превосходство над нами состоит в том, что мы от него отстаем. Это означает, что процесс европеизации нашей страны состоит лишь в ускорении движения, линии прогресса вплоть до достижения западного уровня. Поэтому европеизация не может принести никаких негативных результатов. Но тогда следует объяснить различия между всеми теми обществами, которые двигаются по одной общей линии развития. И объяснить, почему в то время, как мы двигаемся по одной линии, Запад развивается быстрее нас. И как мы сможем нагнать его?

Второе: либо же мы следуем в другом направлении, которое отличается от западного. И это значит, что Запад опередил нас, что он следует иными путями. И как нам тогда в процессе европеизации перейти на другой путь? Если учесть, что тенденции развития формируются на протяжении веков и в определенных условиях, то как мы сможем двигаться по линии, с которой у нас нет никакого общего прошлого?

Чтобы найти ответы на все эти вопросы мы должны сначала сопоставить турецкое общество с западным. А чтобы суметь это сделать, мы должны одинаково хорошо и глубоко познать оба этих общества. О западных обществах мы достаточно осведомлены благодаря западной социологии. Но откуда и как нам высветить особенности и специфику нашего общества?

Мы видим, что и в этом вопросе многие обращаются к западной социологии. Из этого следует, что наше общество подобно западному, а различия между ними носят лишь количественный характер. В таком случае нам следовало бы с подозрением отнестись к месту и значимости социологии в Турции.

Но если между турецким и западными обществами есть не только количественные, но и качественные различия, то нам не избежать споров о том, чему нас может научить западная социология. Она может быть полезна лишь в определении тех сторон нашего общества, которые отличают нас от западного мира и в этом смысле она может быть полезна в измерении нашей похожести и непохожести на Запад. И пока Запад не считается идеальным критерием, его положительные стороны будут продолжать оставаться весьма уязвимыми.

Турецкое общество и его реалии – это тема, которой мы должны уделять особое внимание. Мы обязаны знать все его черты и особенности до мельчайших подробностей. И в этом нам может помочь социология. Но сегодня в нашей стране мы видим перед собой социологию, которая всегда шаг за шагом, как тень, следовала за западной социологией, так и не выработав своих собственных традиций. Все то, что до сегодняшнего времени было предложено этой наукой, должно быть хотя бы испытано на местном турецком уровне. Нам кажется, что вышеуказанные мнения перекликаются друг с другом в нескольких моментах и лишь только с изучением реалий (исторической и современной) на степень их объективной истины, сможет, наконец, высвободить нас из этого порочного круга.

Определяя свои проблемы, турецкая социология обязана также создать свои традиции и методы, лишь в этом случае она может помочь нам осветить турецкое общество. Метод есть не что иное, как способ постижения истины. Он должен формироваться в соответствии с проблемами, которые намерен решать. Конечно же, было бы неверно считать, что не метод должен подчиняться правде, а правда – методу.

Турецкая социология также должна изучать проблемы во всей полноте, чтобы суметь раскрыть их по-настоящему. Поэтому ей надо развить новые теории, которые помогли бы многое объяснить. Возможность выработать новые подходы в турецкой социологии сможет найти себе объяснение лишь с помощью общих теорий.

Турция – не остров Робинзона Крузо, она не оторвана от остальной части мира. Общение с западной социологией поможет ей разобраться в общей мировой ситуации и в своих внешних отношениях. Но из этого не следует, что турецкая социология не должна быть самостоятельной и искать ответы на все вопросы у западной социологии. Спротивление, которое оказывают турецкие реалии всем шаблонам, импортированным с Запада, доказывает, что турецкая социология обязана развить свои методы и средства.

ТУРЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

А – ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА

1 – ДАТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТОМУ, ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО

Как и всякая другая наука, социология – это не пустое, сухое учение. Она формируется в зависимости от вопросов, которые задает, и вероятных решений проблем, которые изучает. Поэтому социология в Турции, прежде всего, зависит от особенностей и проблем турецкого общества. И сможет развиваться в зависимости от того, насколько верны будут решения, которые она предложит.

Для этого, надо будет, прежде всего, дать определение турецкому обществу. А это требует от нас обратиться к известным основным определениям, даваемым обществу. И если эти определения описывают черты турецкого общества, то следует определить, насколько они важны для самих этих определений.

В связи с вышесказанным мы вначале сталкиваемся с вопросом о том, именно мы должны определять общество, как таковое и турецкое общество в частности.

Первое, что отмечается в связи с этим вопросом, это то, что общество выходит за границы одного человека. Те, кто не согласен с этим, считают, что общественные явления могут быть объяснены на уровне психологии. Однако недостаточность психологии и в связи с этим формирование социологии как отдельной науки, могут быть представлены как доказательства того, что общество и его проблемы выходят за пределы жизни отдельного человека. Однако то, что общество не ограничивается лишь отношениями между отдельными его членами, стало причиной того, что этот вопрос вышел за пределы рамок социальной психологии. Мы можем дать определение обществу не только с учетом множества сложных связей между отдельными людьми, но и не забывая об историческом аспекте.

Была сделана масса попыток, дать определение тому, что есть общество. Но прежде чем обратиться к определениям, даваемым социологами, мы обратимся к определению Гордона Чайлда – специалиста по доисторическому периоду. Определение, которое дает этот ученый, изучая первые общества в истории человечества, представляется нам интересным. Преимущество определения Чайлда состоит в том, что оно понятно и охватывает все общества. К тому же социологи пока еще не

предложили такого варианта определения, которое бы отвечало на все вопросы, возникающие при изучении общества и более многосторонне охватывающее его.

Согласно Чайлду, «Общество – это самовоспроизводящаяся система, функционирующая на основе взаимовыгодных отношений, служащая налаживанию производства с целью удовлетворения нужд его членов и, кроме того, формированию новых потребностей».

Из этого определения мы узнаем, что прежде чем перейти к организации общества, каждый человек уже имел целый набор потребностей и как общности ему нужно было перейти к производству, отвечающему этим потребностям. Эти потребности есть те, которые испытывает человек с рождения, еще до вступления в общество¹. В этом случае существование общества может быть объяснено естественными склонностями человека. Утверждение, поначалу кажущееся неизбежным, наталкивает нас сегодня на объяснения определенных различий между обществами, посредством тех, которыми обладает с рождения каждый индивидуум. В этой ситуации перед нами возникает следующий вопрос: что должно стать предметом изучения социологии в Турции?

Человек с момента своего появления на земле вступил в определенное взаимодействие с природой. Необходимый баланс в отношениях с ней не присущ человеку с рождения в отличие от других живых существ. По причине необходимости установления этого баланса и для того, чтобы можно было удовлетворить потребности людей, возникает необходимость перехода к производству. Другими словами, наиболее важными для обществ в самом начале их образования являются не те потребности, которые существуют у людей с рождения, а те, которые возникают в результате их жизнедеятельности. По этой причине одной из самых важных тем социологии являются доисторические и первичные отношения людей с природой.

Самое доступное решение на пути обеспечения своих потребностей люди найдут в самоорганизации в форме общества. Здесь, прежде всего, нужно отметить, что, опираясь на абсурдные высказывания греческих философов, типа «человек – общественное животное», обязательная организация людей в общество представляется как неизбежная.

Общество является всего лишь одной из возможных форм поведения человека по отношению к природе. И в результате различных материальных условий явилось самым успешным предприятием человека.

Социология, наверное, является единственной наукой, позволяющей исследовать частные случаи и детали, отталкиваясь от пояснительных концепций и общих определений, существующих в других социальных науках. Как мы уже выше отмечали, по причине того, что общественные отношения обладают историческим масштабом, прямые наблюдения и утверждения в большинстве случаев остаются недостаточными, для того чтобы определить сущность рассматриваемой темы. Однако использование общих определений в частных случаях приводит к возникновению некоторых трудностей в понимании ряда проблем.

Определение общества, согласно Чайлду, охватывает все его виды и стадии развития. В исторической линии развития оно является действенным как для рабо-

¹ Из определения Чайлда также следует то, что совместная организация людей порождает новые потребности. Другими словами – определение включает в себя также концепции развития и прогресса.

владельческих обществ, так и для феодальных. В этой ситуации, для того чтобы мы могли обозначить рабовладельческое или феодальное общество согласно присущим им особенностям, мы должны найти новое и более детальное определение. Общие определения, используемые в частных случаях, указывают нам на необходимые стороны, на которые надо обратить внимание, и учат тому, как распределить частные случаи на общей линии. Общие определения являются рабочими инструментами науки, показывающими нам дорогу, и от них нельзя отказаться. Однако эта важная черта общих определений не запрещает науке исследовать частные случаи.

Как и в рассматриваемом определении Гордона Чайлда, так и в других случаях, перед нами возникает еще один вопрос. Несмотря на распространение у нас одного единственного общего определения общества¹, мы встречаемся с несколькими общественными единицами. В этой ситуации существует проблема их разграничения.

Самой эффективной единицей измерения в этом случае может стать граница между общественными отношениями. Однако и здесь мы сталкиваемся с двумя проблемами.

Общества с самого начала вошли в разнообразные отношения между собой. Поэтому их отношения могут в свою очередь выходить за границу отдельного общества. Поэтому отсутствует возможность начертить границу общества посредством определения всех его возможных отношений. Опять же если мы примем их совокупность в качестве единицы измерения, то выстроить нечто целостное в этих рамках весьма затруднительно. Эти отношения включают в себя и войны между обществами. Войны же мы не можем принять за признак целостности². В этой ситуации поначалу нам нужно отделить отношения внутри общества от отношений между различными обществами. И все же в самом обществе существуют социальные группировки, ограниченные определенными отношениями. Чтобы различить общественную целостность в среде межобщественных отношений и отношений общественных группировок, были предложены единицы измерения типа языкового союза. Однако эти единицы измерения в большинстве своем, можно даже сказать полностью, являются продуктом самого общества. Помимо того, чтобы объяснить общество посредством этих единиц измерений, необходимо обратиться к концепции общества, для того чтобы можно было бы пролить свет на основные их особенности.

Решение вышеназванных проблем возможно только с установлением важнейших отношений, придающих обществу отличительную особенность. К тому же различия, наблюдаемые в этих отношениях, можно назвать основополагающими особенностями общества.

Для того чтобы сделать это, можно взять два разных типа общества³, выявить существующие между ними различия и так как они будут определять два различных типа общества, прийти к выводу, что они являются теми основными отношениями, которые и определяют эти общества. Однако результат, полученный при сравнении

¹ Каким бы это определение не было, когда мы говорим о таком, которое охватывает общества с различными особенностями, то мы остаемся лицом к лицу с одной его разновидностью. Разновидность определений здесь никогда не станет причиной появления дифференциации обществ.

² Даже если в результате послевоенной оккупации такая целостность и достигалась.

³ Для этого нам необходимо принять то, что эти типы общества существовали и были известны ранее.

Англии и Америки, не будет таким же, как результат сравнения Англии и, к примеру сказать, Индии. Иначе говоря, для того чтобы можно было провести такое сравнение, необходимо заранее иметь возможность вынести решение о том, что сравниваемые сообщества являются разнотипными. В действительности же под сомнением находится сама возможность вынесения решения по вопросу, который исследуется. Эта проблема актуальна и для нас. Для того чтобы можно было осознать специфические особенности и место турецкого общества в общих определениях, необходимо найти единицы измерения, которые помогут идентифицировать турецкое общество и сопоставить его с другими.

Общество, в свете гипотезы, выдвинутой в рассматриваемом нами определении, находит свое выражение в разнообразных отношениях. Эти отношения проявляются в общественных событиях. Общественными событиями называются такие события, которые находят возможность проявления в социуме и служат индикатором различных отношений, содержащихся в определенных формах и границах, и смыслом, который само общество придает им. Общественные события разнообразны и необязательно должны охватывать все проявления деятельности общества. По этой причине, вместо того чтобы выносить суждение относительно всего общества, исходя из частных событий, будет более правильным проанализировать общественные события при помощи наших общих знаний о нем. Внедрение современной технологии требует определенной производственной организации. Может быть, исходя из этого, возможно будет вывести некоторые общие суждения¹. Однако нельзя упускать из внимания то, что качественное разнообразие, приобретенное в связи с применением одной и той же технологии, также очень важно.

Общественные события – это те события, которые сформировались в различных социальных условиях. Вопрос остается неизменным. Для того, чтобы мы могли квалифицировать какое-либо общество в рамках его же особенностей, нам необходимо знать его основные свойства, а, следовательно, и основное событие, влияющее на него.

Однако существует еще один вопрос, который нам нужно осветить. То, что социальные условия ограничивают общественные события, неоспоримо. Впрочем, мы также должны признать, что некоторые события наделяют эти условия различными свойствами. В противном случае нам необходимо будет признать существование некоторых абсолютных и независимых от событий, а, следовательно, неизменных священных условий, а также то, что общество не приключение, в которое втянуто человечество, а неизбежная судьба, которая с рождения присуща ему. Это же заставляет нас подчиняться установившемуся сегодня на земле балансу сил.

В противовес всем перечисленным выше трудностям при изучении западных обществ социология имеет больше шансов на успех. В большинстве случаев это и является основной причиной того, что социологические исследования, проводимые у нас, являются повтором проведенных на Западе и несут в себе его специфику. В результате постижения некоторых особенностей западного общества и собственно возникновения социологии на Западе появилась возможность обеспечить определение некоторых критериев в квалификациях западного общества. Точка зрения на то, что сегодня индустрия является главным фактором, определяющим Запад,

¹ Индустриальная страна и т. д.

имеет немало сторонников. Мы не настолько удачливы в этом вопросе, как Запад. Так как социология была привнесена к нам оттуда, то мы можем определять себя только с оглядкой на Запад. Мы обозначаем себя как общество, которое еще не осуществило индустриальную революцию. Это в свою очередь определяет нас не с положительной, а с отрицательной стороны, и в соответствии с теми качествами, которые не присутствуют, а отсутствуют у нас. Для того, чтобы эта политика стала действенной, нужно, по крайней мере доказать, что некоторые социальные события являются независимыми от общества, а также актуальны и абсолютны для всех типов обществ. Особенности индустриального развития, особенно не отличаются друг от друга. Какими бы ни были особенности, утверждается, что индустриализация не замедлит темп своего распространения, для того чтобы достигнуть доминирующего положения над всеми обществами. Однако нам будет трудно принять это мнение, если мы согласимся с тем, что общественные события в результате сложившихся исторических условий являются формами, состоявшимися как зависимость определенных социальных отношений от этих условий.

Вместе с признанием независимости некоторых общественных событий от исторических и социальных условий, перед нами возникают и другие вопросы. Главный из этих вопросов состоит в человеческом факторе.

Отношения в социуме происходят между индивидуумами. В конечном счете, главная составляющая общества – это личность. Индивидуум обязательным образом самовыражается в обществе и в отношениях, существующих в нем. Однако если можно себе представить определенные общественные события, независимые от обществ, то в равной степени нужно представить себе возможное существование людей и личностей, независимых от общества. С другой стороны, отрицание права личности на свободу и ограничение его действий только общественными устоями ставит под сомнение полезность социологических исследований. Потому что социология как наука не что иное, как способ правильно определить проблемы личности и воздействовать на нее. Главное здесь – полностью и верно определить существующую между обществом и индивидом связь¹.

Для определения этой связи были выдвинуты различные подходы. Эти подходы одновременно являются попытками дать подробную квалификацию общества. Их можно разделить на две основные группы, беря за основу индивида или социальную целостность.

Согласно *биологизаторской теории* в отношениях между индивидуумом и социумом главная роль отводится последнему. Как и следует из названия теории, роль личности ничем не отличается от функции, выполняемой тем или иным органом в живом организме. В структуре общества индивидуум является вторым по значимости элементом, обязанным подчиняться его правилам. Общество ограничивает индивидуума со всех сторон. Общество существует, сообразуясь со своими собственными целями, а не с интересом отдельного индивидуума, состоящего в нем. Согласно этому подходу, общественное сознание неравноценно ни индивидуальному сознанию, ни простой сумме индивидуальных сознаний всех его членов.

¹ Связь между индивидуумом и обществом.

Согласно же теории общественного договора, общество является системой, основанной на договорах¹, заключенных с определенными целями, как индивидами между собой, так и между народом и государством. Основная роль в этой теории отводится индивидууму. Общество представляет собой серию отношений, в которые вступают между собой люди при определенных условиях, руководствуясь при этом свободой воли. Люди существуют на земле автономно, продолжая свой род. В этом существовании они нашли свое "я". Однако в отношениях с природой они повстречались с различными трудностями. И к вере в то, что они смогут преодолеть эти трудности сообща, они также пришли в результате своей свободной воли. Индивидуум сознательно отказывается от личной свободы и преимуществ свободного существования в пользу совместного преодоления трудностей. Общество было образовано как результат независимых осознанных действий отдельных личностей. Помимо этого, нам не следует придавать и обществу независимое существование. Однако здесь, конечно же, невыясненным остается вопрос, где человек, выступающий как отдельная личность, сможет найти союз или государство, с которым он сможет заключить так называемый общественный договор.

Как становится очевидно, каждый из двух подходов вступает в действие при противопоставлении личности и общества друг против друга. Отношения между индивидуумами и обществом настолько запутаны, что это едва не доводит ситуацию до взаимного конфликта. Помимо этого в противостоянии подобного типа место и роль человека в обществе не поддаются никакому объяснению.

Продолжение статьи см.: «Вестник ВЭГУ». 2018. № 5 (97).

¹ Эта теория не объясняет, откуда и как появилось государство.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

УДК 347.426.42 (470) (091)

В.Р.Исламова

Периодизация становления и развития института морального вреда в отечественном праве

В статье предложена авторская периодизация становления и развития института морального вреда в отечественном праве. Проведен краткий обзор становления рассматриваемого института, выделено в его развитии шесть этапов, дана краткая характеристика каждого из них.

Ключевые слова и фразы: моральный вред; честь и достоинство; обида; оскорбление; клевета; ответственность; периодизация; генезис.

V.R.Islamova

Periodization of the Formation and Development of the Institution of Moral Harm in the Domestic Law

The article proposes the author's periodization of the formation and development of the institution of moral harm in the domestic law. It carries out a brief survey of the formation of the institution under review, identifies six stages in its development, and gives a brief description of each of them.

Key words and phrases: moral harm, honor and dignity, offence, insult, slander, responsibility, periodization, genesis.

Отдельные исследования (Е.А.Михно, А.М.Эрделевский, А.Т.Табунщиков, А.В.Шичанин, С.М.Воробьев, Г.Г.Горшенко, Е.Н.Гриценко, В.С.Романов и т. д.), посвященные ответственности за причинение морального вреда, не ставили вопрос о периодизации исторического развития данного правового института, ее практической значимости для современной правовой жизни, хотя она является одной из важнейших задач историко-правовых исследований.

По мнению М.А.Кожевиной, чтобы понять специфику внутреннего развития того или иного исторического процесса, необходимо выявить множественность временных потоков, выделить структуру каждого периода, его особенности, взаимосвязи и взаимодействие фактов, указывающих как на его противоречивость, так и на смысловую завершенность [1, с. 430].

Ответственность за моральный вред обладает высокой преемственностью, так как неразрывно связана с защитой от посягательств на жизнь, здоровье, честь и

Исламова Венера Равильевна, адъюнкт Уфимского юридического института МВД России, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: prav_mvд@mail.ru

© Исламова В.Р., 2018

достоинство человека. Исторически данная ответственность рассматривалась как нравственная норма, защищающая честь и достоинство и нашедшая отражение в обычном, религиозном и позитивном праве.

Вплоть до конца XX века понятие «моральный вред» в отечественной правовой мысли не использовалось, однако нормативное правовое регулирование и правовая практика возмещения нематериальных благ все же существовали. Эти обстоятельства оказали большое влияние на развитие законодательства, регулирующего институт морального вреда.

На наш взгляд, можно выделить шесть этапов в процессе становления института морального вреда.

Первый этап (X–XV вв.). Институт морального вреда характеризуется отражением религиозно-нравственной ответственности за обиду, оскорбление и бесчестие.

Впервые нормативное правовое регулирование ответственности за моральный вред можно усмотреть в договорах, заключенных между Византией и Великим князем Олегом в 911 году, а также князем Игорем в 945 году. Договоры предусматривали денежную компенсацию за причинение физических страданий, за имущественный вред, за причиненную обиду и оскорбление, а кратность возмещения вреда служила основой для восстановления справедливости.

Правоприменительная практика привлечения к ответственности за нанесенные оскорбление и обиду послужила основой для включения в текст Русской правды (X–XI вв.) [2, с. 90]. Именно этот исторический памятник Древней Руси определял, что вира, установленная за убийство, носила сословный характер (80 гривен – убийство боярина или знатного господина, 40 гривен – жизнь свободного гражданина, 12 гривен – раба), штрафы за нанесенные телесные повреждения имели целью не только наказание виновных имуществом, но и сглаживание нанесенной обиды, восстановление чести.

Договор с немцами 1195 г. предусматривал за удар женщины штраф, равный вире за убийство свободного человека, и такого же размера вознаграждение потерпевшей [3, с. 69]. Взыскиваемое вознаграждение компенсировало нанесенное оскорбление чести и достоинства женщины.

Головщина или головничество (выкуп) выступает правовым инструментом ответственности как материального, так и морального вреда (обиды). Судебник Ивана III (1497 г.) определял, что убийца несет ответственность головщиной за счет собственного имущества. «Если же убийца не мог заплатить головщину родственникам убитого, он уже не выдавался им “головой”, а был обречен находиться в “казни и продаже боярину или дьяку”» [4, с. 93]. Особое место занимала плата за бесчестье (оскорбление бранным словом и побой), которая зависела от сословия и общественного положения потерпевшего [5, с. 77–78].

«Русский кодекс» Ярослава Мудрого (XV в.) устанавливал ответственность в виде взысканий за бесчестье (повреждение бороды, усов), обиды, компенсируя потерпевшему нравственные страдания.

В Псковской судной грамоте, памятнике XIV–XV вв., имелись нормы (ст. 58, 111), предусматривающие обязательства по выплате потерпевшему денежной компенсации в случае причинения вреда нематериальным благам (честь и достоинству).

Таким образом, проанализировав нормы отечественного права X–XV вв., можно отметить, что существовала ответственность в виде выплаты денежной ком-

пенсации потерпевшему в случае причинения вреда нематериальным благам, выраженного в нанесении обиды, оскорблении чести и достоинства.

Второй этап (XVI–XVII вв.). В данный исторический период институт морального вреда получает развитие по привлечению к ответственности в рамках судебного процесса.

Данное развитие института морального вреда можно усмотреть в Судебнике Ивана IV (1550 г.), устанавливавшем возможность подачи искового заявления о компенсации за нанесенный вред нематериальным благам и регулирующем процессуальные аспекты.

«Литовские статуты» 1529, 1566, 1588 гг. предусматривали ответственность в виде выплаты денежной компенсации потерпевшему в случае причинения морального вреда, выраженного в обиде и бесчестье.

В Соборном Уложении 1649 года, содержавшем консолидацию норм уголовного, гражданского, процессуального права, в качестве основного вида наказания убийцы выступала смертная казнь, а в качестве компенсации устанавливалось «взыскание в казну половины имущества убийцы, вторая половина имущества передавалась жене, детям и роду убитого» [6, с. 264]. Уложение расширило границы компенсации морального вреда, выражающегося только в физических страданиях и обидах, включив оскорбление чести, клевету, распространение порочащих слухов. Суммы, подлежащие взысканию за нарушения чести и достоинства, зависели не только от принадлежности к сословию, «но и от его чина, звания и должности» [3, с. 71].

С учетом вышеизложенного разделяем мнение М.В.Владимирского-Буданова о том, что «честь как личное достоинство не обнаруживается ничем в уголовных кодексах; но в судебных актах в обозначении того, какие именно слова считались оскорбительными, можно уловить присутствие и этого понятия; вообще оскорбление могло заключаться или в простой брани, или в ненадлежащем обозначении отчества и фамилии, или в названии “мало породным”, уменьшительным титулом или “неслугой”» [7, с. 319].

Третий этап (XVIII–начало XIX вв.). Данный период ознаменован законотворчеством, направленным на систематизацию отечественного законодательства, и формированием процессуального права.

Принятый «Артикул воинский 1751 г. – это частью немецкое, частью шведское законодательство, взятое без всякого разбора пригодности его для русской земли» [3, с. 72] рассматривал причиненный моральный вред (клевету, оскорбление) как преступление против чести и достоинства. Как отмечал С.А.Беляцкий, «с течением времени, когда начала усиливаться центральная государственная власть, государство стремилось к тому, чтобы взять в свои руки защиту чести своих граждан и создавало уголовные наказания для оскорбителей» [8, с. 37].

В частности, сборник законов «Права, по которым судится малороссийский народ» 1743 г., «Манифест о поединках», изданный в 1787 г., устанавливали, чтобы при нанесении «обиды тяжкой» предъявлять в суд «иск уголовный», «обиды» – «иск гражданский» [9, с. 182].

Гражданско-правовые отношения «обиды» регламентировал Свод законов гражданских 1832 года, а именно ст. 667, предусматривающая судебское усмотрение при привлечении к ответственности за моральный вред в диапазоне от 1 до 50 рублей. Необходимо отметить, что на развитие отечественной юриспруденции, в

том числе и института морального вреда (отличающегося многовековым отставанием от европейской науки), на данном этапе оказывают влияние принципы западно-европейского права (данный аспект детально рассматривал Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом : в 2 т. СПб., 1862. Т. 1.).

Глава вторая «О наказаниях» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года устанавливала, что «виновные в преступлении, причинившем кому-либо убытки, вред или обиду, сверх наказания, к которому присуждаются, обязаны вознаградить за сей вред, убыток или обиду из собственного имущества по точному о сем постановлению суда» [10, с. 186].

Анализ исторических источников права указанного периода позволяет утверждать, что институт морального вреда получил новое развитие под влиянием европейского опыта, но с учетом имеющейся правовой основы. Г.Ф.Шершеневич отмечал этот факт, указывая: «Мы находимся в области естественного права, в той форме, как оно разрабатывалось германской и французской наукой» [11, с. 26].

Четвертый этап (середина XIX века– начало XX столетия) ознаменован активной законотворческой деятельностью, формируемой на основе правового опыта предшествующего периода, с учетом реформ в общественно-политической жизни страны.

Гражданское уложение от 21 марта 1851 г. (ст.ст. 574, 667–670, 693), содержащееся в десятом томе Свода законов Российской империи, отражало опыт формирования института морального вреда, выражающегося в платежах за бесчестие и нанесение личной обиды (от 1 до 50 рублей взамен уголовного наказания), а также в платежах за неправомерное осуждение и наказание по вине суда. Складывающаяся судебная практика подтверждала состоятельность данного института, разъясняя, что «вознагражден, быть может, вовсе не нравственный вред, а тот ущерб, те потери или убытки – имущественные, которые были последствием деяний, причинивших вред нравственный» [10, с. 28].

Реализация нормы судебной защиты «определения размера бесчестия» зависела полностью от усмотрения суда, который оценивал отношение обиженного к ответчику (решения Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената 1868 г. № 296 и от 1874 г. № 243).

В 1900 году был разработан проект Гражданского уложения Российской империи, статья 2626 которого закрепляла: «В случае причинения обезображения или телесного повреждения, равно как и в случаях лишения свободы или нанесения оскорбления, суд может назначить пострадавшему денежную сумму по своему усмотрению, принимая во внимание, была ли со стороны виновного обнаружена злонамеренность и другие обстоятельства дела, хотя бы пострадавший не понес никаких убытков. Право на получение такого вознаграждения не переходит к наследникам пострадавшего и не может быть уступлено другому лицу» [12, т. 2, с. 1294]. Однако, несмотря на прагматический характер данной нормы, проект так и не был воплощен в жизнь.

Данный период характеризуется противоречивыми взглядами ученых-правоведов. Вместе с тем институт морального вреда все же существовал в дореволюционном подсознании, а правоприменительная практика (в части судебной практики о размере компенсации морального вреда) отражает современное положение законодательства Российской Федерации.

Пятый этап (1917 г.–конец XX века). Неоднозначный этап развития института морального вреда, находящийся в большой зависимости от состояния внутриполитического правительственного курса. Советский этап можно разбить на 4 периода:

Первый период (1917 – 1921 гг.). Известные события 1917 года стали причиной временного отмирания института морального вреда, зародившегося и применявшегося в правовой системе Российской империи.

Разработанный очередной законопроект «Об обязательном праве» предусматривал возможность возмещения морального (нематериального) вреда (ст.ст. 22, 1201). Однако при всех несомненных достоинствах проекта, ему так и не суждено было приобрести юридическую силу в советском обществе, где партия большевиков (коммунистов) создавала все институты под флагом строительства бесклассового общества.

Второй период (1922 – 1934 гг.). В указанный период был принят Гражданский кодекс РСФСР 1922 года [12], ознаменовавший переход к новой экономической политике, основной задачей которой было регулирование имущественных отношений и заключаемых сделок с зарубежными партнерами. Основная форма возмещения заключалась в компенсации материального вреда. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года (ст. 44 о наказании в виде возложения обязанности загладить причиненный вред) давал основание для возмещения не только материального, но и морального вреда. Несмотря на критическое отрицание в научном сообществе морального вреда, Б.Утевский все же утверждал, что нормативно-правовые акты позволяют возмещать не только материальный, но и моральный вред. «В статье 403 Гражданского кодекса имущественный вред противопоставляется вреду, нанесенному личности. Нет никаких оснований ограничивать понятие личности только физической неприкосновенностью, поскольку данное понятие носит скорее нематериальный характер, более охватывая духовную сферу человека» [14, с. 1084].

Третий период (1938–1957 гг.). Законодательство и практика не признают имущественной оценки нематериальных благ и отрицают компенсацию в денежном эквиваленте в случае их нарушения, полагая, что «Имущественное возмещение неимущественного вреда, который, по существу представляет собой перевод на деньги таких благ, как жизнь, здоровье, честь, творческие достижения человека, несовместимо с основными мировоззрениями социалистического общества, с его высоким уважением к личности человека» [15, с. 24]. По мнению многих советских правоведов, возможность реализации своего права на возмещение морального вреда могла привести к получению нетрудового дохода, как следствие, к тунеядству, а также к сутяжничеству.

Вместе с тем это не препятствовало использованию норм зарубежного законодательства о компенсации морального вреда при предъявлении советскими гражданами исков к иностранным юридическим и физическим лицам [16, с. 74].

Социалистическое противостояние компенсации морального вреда можно наблюдать даже в Юридическом словаре 1956 года, где подчеркнуто: «Денежное возмещение неимущественного (т. н. морального) вреда, унижающее достоинство советского человека, согласно действующему законодательству не имеет места» [17, с. 123].

Четвертый период (1958–1990 гг.). В Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 (ст. 24) и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года (ст. 53) впервые законодатель использовал термин «моральный вред», что автоматически признавало право потерпевшего на компенсацию нематериальных благ. Однако в научном сообществе по-прежнему продолжают бесконечные споры о недопустимости компенсации морального вреда в нашей стране, несмотря на то, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» не исключал возможность принятия судом решения о возмещении имущественного и морального вреда, причиненного гражданину незаконным привлечением его к уголовной ответственности и незаконным применением к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе в случаях, когда органом предварительного расследования, прокурором или судом не принято решение о полной реабилитации подозреваемого или обвиняемого (определение Конституционного суда РФ от 21.04.2005 г. № 242-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гуриновича Александра Александровича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и второй статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»).

Закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации» закрепил право на возмещение морального вреда в денежной форме, но содержание понятийного аппарата до конца раскрыто не было.

Данный период становления института морального вреда сыграл важную роль, меняясь в зависимости от политических приоритетов Российского государства, а также в некоторой степени под влиянием международных стандартов – все это означало наступление нового этапа в развитии института морального вреда.

Шестой этап (рубеж XX–XXI вв. – настоящее время). Прогрессивным шагом было принятие российскими законодателями Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, утвержденных Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г., где статья 131 впервые раскрывала определение морального вреда как «физические и нравственные страдания».

После официального признания института морального вреда данная норма была включена в значительное количество нормативных правовых актов, порождающих право на возмещение морального вреда. В целях толкования и единообразного применения норм института морального вреда было опубликовано постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», применяемое судами по сей день.

С введением в действие 1 января 1995 г. части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ термин «возмещение морального вреда» был заменен на «компенсацию морального вреда» в силу того, что вышеуказанные нормативные правовые акты определяли денежное компенсирование. Введенная в действие с 1 марта 1996 года часть вторая Гражданского кодекса Рос-

сийской Федерации определила «§ 4. Компенсация морального вреда» как правовую основу института морального вреда.

Таким образом, в дореволюционном периоде истории отечественного права прослеживается развитие института морального вреда, выраженное в личной обиде, вине, головщине, бесчестье. Однако на разных этапах государство по-разному оценивало компенсацию вреда нематериальным благам человека (чести и достоинству), принимая за основу оценочный фактор – принадлежность к сословию, должности, чину и пол человека. Правоприменительная практика Российской империи придерживалась судебного усмотрения при определении размера компенсации морального вреда.

Законодательство советского периода для становления института морального вреда является двойственным: с одной стороны, Конституции РСФСР защищали нематериальные блага советского гражданина, а с другой – «социалистическое правосознание» воспринимало компенсацию морального вреда как чуждое правовое регулирование, «унижающее честь и достоинство советского гражданина». Впервые о праве на денежное возмещение морального вреда (нравственных переживаний) указало уголовное законодательство страны.

Принципиально новый подход, научно-исследовательская деятельность ученых-юристов позволили заложить методологическую основу института морального вреда. Развиваясь как межотраслевой институт, нормы права, позволяющие компенсировать моральный вред, были включены в значительное количество нормативных правовых актов России. Судебная практика движется по пути удовлетворения исков о компенсации морального вреда. Однако дальнейшее развитие института морального вреда будет связано с внесением изменений в законодательство, регулирующее институт морального вреда, в целях устранения назревших пробелов и проблем, как в теоретической, так и в правоприменительной практике.

Список использованных источников

1. Кожевина М.А. Предпосылки зарождения отечественной юридической науки как социального института // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 3. С. 430–459.
2. Отечественное законодательство XI–XX веков : пособие для семинаров. Часть I (XI–XIX вв.) / под ред. О.И. Чистякова. М. : Юристъ, 1999. 464 с.
3. Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики. СПб., 2003. 254 с.
4. Бородин С.В. Проблема возмещения ущерба за умышленные убийства // *Государство и право*. 1994. № 4. С. 93–102.
5. Ланге Н.И. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и половины XVII веков). СПб., 1884. 77–78 с.
6. Томеншов В.А. Соборное уложение 1649 года. Текст с комментариями. Л., 1987. 264 с.
7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д, 1995. 319 с.
8. Беляцкий С.А. Возмещение морального (нематериального) вреда. СПб., 1913. 37 с.
9. Хрестоматия по истории России. М., 2004. 182 с.
10. О вознаграждении за вред и убытки, последовавшие от деяний, не признаваемых ни преступлениями, ни проступками. (Опыт комментария по решениям Кассационного Совета к X Св.Зак.Гр). Владимир : Тип. Губ. Правления, 1882. 28 с.
11. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. 26 с.

12. Проект Гражданского Уложения с объединениями, извлечениями из трудов Редакционной Комиссии и с приложениями законопроекта об авторском праве, одобренного Государственной Думой. Т. 2. СПб., 1910. 1294 с.
13. Гражданский кодекс РСФСР от 3 октября 1922 г. // Собрание Узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
14. Утевский Б. Возмещение неимущественного вреда как мера социальной защиты // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 35. 1084 с.
15. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и необоснованного обогащения. М., 1951. 24 с.
16. Исламова В.Р. Развитие института возмещения вреда в период формирования советского государства // Октябрь 1917 года: революция или переворот? : материалы Международной научной конференции, 31 октября 2017. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2017. 112 с.
17. Юридический словарь : в 2 т. / гл. ред. П.И. Кудрявцев. 2-е изд. М., 1956. Т 1. 123 с.

References

1. Kozhevina M.A. Predposylki zarozhdeniya otechestvennoj yuridicheskoy nauki kak social'nogo instituta // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2015. № 3. S. 430–459.
2. Otechestvennoe zakonodatel'stvo XI–XX vekov : posobie dlya seminarov. CHast' I (XI–XIX vv.) / pod red. O.I. CHistyakova. M. : YUrist", 1999. 464 s.
3. Nurkaeva T.N. Lichnye (grazhdanskije) prava i svobody cheloveka i ih ohrana ugodovno-pravovymi sredstvami: voprosy teorii i praktiki. SPb., 2003. 254 s.
4. Borodin S.V. Problema vozmeshcheniya ushcherba za umyshlennye ubijstva // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 4. S. 93–102.
5. Lange N.I. Drevnee russkoe ugodovnoe sudoproizvodstvo (XIV, XV, XVI i poloviny XVII vekov). SPb., 1884. 77–78 s.
6. Tomenshov V.A. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst s kommentariyami. L., 1987. 264 s.
7. Vladimirskij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. Rostov-n/D, 1995. 319 s.
8. Belyackin S.A. Vozmeshchenie moral'nogo (nematerial'nogo) vreda. SPb., 1913. 37 s.
9. Hrestomatiya po istorii Rossii. M., 2004. 182 s.
10. O voznagrazhdenii za vred i ubytki, posledovavshie ot deyanij, ne priznavaemyh ni prestupleniyami, ni prostupkami. (Opyt kommentariya po resheniyam Kassacionnogo Soveta k X Sv.Zak.Gr). Vladimir : Tip. Gub. Pravleniya, 1882. 28 s.
11. SHershenevich G.F. Nauka grazhdanskogo prava v Rossii. Kazan', 1893. 26 s.
12. Proekt Grazhdanskogo Ulozheniya s ob"edineniyami, izvlecheniyami iz trudov Redakcionnoj Komissii i s prilozheniyami zakonoproekta ob avtorskom prave, odobrennogo Gosudarstvennoj Dumoj. T. 2. SPb., 1910. 1294 s.
13. Grazhdanskij kodeks RSFSR ot 3 oktyabrya 1922 g. // Sobranie Uzakonenij RSFSR. 1922. № 71. St. 904.
14. Utevsij B. Vozmeshchenie neimushchestvennogo vreda kak mera social'noj zashchity // Ezhednevnik sovetskoj yusticii. 1927. № 35. 1084 s.
15. Flejshic E.A. Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i neobosnovannogo obogashcheniya. M., 1951. 24 s.
16. Islamova V.R. Razvitie instituta vozmeshcheniya vreda v period formirovaniya sovetskogo gosudarstva // Oktyabr' 1917 goda: revolyuciya ili perevorot? : materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 31 oktyabrya 2017. Ufa : Ufimskij YUI MVD Rossii, 2017. 112 s.
17. YUridicheskij slovar' : v 2 t. / gl. red. P.I. Kudryavcev. 2-e izd. M., 1956. T 1. 123 s.

УДК 316.34

В.В.Костенко

Особенности протестной деятельности молодежных общественных организаций в регионах Центрального федерального округа России на современном этапе процесса общественного развития

В статье представлен обзор становления и развития социологических исследований протестной деятельности молодежных общественных организаций. Автором дается анализ проведенного исследования протестной деятельности молодежных общественных организаций на примере Центрального федерального округа Российской Федерации. Выявлены территории (регионы), в которых молодежные общественные организации являются наиболее активными, изучена их динамика, проведена классификация протестных акций.

Ключевые слова и фразы: молодежь, молодежные общественные организации, протестные действия, протестные акции, уровень протестной деятельности.

V.V.Kostenko

Features of Protest Activity of Youth Public Organizations in the Regions of the Central Federal District of Russia at the Present Stage of Social Development

The article presents an overview of the formation and development of theoretical research of protest activities of youth public organizations. It studies the protest activity of youth public organizations using the experience of the Central Federal District of the Russian Federation. The constituent entities in which youth public organizations are the most active have been identified, their dynamics have been studied, and a classification of protest actions has been carried out.

Key words and phrases: youth, youth public organizations, protest activity, protest actions, level of protest activity.

В разные исторические этапы развития социологической мысли в России исследования протестной деятельности молодежных общественных организаций (далее – МОО) по своему характеру имели особенности [1]. В конце 70-х–начале 80-х годов прошлого века в стране начались первые попытки исследования молодежных групп, таких как: дворовые спортивные команды, сообщества туристов, музыкальные самодетельные коллективы и других. В.Т.Лисовским [2], Е.Г.Левановым [3], авторским коллективом под руководством В.И.Чупрова (Ю.А.Зубок, А.В.Кинсбургский, Л.А.Коклягина, В.В.Семенова, М.Н.Топалов) и другими исследователями также проводились различные исследования молодежных сообществ [4]. Большое значение для анализа исследуемого феномена имеют труды В.В.Костюшева [5] и

Костенко Валерий Валерьевич, соискатель кафедры социологии и информационных технологий Среднерусского института управления (Филиал РАНХиГС), г. Орел; конт. инф.: veldinc@gmail.com

© Костенко В.В., 2018

других отечественных исследователей, посвященные практике российских общественных движений конца 80-х – начала 90-х гг.

С конца 80-х годов российские социологи начинают осваивать и применять в своих исследованиях западные социологические теории. Такие исследователи, как Г.Г.Дилигенский [6], Е.А.Здравомыслова [7] и другие опубликовали свои обзорные работы, посвященные опыту зарубежной социологии.

В 90-х годах появились первые попытки применения западных социологических теоретических и методологических подходов: с точки зрения теории коллективного поведения исследовали вновь возникающие молодежные общественные движения Г.Л. Кертман [8] и А.В.Кинсбургский совместно с М.Н.Топаловым [9]; теорию мобилизации ресурсов использовали Л.А.Гордон и А.А.Темкина [10], О.Цепилова [11] и другие исследователи.

Как отмечают А.А.Темкина и Л.А.Гордон [10], использованию разных элементов западной социологии общественных движений в настоящее время не существует цельной теоретической альтернативы. Исследователи приходят к выводу, что использование понятийного аппарата, теоретических подходов и методов изучения, применяемых на Западе, может оказаться довольно продуктивным, несмотря на то, что модели, разработанные для одного общества, нельзя прямо, без адаптации, переносить на другое.

Отечественные специалисты, применяя западные социологические теории, исследуют следующие предметные области социологии общественных движений:

- протестная мобилизация в целом (ориентация на протест, мобилизация как цикл протеста, репертуар протеста, отдельные формы протеста);
- узлы мобилизации – отдельные движения (МОО); при этом внимание привлекают их цикл развития, участие, идеология, организационные формы, репертуар коллективных действий.

Дальнейшие исследования общественных движений в контексте политических и социальных трансформаций в СССР и России в 1990-х– 2000-х гг. были продолжены такими учеными, как Л.А.Гордон, Э.В.Клопов, В.Б.Пастухов [12], которые в своих работах анализируют состояние и механизмы формирования идеологии общественных движений, в том числе и МОО.

Среди работ, рассматривающих проблемы институционализации социальных субъектов в современной России, можно выделить труды В.Я.Нечаева [13], С.Г.Кирдиной [14], Т.И.Заславской [15], М.В.Ромма [16], Н.И.Лапина [17], Н.А.Скобелиной [18] и других.

Исследованиям актуальных проблем становления гражданского общества в современной России и эффективного функционирования его основных институтов, в том числе общественных объединений, посвящены труды З.Т.Голенковой [19], З.А.Даниловой [20], Е.Л.Здравомысловой [21], Е.Л.Омельченко [22].

Обширный эмпирический материал собран фондом «Общественное мнение» под руководством А.А.Ослона [23].

Гораздо менее развита в современной российской социологии проблематика, непосредственно связанная с деятельностью МОО, в том числе и протестной. Как правило, формальные молодежные организации рассматриваются учеными в сравнительно-историческом контексте (в работах В.М.Боковой, Н.И.Морозова [24]), либо в педа-

гогических исследованиях (С.С.Гиль, М.Г.Квитков [25]), а также при изучении государственной молодежной политики (Н.Т.Арефьева [26], И.Л.Савельев [27]).

В настоящий момент в России действует около 427 тысяч МОО и движений, которые достаточно широко представлены во всех субъектах РФ, что отражает неоднородность молодежи как особой социально-политической группы [28]. При этом количество МОО постоянно растет, на вопрос о членстве в МОО положительно отвечают около 12 % респондентов в возрасте 14–29 лет [29]. А лидерами по количеству действующих МОО закономерно являются Москва, Санкт-Петербург и другие города-миллионники, где представлены как международные, так и общероссийские, межрегиональные, региональные и местные МОО.

И как показали события последних лет, происходившие в различных странах мира, например, такие как «арабская весна» в странах Ближнего Востока, «цветные революции» в республиках бывшего СССР, акции «белоленточников» в России в 2011–2012-х годах и особенно кровавые события, произошедшие на Украине, начиная с государственного переворота февраля 2014 г., когда при открытой поддержке стран ЕС и США к власти пришли крайние националисты и откровенные последователи нацистов (бандеровцев), заканчивая трагическими событиями в Одессе, а впоследствии в Донецке и Луганске, именно молодежь и МОО различных радикальных и националистических направлений была их основной движущей силой.

Определенно высказался по этому вопросу Президент РФ В.В.Путин: «...Именно в молодежной среде лидеры экстремистских организаций пытаются вербовать своих последователей, вести свою пропаганду, прежде всего через мировую сеть Интернета. Идеология экстремизма набирает силу в виртуальном пространстве, причем набирает, буквально выстреливая в реальную жизнь...» [30].

В этих условиях анализ протестной деятельности МОО приобретает особую значимость для органов государственной власти и управления, призванных решать общие вопросы обеспечения безопасности государства и общества, а также для подразделений, занимающихся разработкой молодежной политики.

В своем исследовании протестной деятельности молодежных общественных организаций автором используется вторичный анализ данных таких статистических социологических служб, как Госкомстат РФ, ВЦИОМ, Левада-центр, а также проведенных НИР, исследовавших уровни социальной напряженности в регионах РФ [31], состояние протестного потенциала в регионах РФ [32] и его протестной активности. Кроме того, большой исследовательский материал был получен в ходе анализа открытых источников из Интернета [33]. При этом было проведено исследование всех протестных акций, инициаторами и (или) активными участниками которых были МОО. Это объясняется тем, что выделить протестные акции, в которых принимала участие исключительно молодежь и МОО не представляется возможным.

В то же время протестные акции, инициаторами и (или) активными участниками которых были МОО, составляют более 50 % всех протестов, проводимых в субъектах РФ, именно они зачастую относятся к наиболее резонансным проявлениям протестной деятельности. Например, события 11 декабря 2010 года, когда фанатские МОО в составе более пяти тысяч футбольных болельщиков и националистов устроили беспорядки на Манежной площади столицы, в процессе шествия в память о болельщике ФК «Спартак» Егоре Свиридове, застреленном в драке 6 декабря 2010 года. В результате этой акции пострадали 32 человека. Кроме того, это и широко освещаемое «Бо-

лотное дело», когда во время акции протеста «Марша миллионов» 6 мая 2012 года между активистами МОО «Левый фронт», других оппозиционных МОО и сотрудниками правоохранительных органов произошли массовые столкновения, имелись пострадавшие и был нанесен значительный материальный ущерб.

В процессе исследования автором было установлено, что за 2005–2015 гг. в Центральном федеральном округе РФ¹, охватывающим 17 субъектов (см. табл.), состоялось 2014 различных протестных акций, инициаторами и (или) активными участниками которых выступали МОО, что составляет 23,3 % от общего количества проведенных акций протеста.

**Численность взрослого населения и молодежи,
их соотношение по субъектам ЦФО РФ, на 01.01.2016 г.**

Субъекты ЦФО (без г. Москва)			
Наименование	Численность постоянного населения, тыс. чел. на 1 января 2016 г.	Численность населения в возрасте 14–30 года, тыс. чел. на 1 января 2016 г.	Соотношение молодежи и численности взрослого населения
Белгородская область	1549,6	352016	22 %
Брянская область	1225,8	194568	15,8 %
Владимирская область	1396,9	227539	16,2 %
Воронежская область	2333,7	436500	18,7 %
Ивановская область	1029,8	184926	17,9 %
Калужская область	1009,7	176467	17,4 %
Костромская область	651,5	103196	15,8 %
Курская область	1119,5	176856	15,8 %
Липецкая область	1156,1	185146	16 %
Московская область	7312,4	1500	20,5 %
Орловская область	759,1	136266	17,9 %
Рязанская область	1129,8	199839	17,7 %
Смоленская область	959,1	154856	16,1 %
Тамбовская область	1050,4	180304	17,2 %
Тверская область	1304,1	201568	15,5 %
Тульская область	1506,5	252454	16,8 %
Ярославская область	1271,8	189652	14,9 %

Как уже отмечалось, не представляется возможным в общем числе акций протеста социально-политического характера выделить чисто молодежные, хотя в

¹ Без г. Москва.

силу своей молодости, критичного отношения к действительности, присущей большей активности, молодежи свойственно стремление к протесту в сравнении с другими возрастными категориями населения.

В связи с этим представляет интерес вопрос о соотношении в возрастной структуре населения регионов ЦФО РФ молодежи (см. табл. 1). Из данных, отраженных в таблице, видно, что доля молодежи в структуре населения выше в Белгородской, Воронежской, Орловской, Московской, Ивановской и Рязанской областях. Меньше в Ярославской, Брянской, Костромской и Курганской областях.

Возникает вопрос о том, как соотносятся между собой численность молодежи в регионе и ее протестная активность. Изучая этот вопрос, обратимся к динамике протестных акций, организованных с участием МОО в субъектах ЦФО РФ за 2005–2010 гг. (см. рис. 1) и за 2011–2015 гг. (см. рис. 2).

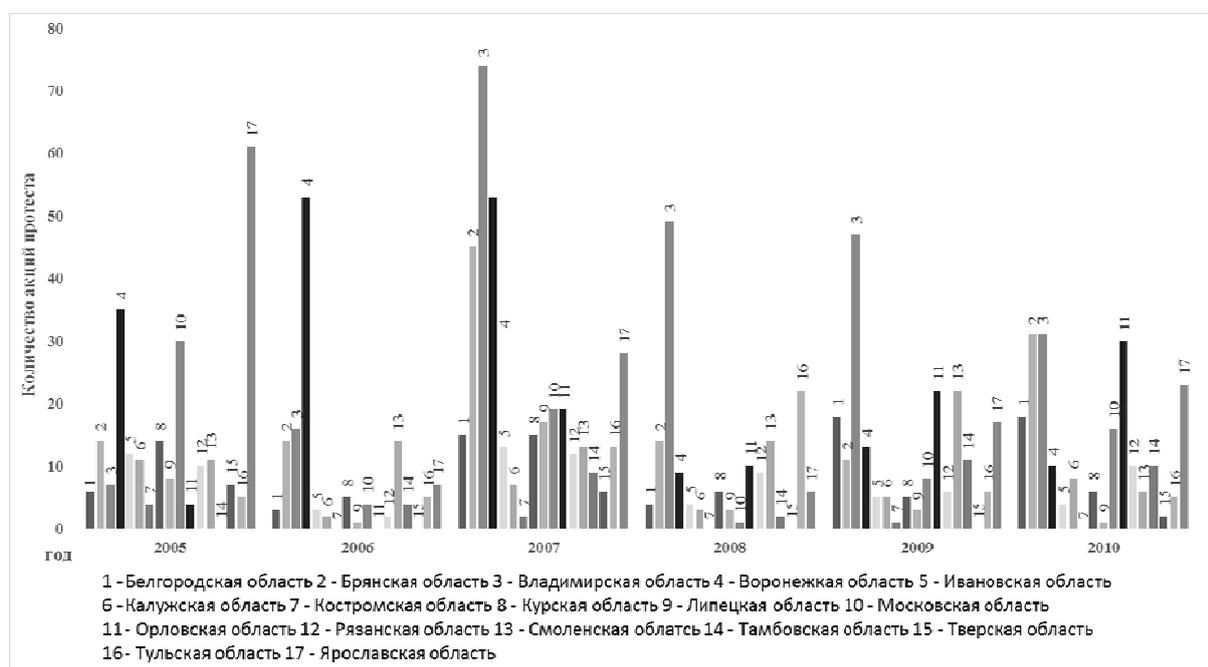

Рис. 1. Динамика количества протестных акций МОО в субъектах ЦФО за 2005–2010 гг.

В период 2005–2010 гг. сравнительно большим числом акций протеста отличались Владимирская область (329 акций), в которой, например, в 2007 г. прошли 74 подобные акции, Воронежская (204 акции), Брянская области (231 акция). За исключением Воронежской области в остальных регионах соотношение молодежи в возрастной структуре населения меньше. Следовательно, численность молодежи в регионе не являлась ведущим фактором ее протестной активности в этот период времени.

В период же с 2011 г. по 2015 г. (см. рис. 2) протестные акции МОО были заметнее в тех же Брянской и Владимирской областях. К ним добавились Московская, Орловская, Тульская области. В Московской и Орловской областях уровень молодежи в структуре населения был выше, чем в других регионах с повышенной протестной активностью молодежи.

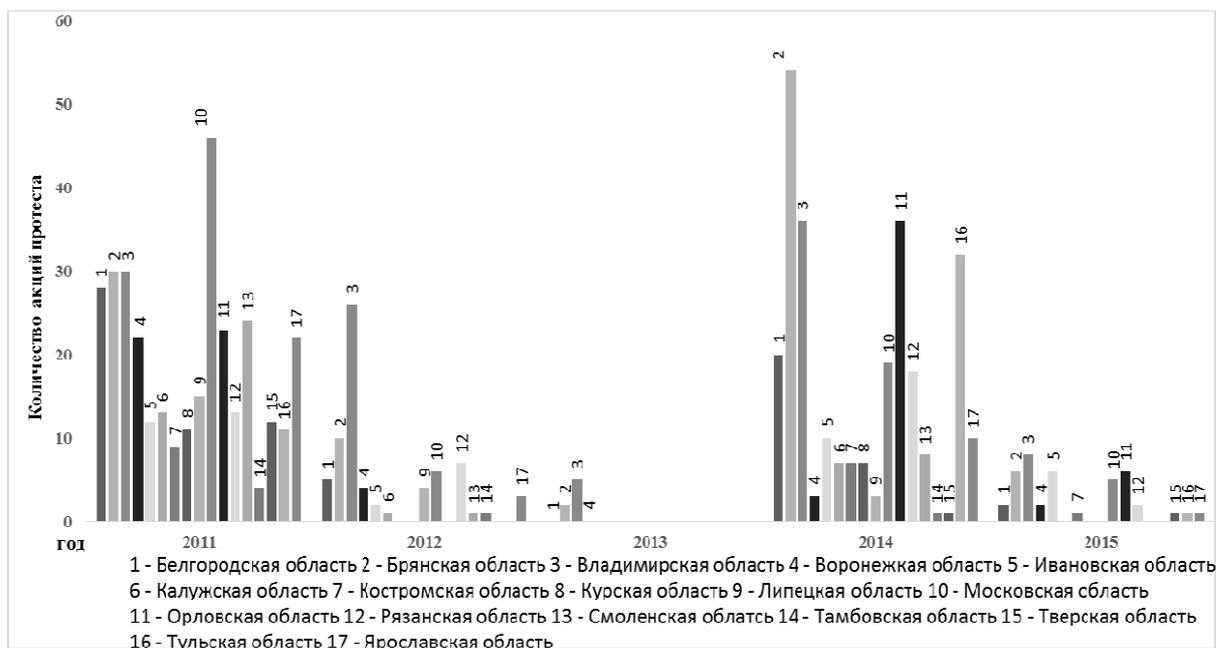

Рис. 2. Динамика количества протестных акций МОО в субъектах ЦФО за 2011–2015 гг.

Таким образом, исследование не подтвердило названную выше предполагаемую зависимость уровня молодежного протеста и численностью молодежи в структуре населения относительно всех рассмотренных регионов. Здесь имеет место детерминирующее действие факторов социально-экономического и политического характера, которые, как свидетельствует практика, могут оказать существенное влияние на молодежь.

Изучение динамики протестных акций МОО позволяют сделать вывод, что пики интенсивности протестных акций МОО приходятся на 2007 и 2014 годы. И если, как показывают исследования, протестная активность 2007 года объясняется совпадением с электоральным циклом и выборами в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, то в 2014 году протестная деятельность была вызвана острой дискуссией в обществе по вопросам возвращения в состав России Крыма, трагическими событиями на Донбассе и различным отношением к событиям, происходящим на Украине.

В 2013 и 2015 годах в протестной деятельности МОО зафиксирован общий спад, что объясняется усталостью общества и молодежи в том числе, а также желанием консолидировать силы и объединить сторонников на будущее.

Общая численность принявших участие в протестных акциях МОО составила 852 725 человек. Наибольшее количество участников протестных акций МОО за исследованный период отмечено в Московской области (132337 человек), Воронежской (113010 человек) и Брянской (81443 человека) областях (см. рис. 3, 4).

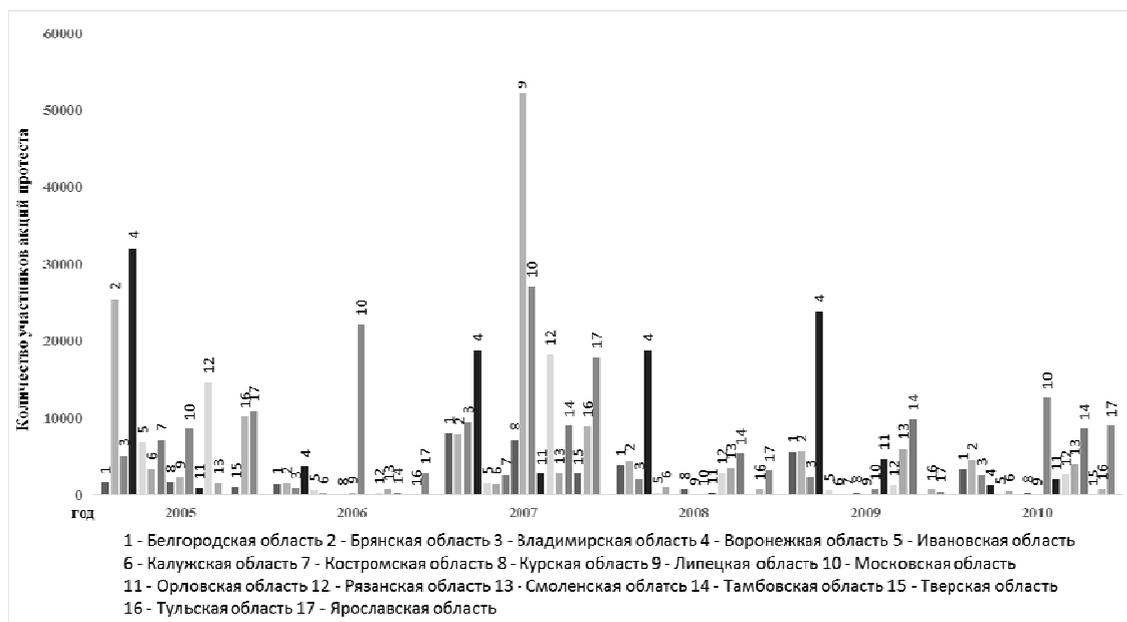

Рис.3. Динамика участия в протестных акциях МОО в субъектах ЦФО за 2005–2010 гг.

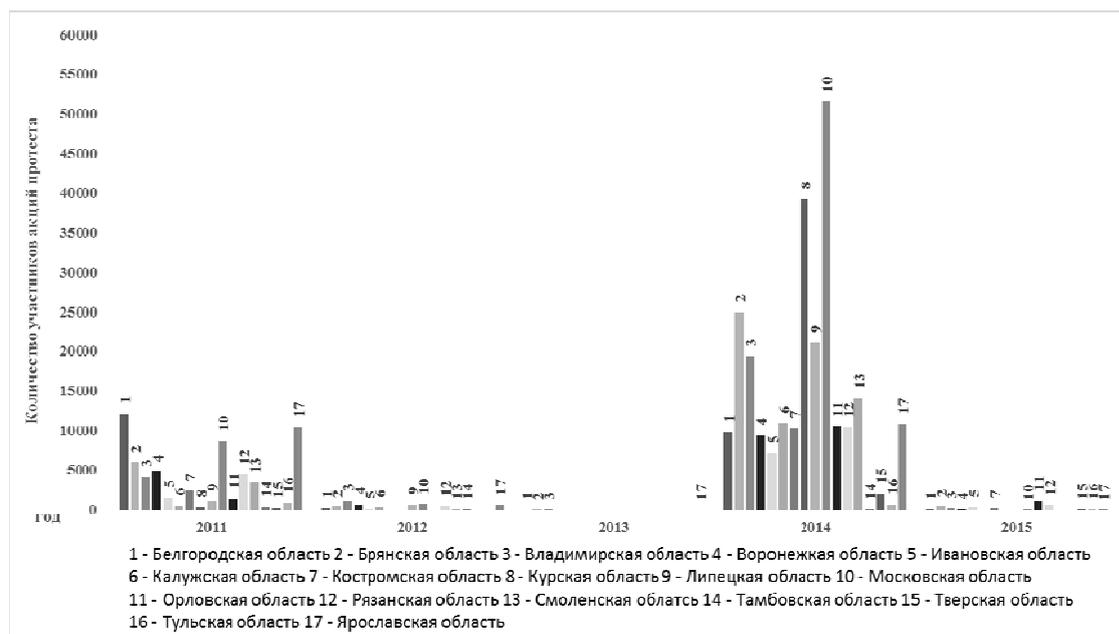

Рис. 4. Динамика участия в протестных акциях МОО в субъектах ЦФО за 2011–2015 гг.

Проведя анализ протестных акций, инициированных и (или) проводимых МОО за исследуемый период, автор установил, что по количеству санкционированных протестных акций выделяются Владимирская (300 акций), Брянская (186 акций), Воронежская (171 акция) области, а их динамика согласуется с прохождением пика интенсивности протестов и приходится на 2007 и 2014 годы.

Наибольшее количество несанкционированных акций МОО за исследованный период приходится на Брянскую (58 акций), Московскую (50 акций) и Воро-

нежскую (33 акции) области, при этом динамика показывает, что наибольшее их количество проводилось в 2011 году, что, по мнению автора, было вызвано обострением социально-политической обстановки в обществе накануне выборов Президента России, которые проводились в 2012 году.

В то же время наибольшее число мирных протестных акций МОО проходило во Владимирской (690 акций), Брянской (193 акции) и Воронежской (192 акции) областях в 2007 и 2014 году.

По количеству силовых акций, инициированных и (или) проведенных МОО за исследованный период, выделяются Московская (33 акции), Орловская (25 акций), Владимирская и Ярославская (по 20 акций) области, при этом их динамика вполне согласуется с динамикой проведения несанкционированных протестных действий и также указывает на 2011 год.

Таким образом, проведенная нами диагностика протестной деятельности МОО в ЦФО РФ позволяет сделать вывод о том, что эти организации являются активными участниками социально-политической жизни общества, они способны оказывать влияние на молодежь. Анализ поступающей в органы государственной власти и управления информации, отражающей протестную деятельность МОО, является важной составляющей управленческих решений, направленных на поддержку и развитие конструктивно действующих МОО и пристального контроля над деятельностью деструктивно направленных МОО. Своевременные управленческие решения, касающиеся молодежных общественных организаций, способствуют повышению устойчивости государства, развитию демократии и конструктивной самоорганизации молодежи, что, в свою очередь, является детерминантой развития гражданского общества.

Список использованных источников

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 108–117.
2. Лисовский В.Т., Иконникова С.Н. Молодежь о себе и о своих сверстниках. (Социологическое исследование). Л., 1969. 357 с. ; Лисовский В.Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Социс. 1998. № 5. С. 99–105.
3. Леванов Е.Г. Самодеятельные объединения, истоки и тенденции развития // Глобус. 1988. № 3. С. 92.
4. Молодежь России: социальный статус: серия из 6 выпусков / колл. авт. под рук. В.И. Чупрова. М., 1992. С. 110–115.
5. Костюшев В.В. Практики позиционирования молодежных групп в поле культуры и политики российского общества // Публичная политика: вопросы мягкой безопасности в Балтийском регионе / под ред. М.Б. Горного. СПб. : Норма, 2004. С. 163–174.
6. Дилигенский Г. (ред.) Массовые движения в демократическом обществе. М., 1990. 24 с.
7. Здравомыслова Е. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб. : Наука, 1993. 172 с.
8. Кертман Г.Л. Психологические предпосылки новых социальных движений // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 4. С. 6–18.
9. Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. Социодинамика массовых политических действий. М., 1992. 84 с.
10. Гордон Л., Темкина А. Рабочее движение в постсоциалистической России // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 43–57.

11. Доусон Дж., Цепилова О. Мобилизация экологического движения в Ленинграде // Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования. Кн. 1 / отв. ред. В.В. Костюшев. М. : ИС РАН, 1993. С. 32–48.
12. Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 1–2. М. : Эдиториал УРСС, 2000–2001.
13. Нечаев В.Я. Новые подходы в социологии образования. М., 2003. 65 с.
14. New systemic institutional approach for comparative political and economic analysis // Review of Radical Political Economy. 2013.
15. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. 15 с.
16. Ромм М.В. Социальная адаптация личности в России: опыт ретроспективного социально-философского анализа // Проблемы высшего технического образования. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 1996. Вып. 9. С. 28–38.
17. Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. № 3. С. 3–48.
18. Скобелина Н.А. Общественные движения в современном обществе: от теории к практике : монография. Волгоград : ВолгГТУ, 2010. 120 с.
19. Алисова Л.Н., Голенкова З.Т., Иванов В.Н. и др. Политическая социология. М. : МЫСЛЬ, 2000. 196 с.
20. Данилова З.А. Девиантное поведение в молодежной среде. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. 234 с.
21. Здравомыслова Е., Темкина А. Российский гендерный порядок: социологический подход : коллективная монография. СПб. : ЕУСПб, 2007. 21 с.
22. Omelchenko E. A new dimension of youth's cultural in Russia // Youth's cultural in Russia. Germany : Burchouse, 2006. 34–35 p.
23. Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/> (дата обращения 10.04.2018).
24. Бокова В.М. Русские общественные объединения первой трети XIX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 231 с. ; Морозова Н.И. Социальное воспитание и профессиональное самоопределение молодежи в современном российском обществе / С.И. Григорьев, Л.Г. Гусляков, Т.Н. Мартынова, Н.И. Морозова, Л.К. Синцова. Барнаул ; Кемерово: НП «АзБука», 2005. 219 с.
25. Квитков М. Г. Педагогические условия самореализации молодежи в общественных организациях : дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2000. 158 с.
26. Арефьева Н.Т. Прогнозирование и его социокультурные цели // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4. 34 с.
27. Савельев И.Л. Государственная молодежная политика в отношении студенчества в условиях современных социально-политических трансформаций российского общества: федеральный и региональный аспекты : дис. ... канд. соц. наук. Казань, 2000. 132 с.
28. Бобахо В.А. Современные тенденции молодежной культуры: конфликт или преемственность поколений? // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 56–66.
29. Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е годы) [Электронный ресурс]. URL: http://grant.rscf.ru/prjcard_int?14-18-02016 (дата обращения: 12.04.2018).
30. Президент России [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru/news/47045 (дата обращения: 18.04.2018).
31. Разработка методики комплексной оценки уровня социальной напряженности в регионах РФ, анализа факторов, определяющих протестный потенциал населения, и прогнозирования его протестной активности / (шифр «Мониторинг-Б»): научно-исследовательская работа. Орел : НИЦ ФСО России, 2007. С. 35–58.
32. Разработка методик и программных средств анализа и прогнозирования протестного потенциала населения в регионах Российской Федерации и его протестной активности / (шифр Мониторинг-ПА): научно-исследовательская работа. Орел : НИЦ ФСО России, 2008. С. 42–78.

33. Разработка программного средства информационной системы мониторинга протестной активности населения в субъектах Российской Федерации / (шифр «ИАС Реформы-протест»). Орел : НИЦ ФСО России, 2010. С. 12–56.

References

1. Zubok YU.A., CHuprov V.I. Stanovlenie i razvitie otechestvennoj sociologii molodezhi // Sociologicheskie issledovaniya. 2008. № 7. S. 108–117.
2. Lisovskij V.T., Ikonnikova S.N. Molodezh' o sebe i o svoih sverstnikah. (Sociologicheskoe issledovanie). L., 1969. 357 s. ; Lisovskij V.T. Dinamika social'nyh izmenenij (opyt sravnitel'nyh sociologicheskikh issledovanij rossijskoj molodezhi) // Socis. 1998. № 5. S. 99–105.
3. Levanov E.G. Samodeyatel'nye ob"edineniya, istoki i tendencii razvitiya // Globus. 1988. № 3. S. 92.
4. Molodezh' Rossii: social'nyj status: seriya iz 6 vypuskov / koll. avt. pod ruk. V.I. CHuprova. M., 1992. S. 110–115.
5. Kostyushev V.V. Praktiki pozicionirovaniya molodezhnyh grupp v pole kul'tury i politiki rossijskogo obshchestva // Publichnaya politika: voprosy myagkoj bezopasnosti v Baltijskom regione / pod red. M.B. Gornogo. SPb. : Norma, 2004. S. 163–174.
6. Diligenskij G. (red.) Massovye dvizheniya v demokraticeskom obshchestve. M., 1990. 24 s.
7. Zdravomyslova E. Paradigmy zapadnoj sociologii obshchestvennyh dvizhenij. SPb. : Nauka, 1993. 172 s.
8. Kertman G.L. Psihologicheskie predposylki novyh social'nyh dvizhenij // Rabochij klass i sovremennyy mir. 1990. № 4. S. 6–18.
9. Kinsburskij A.V., Topalov M.N. Sociodinamika massovyh politicheskikh dejstvij. M., 1992. 84 s.
10. Gordon L., Temkina A. Rabochee dvizhenie v postsocialisticheskoy Rossii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1993. № 3. S. 43–57.
11. Douson Dzh., Cepilova O. Mobilizaciya ehkologicheskogo dvizheniya v Leningrade // Sociologiya obshchestvennyh dvizhenij: ehmpiricheskie nablyudeniya i issledovaniya. Kn. 1 / otv. red. V.V. Kostyushev. M. : IS RAN, 1993. S. 32–48.
12. Poteri i obreteniya v Rossii devyanostyh. Istoriko-sociologicheskie ocherki ehkonomicheskogo polozheniya narodnogo bol'shinstva. T. 1–2. M. : EHditorial URSS, 2000–2001.
13. Nechaev V.YA. Novye podhody v sociologii obrazovaniya. M., 2003. 65 s.
14. New systemic institutional approach for comparative political and economic analysis // Review of Radical Political Economy. 2013.
15. Zaslavskaya T.I. Sovremennoe rossijskoe obshchestvo. Social'nyj mekhanizm transformacii. M. : Delo, 2004. 15 s.
16. Romm M.V. Social'naya adaptaciya lichnosti v Rossii: opyt retrospektivnogo social'nofilosofskogo analiza // Problemy vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya. Novosibirsk : Izd-vo NGTU, 1996. Vyp. 9. S. 28–38.
17. Lapin N.I. Krizisnyj socium v kontekste sociokul'turnyh transformacij // Mir Rossii. 2000. № 3. S. 3–48.
18. Skobelina N.A. Obshchestvennye dvizheniya v sovremennom obshchestve: ot teorii k praktike : monografiya. Volgograd : VolgGTU, 2010. 120 s.
19. Alisova L.N., Golenkova Z.T., Ivanov V.N. i dr. Politicheskaya sociologiya. M. : MYSL', 2000. 196 s.
20. Danilova Z.A. Deviantnoe povedenie v molodezhnoj srede. Novosibirsk : Izd-vo SO RAN, 2000. 234 s.
21. Zdravomyslova E., Temkina A. Rossijskij gendernyy poryadok: sociologicheskij podhod : kollektivnaya monografiya. SPb. : EUSpb, 2007. 21 s.
22. Omelchenko E. A new dimension of youth's cultural in Russia // Youth's cultural in Russia. Germany : Burchouse, 2006. 34–35 p.

23. Fond «Obshchestvennoe mnenie» [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/> (дата обращения 10.04.2018).
24. Bokova V.M. Russkie obshchestvennye ob"edineniya pervoj tretej XIX veka : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2001. 231 s. ; Morozova N.I. Social'noe vospitanie i professional'noe samoopredelenie molodezhi v sovremennom rossijskom obshchestve / S.I. Grigor'ev, L.G. Guslyakov, T.N. Martynova, N.I. Morozova, L.K. Sincova. Barnaul ; Kemerovo: NP «AzBuka», 2005. 219 s.
25. Kvitkov M. G. Pedagogicheskie usloviya samorealizacii molodezhi v obshchestvennyh organizacijah : dis. ... kand. ped. nauk. Omsk, 2000. 158 s.
26. Aref'eva N.T. Prognozirovaniye i ego sociokul'turnye celi // Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2010. № 4. 34 s.
27. Savel'ev I.L. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v otnoshenii studenchestva v usloviyah sovremennyh social'no-politicheskikh transformacij rossijskogo obshchestva: federal'nyj i regional'nyj aspekty : dis. ... kand. soc. nauk. Kazan', 2000. 132 s.
28. Bobaho V.A. Sovremennye tendencii molodezhnoj kul'tury: konflikt ili preemstvennost' pokolenij? // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2007. № 3. S. 56–66.
29. Zhiznennyj mir rossiyan i ehvoluciya form ih uchastiya v realizacii gosudarstvennyh i obshchestvennyh preobrazovanij (1990–2010-e gody) [Электронный ресурс]. URL: http://grant.rscf.ru/prjcard_int?14-18-02016 (дата обращения: 12.04.2018).
30. Prezident Rossii [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru/news/47045 (дата обращения: 18.04.2018).
31. Razrabotka metodiki kompleksnoj ocenki urovnya social'noj napryazhennosti v regionah RF, analiza faktorov, opredelyayushchih protestnyj potencial naseleniya, i prognozirovaniya ego protestnoj aktivnosti / (shifr «Monitoring-B»): nauchno-issledovatel'skaya rabota. Orel : NIC FSO Rossii, 2007. S. 35–58.
32. Razrabotka metodik i programmyh sredstv analiza i prognozirovaniya protestnogo potenciala naseleniya v regionah Rossijskoj Federacii i ego protestnoj aktivnosti / (shifr Monitoring-PA): nauchno-issledovatel'skaya rabota. Orel : NIC FSO Rossii, 2008. S. 42–78.
33. Razrabotka programmnoho sredstva informacionnoj sistemy monitoringa protestnoj aktivnosti naseleniya v sub"ektah Rossijskoj Federacii / (shifr «IAS Reformy-protest»). Orel : NIC FSO Rossii, 2010. S. 12–56.

УДК 378.016

А.И.Шевченко

Принципы отбора и организации межкультурной профессионально-ориентированной образовательной среды для формирования межкультурной компетенции у бакалавров неязыкового профиля

В данной статье рассматриваются теоретические вопросы проектирования межкультурной профессионально-ориентированной образовательной среды, предназначенной для формирования межкультурной компетенции у студентов-бакалавров. С этой целью выделена

Шевченко Анна Игоревна, аспирант кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам Вятского государственного университета, г. Киров; конт. инф.: malice_sky@mail.ru

© Шевченко А.И., 2018

совокупность принципов отбора и организации содержания компонентов среды, являющихся отражением современного состояния иноязычного образования и учитывающих личностные и субъектные характеристики взаимодействующих субъектов образовательного процесса. Результатом применения выделенных принципов стала модель межкультурной профессионально-ориентированной образовательной среды, один из компонентов которой представлен в статье.

Ключевые слова и фразы: межкультурная субкомпетенция; межкультурная профессионально-ориентированная образовательная среда; принципы отбора и организации среды.

A.I.Shevchenko

Principles of Selection and Organization of Intercultural Professionally Oriented Educational Environment for Formation of Intercultural Competence in Bachelors of Non-Language Profile

The article deals with the theoretical issues of designing an intercultural professionally oriented educational environment intended for the formation of intercultural competence among bachelor students. For this purpose, it singles out a set of principles for the selection and organization of the content of environmental components, reflecting the current state of foreign language education and taking into account the personal and subject characteristics of the interacting subjects of the educational process. The result of the application of the highlighted principles was the model of intercultural professionally oriented educational environment, one of the components of which is presented in the article.

Key words and phrases: intercultural subcompetence, intercultural professionally oriented educational environment, principles of selection and organization of the environment.

В соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО) и учебной программы по направлению подготовки 51.03.01 Культурология целью обучения является формирование у студентов совокупности общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных и профессионально-прикладных компетенций в таких сферах деятельности, как культурно-просветительская научно-исследовательская; организационно-управленческая; проектно-аналитическая; педагогическая и др. [1].

Предмет «Иностранный язык» способен внести вклад в формирование общекультурной компетенции (ОК-5), которая предполагает способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия при условии, что иноязычная коммуникативная компетенция, как цель обучения данной дисциплине в вузе, приобретет, с одной стороны, профессионально-ориентированный, а с другой – межкультурный характер. Именно названные характеристики позволят будущему специалисту-культурологу осуществлять успешное взаимодействие с представителями иной культуры в рамках указанных сфер профессиональной деятельности.

В связи с этим возникает необходимость формировать у обучающихся межкультурную субкомпетенцию (МС), непосредственно отвечающую за их способность участвовать во взаимодействии с коллегами-представителями иной культуры. Для успешного формирования МС в условиях неязыкового вуза нужно создать та-

кую образовательную среду, которая будет носить межкультурный и профессионально-ориентированный характер.

Межкультурный характер среды предполагает:

1) наполнение ее содержания языковым и речевым материалом межкультурной направленности, т. е. сведениями о феномене культуры, культурных универсалиях и историко-культурных аспектах как своей, так и изучаемой культур;

2) деятельностную организацию для овладения обучающимися содержанием языкового и речевого материала межкультурного характера в ходе выполнения речевых упражнений, направленных на усвоение и использование этого материала в ситуациях интеркультурного общения;

3) мотивационную направленность на последовательное развитие толерантности и адаптации к явлениям иноязычной культуры, эмпатического отношения к ее носителям.

Профессионально-ориентированные свойства среды проявляются:

1) в ее наполнении аутентичными текстами профессиональной направленности, содержащими профессиональную терминологию;

2) в деятельностной организации среды для осмысления, понимания и интерпретации ее участниками информации, полученной из таких текстов, в ходе выполнения речевых упражнений, направленных на ее последующее использование в ситуациях интеркультурного профессионально-ориентированного общения и на накопление профессионального тезауруса;

3) в мотивационной направленности на формирование у обучающегося устойчивого позитивного отношения к своей профессии и целостного представления о профессиональной деятельности, на творческое решение задач, связанных с профессиональными функциями будущего специалиста культуролога.

Такая межкультурная профессионально-ориентированная образовательная среда (МПОС), как мы показали в предыдущей статье, является единицей образовательного пространства и в связи с этим обладает всеми характеристиками, присущими ему [2, с. 113]. В данной статье мы поставили перед собой задачу представить принципы отбора и организации МПОС, предназначенной для формирования МС у обучающихся по направлению подготовки 51.03.01 Культурология.

Решение этой задачи начнем с характеристики образовательного пространства предмета «Иностранный язык» по указанному направлению подготовки, единицей которого и является МПОС. Для этого воспользуемся структурой образовательного пространства, предложенной Э.К.Самерхановой [3, с. 8]. Первой его составляющей является *ресурсный компонент* в совокупности информационных средств на бумажных и электронных носителях, выполняющих роль ресурсного оснащения образовательного пространства. С помощью данного компонента происходит предметное наполнение *информационного компонента*: а) языковыми знаниями и профессиональной информацией, б) способами обработки, преобразования и использования этой информации, ценностными ориентациями, установками и т. п.

Следующий *субъектно-деятельностный компонент* отражает связи и отношения его участников в составе преподавателя (П) и обучающихся (О) как равно активных, равноправных и равно ответственных субъектов иноязычного образовательного процесса [4, с. 46], а также условия их деятельности и взаимодействия для достижения результатов, зафиксированных в ФГОС ВО. И наконец, *процессуальный*

компонент включает образовательные процессы разного уровня, охватываемые иноязычным образовательным пространством. Именно из такого образовательного пространства происходит отбор содержания компонентов МПОС как его единицы и их организация на формирование МС у будущих культурологов.

Этот процесс осуществляется с учетом внешних и внутренних факторов. Первые из них включают: а) социальный заказ общества, отраженный в ФГОС ВО и реализуемый в УМК для дисциплины «Иностранный язык»; б) современный уровень развития методической науки, проявляющийся в нашем исследовании в совокупности межкультурного, компетентностного, личностно-деятельностного, проблемно-информационного, пространственно-средового и коммуникативно-когнитивного подходов.

Они вместе взятые определяют принципы первого уровня, отвечающие за отбор содержания компонентов МПОС, каковыми являются принципы *межкультурной и профессиональной направленности*, а также *информационной насыщенности*. *Принцип межкультурной направленности* требует: а) создания условий для подготовки обучающихся к выполнению роли субъекта диалога культур при осуществлении межкультурного профессионально-ориентированного взаимодействия; б) умения ориентироваться на развитие у обучающихся таких качеств, как культурная непредвзятость, эмпатия, толерантность, готовность к общению в инокультурной среде, речевой и социокультурный такт; в) отбора культуроведческих текстов и заданий, углубляющих представления обучающихся о современном поликультурном мире [5, с. 14].

Принцип профессиональной направленности говорит о необходимости: а) учета требований к результатам подготовки специалистов, которые предъявляются сферой их профессиональной деятельности, для обеспечения конкурентоспособности выпускников на рынке труда [6, с. 181]; б) актуализировать содержание материальных и виртуальных средств оснащения МПОС, а также методы, приемы и средства обучения для моделирования условий функционирования будущей профессиональной деятельности; в) формировать у обучающихся профессионально-значимые качества.

Принцип информационной насыщенности побуждает преподавателя осуществлять отбор таких материальных и виртуальных средств, которые могут обеспечить межкультурную и профессионально-ориентированную насыщенность содержания компонентов МПОС и создать условия для вовлечения информационных компонентов в профессиональную деятельность с целью формирования МС.

Если принципы первого уровня действуют главным образом при отборе содержания компонентов МПОС, то организация отобранного содержания на формирование МС осуществляется с учетом принципов второго уровня. При их выделении были приняты во внимание внутренние факторы, отражающие личностные и субъектные характеристики участников образовательного процесса, а также условия их взаимодействия в процессе формирования МС.

Так, *сравнительно-сопоставительный принцип* предполагает включение субъектов образовательного процесса в такое взаимодействие, которое обеспечивает: а) сравнение различных картин мира, их традиций и обычаев, а также историко-культурных аспектов как своей, так и изучаемой культур; б) установление причинно-следственных связей между явлениями родной и иноязычной культур [7, с. 98]; в) ин-

терпретацию культуроведческих и исторических фактов; г) определение отношения к полученной межкультурной информации, избегая ложных стереотипов и обобщений.

Принцип личностной и субъектной индивидуализации обуславливает успех взаимодействия преподавателя и обучающихся благодаря использованию такого содержания, а также приемов и средств обучения и учения, которые соответствуют профессиональным интересам, способностям и возможностям обучающихся. При этом во внимание принимаются такие личностные характеристики студентов, как интересы, мотивы, склонности, потребности в осуществлении межкультурного профессионально-ориентированного взаимодействия, руководствуясь эмпатией, толерантностью и этическими нормами, осознавая и принимая богатство и своеобразие других культур. Субъектные характеристики показывают, владеют ли обучающиеся способами осуществления познавательной, репродуктивной, творческой и эмоционально-ценностной деятельности, необходимыми для присвоения содержания МС в условиях межкультурного профессионально-ориентированного взаимодействия.

Принцип проблемно-информационной адекватности содержания и его организованности на решение межкультурных профессионально-ориентированных проблем в ходе активных взаимодействий участников иноязычного образовательного процесса. Данный принцип побуждает преподавателя: а) отбирать межкультурную профессионально-ориентированную информацию проблемного характера, отражающую разные точки зрения, и организовывать ее на решение речевых задач разной степени проблемности в рамках интеркультурных ситуаций; б) включать субъектов образовательного процесса в такие формы взаимодействия, которые требуют сотрудничества для успешного получения ожидаемого результата.

Применение описанной совокупности принципов позволило осуществить отбор содержания компонентов профессионально-ориентированной информационной образовательной среды и их организацию на формирование межкультурной субкомпетенции у студентов-бакалавров направления подготовки 51.03.01 Культурология, что нашло отражение в модели, один из компонентов которой, а именно предметно-операционный, представлен на рисунке ниже.

Вышеизложенное является подтверждением того, что для проектирования межкультурной профессионально-ориентированной информационной образовательной среды, предназначенной для формирования межкультурной субкомпетенции, необходимо принимать во внимание совокупность принципов отбора и организации, являющихся отражением внешних факторов, представляющих современное состояние иноязычного образования, и внутренних, учитывающих личностные и субъектные характеристики взаимодействующих субъектов образовательного процесса.

Предметно-операционный компонент	
Предметная часть	Операционная часть
Знания игра-, ино-, интер- культурного характера	Умения чтения, аудирования, говорения и письменной речи Умения профессиональных видов деятельности Универсальные учебные умения
Виды профессиональной деятельности (научно-исследовательская, культурно-просветительская и др.)	
Сферы иноязычного общения (межкультурная и профессиональная)	
Проблемы в соответствии со сферами общения	
Ситуации межкультурного профессионально-ориентированного характера	
Тексты игра-, ино- и интер-культурного характера	
Языковой материал (межкультурной направленности профессиональная терминология)	

Рис. Модель предметно-операционного компонента межкультурной профессионально-ориентированной информационной образовательной среды

Список использованных источников

1. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс] // ФГОС ВО по направлению подготовки 51.03.01 Культурология. URL: <http://fgosvo.ru/news/2/1573> (дата обращения: 05.06.2018).
2. Шевченко А.И. Создание информационной межкультурной профессионально-ориентированной среды при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей : сборник научно-методических трудов // Совершенствование преподавания иностранных языков в школе и вузе. Киров : ООО «Издательство Радуга-ПРЕСС», 2017. Вып. 19. С. 113–114
3. Самарханова Э.К. Информационно-образовательное пространство: теоретико-методологический аспект : монография. Н.Новгород : НГПУ, 2011. 130 с.
4. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию : учебное пособие для студентов. М. : Смысл, 2001. 337 с.
5. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М. : Высшая школа : Амскортинтернэшнл, 2004. 305 с.
6. Махмутов М.И. Принцип профессиональной направленности обучения // Принципы обучения в современной педагогической теории и практике. Челябинск : ЧПУ, 2015. 386 с.

7. Сысоев П.В. Культурное самоопределение личности как часть поликультурного образования в России средствами иностранного и родного языков // Иностранные языки в школе. 2003. № 1. С. 42–47.

References

1. Portal Federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovaniya [Elektronnyj resurs] // FGOS VO po napravleniyu podgotovki 51.03.01 Kul'turologiya. URL: <http://fgosvo.ru/news/2/1573> (data obrashcheniya: 05.06.2018).

2. Shevchenko A.I. Sozdanie informacionnoj mezhkul'turnoj professional'no-orientirovannoj sredy pri obuchenii inostrannomu yazyku studentov neyazykovyh special'nostej : sbornik nauchno-metodicheskikh trudov // Sovershenstvovanie prepodavaniya inostrannyh yazykov v shkole i vuze. Kirov : OOO «Izdatel'stvo Raduga-PRESS», 2017. Vyp. 19. S.113–114

3. Samerhanova E.H.K. Informacionno-obrazovatel'noe prostranstvo: teoretiko-metodologicheskij aspekt : monografiya. N.Novogorod : NGPU, 2011. 130 s.

4. YAsvin V.A. Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu : uchebnoe posobie dlya studentov. M. : Smysl, 2001. 337 s.

5. Safonova V.V. Sociokul'turnyj podhod k obucheniyu inostrannym yazykam. M. : Vysshaya shkola : Amskortinternehsnl, 2004. 305 s.

6. Mahmutov M.I. Princip professional'noj napravlenosti obucheniya // Principy obucheniya v sovremennoj pedagogicheskoy teorii i praktike. CHelyabinsk : CHPU, 2015. 386 s.

7. Sysoev P.V. Kul'turnoe samoopredelenie lichnosti kak chast' polikul'turnogo obrazovaniya v Rossii sredstvami inostrannogo i rodnogo yazykov // Inostrannye yazyki v shkole. 2003. № 1. S. 42–47.

ЛЮДИ И ДАТЫ

К 100-летию Республики Башкортостан

УДК 94 (470.5)

М.А.Филимонов

Рабочий вопрос в политике органов советской власти и антибольшевистских правительств в годы гражданской войны (на материалах Башкортостана)

В статье анализируются основные направления деятельности органов советской власти и антибольшевистских государственных образований, действовавших в годы Гражданской войны на территории Башкортостана, по правовому регулированию трудовых отношений, развитию рабочего законодательства, рассматриваются проблемы образования и становления профессиональных союзов.

Ключевые слова и фразы: Уфимская губерния; Малая Башикирия; рабочий вопрос; рабочее законодательство; профессиональные союзы.

M.A.Filimonov

The Working Issue in the Policy of the Bodies of Soviet Power and Anti-Bolshevik Governments during the Civil War (Based on the Experience of Bashkortostan)

The article analyzes the main activities of the bodies of Soviet power and anti-Bolshevik state formations that operated during the Civil War in Bashkortostan on the legal regulation of labor relations, and the development of working legislation. In addition, it considers the problems of the creation and formation of trade unions.

Key words and phrases: Ufa province, Small (Malaya) Bashkiria, working issue, working legislation, trade unions.

Филимонов Михаил Алексеевич, профессор кафедры философии и истории Уфимского государственного авиационного технического университета, доктор исторических наук, профессор, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: filimonov.ma@mail.ru

© Филимонов М.А., 2018

Одной из наиболее острых социально-политических проблем российского общества на рубеже XIX–XX веков являлся рабочий вопрос, включавший взаимоотношения рабочего класса с предпринимателями и правительством. Он возник в правительственной политике в связи с формированием новых общественных классов – буржуазии и фабрично-заводского пролетариата и означал борьбу рабочего класса с владельцами предприятий за улучшение своего экономического и социального положения.

Царское правительство под воздействием развернувшегося стачечного движения пролетариата в конце XIX в. предпринимало попытки разработки рабочего законодательства. Специальными законами была сокращена продолжительность рабочего дня до 11,5 часов, запрещена ночная работа женщин в ряде отраслей промышленности, ограничен труд детей и подростков, введены институт фабричной инспекции и коллегиальные губернские присутствия по фабричным делам, которые осуществляли общий надзор за работой промышленных казенных (государственных) предприятий. Однако в целом политика царизма в решении рабочего вопроса была непоследовательной, половинчатой. Фабрично-заводское законодательство было направлено в основном на «поддержание порядка» на предприятиях. Запрещались законами как уголовно наказуемые преступления коллективные действия рабочих (забастовки, митинги, собрания и др.), не допускалось создание пролетарских организаций, в том числе и профсоюзов, способных защищать экономические интересы рабочих [1, с. 307].

Начало возникновению профсоюзного движения на территории Уфимской губернии, как и в целом по стране, положила Первая российская революция. Летом и осенью 1905 г. в ходе забастовочной борьбы на металлургических заводах Южного Урала, в Уфимских железнодорожных мастерских и депо явочным порядком создавались первые профессиональные организации пролетариата – выборные заводские комиссии, рабочие союзы. В октябре 1905 г. было образовано отделение профсоюза почтово-телеграфных работников Самаро-Златоустовской железной дороги. На основе «Временных правил о профессиональных обществах», принятых правительством России в марте 1906 г., в Уфе были созданы профсоюзы пищиков, работников торговых предприятий, нелегально действовали союзы уфимских железнодорожников, портных, деревообделочников [2, с. 26–27]. Однако после поражения революции профсоюзное движение на предприятиях промышленности, транспорта, торговли практически прекратилось.

Временное правительство, пришедшее к власти после свержения самодержавия, сразу же приступило к разработке и принятию законодательных актов по рабочему вопросу, первоочередными из которых были законы о свободе создания обществ и союзов, о рабочих комитетах в промышленных заведениях. Министерство труда, учрежденное 5 мая 1917 г., обеспечило принятие нормативных актов о примирительных учреждениях и биржах труда, об обеспечении рабочих на случай болезни, о запрещении ночной работы женщин и детей. Однако некоторые важнейшие законопроекты (о 8-часовом рабочем дне, о свободе стачек, о минимальной оплате труда, об обеспечении безработных и др.) так и не были доведены до стадии принятия их в качестве законов [3, с. 68–69].

Октябрьская революция 1917 г. дала толчок новым процессам в решении рабочего вопроса: были приняты законы о введении 8-часового рабочего дня, о рабо-

чем контроле над промышленностью и финансами, об увеличении пенсий рабочим, пострадавшим от несчастных случаев и т. д. В условиях, когда советское государство объявило себя государством «диктатуры пролетариата», социальный слой политически активных рабочих оставлял производство и направлялся на работу в различные управленческие структуры. В Уфимской губернии в конце 1917 г. – начале 1918 г. представители рабочего класса были включены в сформированные органы новой власти: Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов, губернский совет народного хозяйства, Уфимский народный комиссариат труда, другие звенья государственного аппарата [4, с. 78].

Четырнадцатого ноября 1917 г. на основе декрета ВЦИК и СНК во всех промышленных, торговых, банковских, транспортных, кооперативных и других предприятиях, использовавших наемный труд, был введен рабочий контроль над производством и распределением. За немедленное проведение в жизнь этого декрета 13 декабря 1917 г. высказалось общее собрание фабрично-заводских комитетов г. Уфы. 21 декабря был создан Уфимский совет рабочего контроля, под руководством которого работали контрольно-распределительные комиссии при профсоюзах [5, с. 345].

Рабочий контроль был рассчитан на постепенный переход всей частнособственной промышленности в руки пролетарского государства. Но в скором времени реализация программы советского правительства по постепенному обобществлению буржуазной собственности на основе введения рабочего контроля, а также тестирования лишь ведущих отраслей промышленности, использования банков для контроля над движением товаров была свернута. Началась «красногвардейская атака» на капитал, в ходе которой предприятия конфисковывались у их владельцев и национализировались, в результате чего был сметен курс на государственный капитализм, т. е. соединение нового государства в лице Советов и подконтрольных ему частнокапиталистических предприятий [6, с. 177].

Одним из первых декретов Совнаркома от 8 декабря 1917 г. были национализированы предприятия Симского акционерного общества горных заводов Уфимской губернии. Местные власти национализировали Миньярский, Аша-Балашовский, Саткинский заводы, Таналык-Баймакские предприятия Южно-Уральского горно-промышленного общества. В собственность государства перешли также все судоходные предприятия Бельского речного бассейна, частные коммерческие банки [7, с. 359].

Проведенная беспорядочно национализация оказала крайне негативное влияние на финансирование текущей деятельности предприятий. Недовольство рабочих, вызванное несвоевременной выплатой заработной платы, а также принудительной мобилизацией в Красную Армию в связи с выступлением Чехословацкого корпуса, привели к вооруженным выступлениям рабочих. В Златоустовском горном округе Уфимской губернии летом 1918 г. вспыхнули антибольшевистские восстания рабочих Кусинского, Саткинского, Артинского заводов, организаторами которых выступили местные «союзы фронтовиков», изначально созданные для решения различных социально-бытовых вопросов.

Во время восстания рабочих Кусинского завода, которое началось 14 июля 1918 г., повстанцами было убито 23 большевика. В заводском поселке вместо ревкома был избран новый орган власти – исполнительный комитет в составе семи че-

людей, сформирован военный штаб. Красногвардейскими отрядами восстание в Кусе было подавлено 24 июля 1918 г. [8, с. 113].

Причинами восстания в Саткинском заводе явились недовольство рабочих ухудшением жизни, голодом, неприятие крестьянами политики продовольственной разверстки и запрета на свободную торговлю, возмущение торговых предпринимателей наложением контрибуции в размере 300 тысяч рублей, привлечением жителей к принудительным работам по очистке территории заводского поселка. Для оперативного руководства восстанием был создан временный штаб народного ополчения, в который вошли члены «Союза фронтовиков» Ф.Ф.Еретнов, В.А.Андреев, И.М.Утробин, И.М.Соколов, Н.Я.Лузин и другие активисты, входившие в организацию правых эсеров. Членами штаба были сформированы вооруженные отряды численностью свыше 500 человек, создана контрразведка, введена смертная казнь. Повстанцы установили связь с командованием Оренбургского казачьего войска, членами антисоветского подполья, действовавшими в Челябинске и Златоусте, на некоторых других заводах. На средства местных торговых предпринимателей было приобретено оружие, проводилась активная агитационно-пропагандистская работа среди населения.

После ухода на фронт красногвардейских отрядов большевики не располагали силами для вооруженного сопротивления восставшим рабочим. 19 июня 1918 г. советская власть в Саткинском заводе была свергнута. Повстанцам удалось отбить атаки красногвардейских отрядов на Бердяушском и Сулейнском направлениях, захватить железнодорожные станции Бакал, Бердяуш, Сулея и удерживать власть до прихода белогвардейских войск. Собрание граждан Саткинского завода, состоявшееся 23 июля 1918 г., приняло резолюцию, в которой признало законной властью Временного Сибирского правительства, выступило за «немедленный созыв Всероссийского Учредительного собрания на основе всеобщего прямого, равного, тайного голосования из граждан Сибири, Урала, так и других примыкающих к Сибирскому правительству местностей». Волостная управа аннулировала декреты советского правительства, отменила твердые цены на сельскохозяйственную продукцию, объявила свободу торговли. Из жителей Сатки и окрестных волостей был сформирован 24-й Саткинский пехотный полк. Вытеснив большевиков из Златоустовского уезда Уфимской губернии, восставшие перенесли свою деятельность на соседние уезды Пермской губернии [9, с. 139–140].

После падения большевистской власти короткий промежуток времени, с 5 по 25 июля 1918 г., верховная власть в Уфимской губернии принадлежала Временному комитету Уфимской городской думы (ВКУГД), в состав которого входили лидеры губернских партийных организаций кадетов, меньшевиков, народных социалистов, представители профессиональных союзов. Комитету подчинялись уполномоченные по военным, социальным, экономическим и иным сферам деятельности, при уполномоченных действовали комиссии и советы, при активном участии которых осуществлялись самые первые преобразования переходного периода на территории губернии. Так, одним из указов Временного комитета запрещались насильственные меры при осуществлении денационализации промышленных предприятий. Для разрешения спорных вопросов была образована специальная комиссия по вопросам промышленности, в которую входили представители ВКУГД, торгово-промышленных кругов и профсоюзов [10, с. 91, 97].

В конце июля 1918 г. на территории Уфимской и Оренбургской губерний установилась власть антисоветского Самарского правительства – Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), большое значение в деятельности которого уделялось вопросам улучшения социально-экономического положения рабочих и служащих. Об этом свидетельствовали постановления о 8-часовом рабочем дне, о сохранении в силе декретов советской власти при приеме и увольнении рабочих и служащих, об охране и регулировании труда в промышленности, торговле, сельском и домашнем хозяйстве, о запрещении локаутов [11, с. 27].

В Декларации Комуча, принятой в июле 1918 г., отмечалось, что «действующие законы и постановления об охране труда сохраняют свою силу впредь до пересмотра их в законодательном порядке. Ведомству труда, ныне заменившему Комисариат труда, вменяется в строгую обязанность иметь неослабное наблюдение за исполнением этих законов и постановлений, а властям судебным и следственным предлагается беззамедлительно расследовать и разрешать дела по нарушениям законов о труде. Рабочие и крестьяне приглашаются защищать свои интересы только законным путем во избежание анархии и развала. Всякий расчет и приостановка работы предприятий, не оправдываемые условиями производства или совершаемые по соглашению предпринимателей в целях борьбы с рабочими или правительством, воспрещаются под угрозой строжайшей ответственности». Самарское правительство допускало существование профсоюзов. В Декларации указывалось, что «определенные законом права профессиональных союзов полностью сохраняют свою силу впредь до пересмотра законоположений о них. К участию в подготовке пересмотра законов по охране труда будут, безусловно, привлекаться представители трудящихся и предпринимателей. Коллективные договоры должны сохранять свою силу впредь до их отмены соглашением сторон или пересмотра законов, касающихся этих договоров» [12, с. 316].

С другой стороны, Комуч стремился обеспечить права и интересы предпринимателей. Предпринимателям предоставлялось право требовать от рабочих интенсивного и доброкачественного труда в течение всего рабочего времени, определенного законом и договором, и увольнять не подчиняющихся этим требованиям, соблюдая соответствующие законные нормы. Предпринимателям предоставляется право увольнять лишних рабочих с соблюдением установленных для этой цели законов и постановлений» [13, с. 88].

Златоустовский уезд Уфимской губернии с середины июля до начала ноября 1918 г. контролировало Временное Сибирское правительство. Оно проводило курс на жесткое восстановление трудовой дисциплины на предприятиях, перевод рабочих на сдельную оплату труда, сохранение 8-часового рабочего дня и системы социального страхования трудящихся. Рабочим разрешалось создавать организации только профессионального типа при условии их обязательной регистрации в установленном законом порядке [14, с. 220].

Далее, 19 августа 1918 г. в Екатеринбурге представителями партий меньшевиков, эсеров, народных социалистов и кадетов было образовано Временное областное правительство Урала. По замыслу его руководителей оно должно было контролировать территории Пермской губернии, восточных уездов Вятской губернии, а также Челябинского, Троицкого и Верхнеуральского уездов Оренбургской губернии, Златоустовского, Уфимского и Стерлитамакского уездов Уфимской губернии.

Однако из-за соперничества с другими антибольшевистскими правительствами, а также из-за отсутствия финансовых средств и собственных вооруженных формирований его реальная власть распространялась на Пермскую губернию и северо-восток Уфимской губернии. Программа правительства по рабочему вопросу предусматривала всемерное развитие производительных сил и промышленности края, учреждение государственного контроля над производительностью труда и максимумом прибыли предприятий, упразднение органов рабочего контроля, созданных при советской власти, сохранение права рабочих на 8-часовой рабочий день и заключение трудовых договоров с предпринимателями [15, с. 90].

Необходимо отметить, что Уральским областным правительством была разработана социально ориентированная программа в сфере трудовых отношений. На основе установленных норм прожиточного минимума были определены минимум и максимум заработной платы за 8-часовой рабочий день при условии выполнения установленной нормы выработки. Для чернорабочих он составлял 8 рублей, для высококвалифицированных рабочих – 20 рублей. На основе закона от 24 сентября 1918 г. создавались биржи труда, организовывались общественные работы для безработных. Правительство ввело даже уголовное преследование предпринимателей за нарушение законов об охране труда [16, с. 156–157].

В целях преодоления раздробленности антисоветских сил 8 сентября 1918 г. в Уфе открылось Государственное совещание, в котором приняли участие делегации Комуца, Временных правительств Сибири, Урала, Эстонии, Башкирского и Туркестанского автономного правительств, Народного совета Алаш-Орды, Астраханского, Енисейского, Иркутского, Оренбургского, Семиреченского, Сибирского, Уральского казачьих правительств, а также представители партий эсеров, социал-демократов (меньшевиков), кадетов, трудовиков, социал-демократической группы «Единство», Союза возрождения России, Союза земств и городов, Сибирской областной думы. На нем присутствовало, по некоторым данным, 150, по другим – 170 делегатов, половина из которых являлась членами партии эсеров [17, с. 737].

Двадцать третьего сентября 1918 г. в соответствии с «Актом об образовании Всероссийской верховной власти» делегатами Уфимского государственного совещания было создано Временное Всероссийское правительство (Уфимская директория), программа которого в области трудовых отношений предусматривала борьбу с хозяйственной разрухой, содействие развитию производительных сил страны, привлечение к производству частного капитала и поощрение частной инициативы и предприимчивости, государственное регулирование промышленности и торговли, развитие рабочего законодательства на началах действительной охраны труда и регулирования условий найма и увольнения рабочих, признание полной свободы коалиций [18, с. 140].

Особое внимание делегатами совещания уделялось развитию профессионального движения. Один из руководителей Уфимской директории В.М.Зензинов в интервью газете «Вестник Временного Всероссийского правительства» в качестве основной задачи нового государственного образования в области рабочей политики назвал проведение в жизнь закона о профсоюзах, положение которых в то время он считал «катастрофическим». По его мнению, «государство должно обеспечить рабочим хорошее и действенное рабочее законодательство, чтобы рабочий класс был поставлен в здоровые и нормальные условия жизни и труда, и оно должно достичь

этого хотя бы для того, чтобы иметь право требовать от рабочих хорошей работы, превратив их из государственных приживальщиков при Советской власти в свободных граждан свободной России, располагавших всеми гражданскими правами и связанными всеми гражданскими обязанностями». Председатель Совета министров Уфимской Директории П.В.Вологодский утверждал, что «Директория должна гарантировать рабочим все их законные права в рамках демократического режима и предпринять ряд социальных реформ в области рабочего вопроса» [19, с. 59].

Однако Директория была признана лишь правительством Северной области, в связи с чем не получила общероссийского значения и играла определенную роль в государственно-правовом оформлении антибольшевистского лагеря лишь на востоке России. Она стала переходным этапом от демократической формы организации анти-советской власти к авторитарной, что в конечном итоге выразилось в установлении военно-диктаторского режима адмирала А.В.Колчака. Уфа дважды находилась под контролем правительства Колчака: в декабре 1918 г. и в марте–июне 1919 г. Омское правительство, сформированное 18 ноября 1918 г., отменило все декреты советской власти, приняло закон о денационализации промышленности, ввело единоличное управление предприятиями, упразднило органы рабочего контроля. Вместе с тем в правительстве было сохранено министерство труда, при активном участии которого были восстановлены биржи труда, утвержден закон о больничных кассах как органах страхования рабочих, разрабатывались коллективные договоры между трудовыми коллективами предприятий и их владельцами, при возникновении конфликтов создавались примирительные камеры, третейские суды. Была разрешена деятельность рабочих клубов и других культурно-просветительных учреждений [20, с. 220].

Однако известный уральский историк И.В.Нарский отмечает очень низкую эффективность социально-экономической политики Омского правительства: «Министерства и ведомства временных областных правительств, ведавшие рабочим вопросом и представленные умеренными социалистами, разработали в 1918 г. пакет документов об охране труда, часть которых затем была использована в законодательной деятельности режима А.В.Колчака. При нем вступили в силу законодательные акты о страховании рабочих, о биржах труда, правилах найма и увольнения и ряд других. Эффект социальной политики был, однако, невелик. В условиях дальнейшего упадка промышленности биржи труда фактически вынуждены были ограничиться регистрацией безработных без реальной помощи им; закон, гарантировавший увольняемому рабочему выходное пособие в размере двухмесячного жалования, сплошь и рядом нарушался; введение сдельной оплаты труда сопровождалось понижением тарифных ставок, а свобода профессиональных союзов сводилась на нет репрессиями в отношении их активистов» [21, с. 167].

Летом 1919 г. войска Красной Армии перешли на Восточном фронте в наступление. 8 июня от колчаковцев был освобожден г. Бирск, 9 июня – г. Уфа, 4 июля – Катав-Ивановский и Белорецкий заводы, 13 июля – г. Златоуст. С восстановлением советской власти в Уфимской губернии и образованной в марте 1919 г. Башкирской АССР (Малой Башкирии) развернулась работа по восстановлению народного хозяйства. Вопросами развития промышленного производства занимались Уфимский губернский совет народного хозяйства, в Башкирской республике – реорганизованный к осени 1919 г. Башкирский совнархоз. Органы центрального управления и местные власти основное внимание уделяли заводам военно-стратегического значе-

ния, которых в Уфимской губернии и в Малой Башкирии насчитывалось 20 из 171 предприятия общероссийского значения [22, с. 81–82].

Одновременно проводилась работа по возрождению профсоюзов. Направление развития профсоюзного движения в стране были определены I Всероссийским съездом профсоюзов, который состоялся в январе 1918 г. «Центр тяжести работы профсоюзов в настоящий момент, – указывалось в резолюции съезда, – должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профсоюзы как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил страны» [23, с. 89]. Линия на активизацию хозяйственной деятельности профсоюзов, привлечения их к восстановлению производства была закреплена в решениях II и III Всероссийских съездов профсоюзов, состоявшихся соответственно в 1919 г. и 1920 г.

Важным событием в истории профсоюзного движения края явилась I Уфимская губернская конференция профсоюзов, состоявшаяся 8–13 сентября 1919 г. В ее работе участвовали 144 делегата, представлявшие 55,8 тыс. членов профсоюзов. Конференция обсудила доклады о работе Уфимского губернского совета профсоюзов, о задачах профсоюзов и их роли в производстве, о работе губернского совета народного хозяйства, о профсоюзах, отделе труда и их взаимоотношениях, о продовольственном вопросе и кооперации, заявила о своей полной поддержке советской власти, избрала губернский совет профсоюзов, коллегии губернского отдела труда, коллегии Уфимского губернского совнархоза, губернский отдел социального обеспечения [24].

Профсоюзы участвовали в формировании хозяйственных органов, в разработке планов работы предприятий, осуществляли контроль за выполнением производственных программ. В отчете Уфимского губернского совнархоза за 1920 г. отмечалось, что «вся работа ГСНХ за отчетный период протекала в полном контакте с профессиональными союзами и их объединительным центром – губернским советом профсоюзов. Все органы, управляющие промышленностью, имеют своей основной производственно-профессиональные союзы» [25, с. 36].

В чрезвычайно сложной обстановке восстанавливалось профсоюзное движение в Малой Башкирии. Молодая республика оказалась лишенной экономического, политического и культурного центра, промышленных районов. Малочисленность рабочего класса ограничивала возможности развития профсоюзов. На процесс профсоюзного строительства большое воздействие оказывали также отсутствие опытных работников, недостаток материальных средств. Наиболее успешно проводилась работа по восстановлению профсоюзов в Тамьян-Катавском кантоне, где располагалась белорецкая группа заводов. К началу 1920 г. профсоюзы здесь объединяли 12130 человек. В Юрматинском кантоне в профсоюзы вступили 2400 человек, в Табынском – 1220, в Дуван-Кущинском – 1200, в Бурзян-Тангауровском – 669, в Кудейском – 150 человек. Как правило, первыми в кантонах создавали свои профсоюзы служащие государственных учреждений. Эти союзы зачастую объединяли работников других предприятий и организаций. В Табынском кантоне наряду с союзом работников государственных учреждений был образован профсоюз рабочих стекла и фарфора, фабрично-заводской комитет соляного источника. Там, где не было промышленных предприятий, в профсоюзы вовлекались башкирские бедняки, занятые на лесозаго-

товках, а также кустари и отдельные мастеровые. В большинстве кантонов были созданы руководящие профсоюзные органы – кантпрофбюро [26].

Далее, 18 февраля 1920 г. в Стерлитамаке была созвана профсоюзная конференция, в повестке дня которой были два вопроса: организационный и тарифный. Конференция избрала Всебашкирское профсоюзное бюро (Всебашпрофбюро), которое возглавило работу по созданию профсоюзов на территории республики [27].

В Стерлитамаке 24–27 мая 1920 г. состоялся I Всебашкирский съезд профсоюзов. Он обсудил отчет о работе Всебашпрофбюро, доклады о решениях III Всероссийского съезда профсоюзов, по организационному и тарифному вопросам, об участии профсоюзов в восстановлении народного хозяйства республики, о I съезде Советов БАССР, о работе народных комиссариатов труда, рабоче-крестьянской инспекции, наркомата продовольствия, избрал руководящие органы профсоюзов. В резолюции «Об участии профсоюзов в возрождении народного хозяйства» съезд всецело присоединился к постановлениям III Всероссийского съезда профсоюзов и предложенным им мерах восстановления разрушенной промышленности и народного хозяйства.

В числе этих мер были названы: проведение всеобщей трудовой повинности, милитаризация труда, замена коллегиального управления единоличным. В резолюции «О работе Народного комиссариата труда» съезд указал, что этот орган государственной власти «не сумел завоевать себе должный авторитет в глазах внешней власти, не смог должным образом влиять на политику рабочего вопроса в АСБР из-за того, что коллегия наркомтруда не выбиралась профсоюзами, а назначалась сверху и была оторвана от масс» [28].

После съезда работа по созданию профессиональных союзов Башкирской АССР заметно активизировалась. К осени 1920 г. на территории республики было организовано 12 отраслевых профсоюзов: работников советских и торговых учреждений, народной связи, народного образования, местного транспорта, земли и леса, пищевой и деревообрабатывающей промышленности и др.). Многие из них провели свои учредительные съезды, избрали руководящие органы. Профсоюзы принимали активное участие в восстановлении народного хозяйства, в укреплении трудовой и производственной дисциплины, оказывали помощь Красной Армии.

Список использованных источников

1. Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М. : Наука, 1989. 576 с.
2. Филимонов М.А. Профсоюзы Башкортостана в XX веке: социальные ориентиры и опыт практической деятельности. Уфа : УГАТУ, 2002. 290 с.
4. Евдошенко И.В. Временное правительство и реформы трудовых отношений в России (февраль–октябрь 1917 г.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 13. С. 67–73.
5. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.) : сборник документов и материалов. Уфа : Башкиргоиздат, 1957. 532 с.
6. История России. XX век / А.Н. Боханов, М.М. Горинов, В.П. Дмитренко и др. М. : Изд-во АСТ, 1996. 608 с.
7. Уральская историческая энциклопедия / 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург : Академкнига : УрО РАН, 2000. 640 с.

8. Вебер М.И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. 309 с.
9. Вебер М.И. «Златоустовская катастрофа» и ее значение в контексте общей ситуации на Северо-Урало-Сибирском фронте // Документ. Архив. История. Современность : сборник научных трудов. Вып. II. Екатеринбург, 2010. С. 125–141.
10. История Башкортостана. 1917–1990-е годы : в 2 т. Т. 1: 1917–1945. Уфа : Гилем, 2004. 400 с.
11. Медведев В.Г. Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в Поволжье и Сибири в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920 гг.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 46 с.
12. Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922) : сборник документов и материалов : в 3 ч. / [Г. В. Мордвинцев (руков.) и др.]; Восточная экономико-юридическая и гуманитарная академия (Академия ВЭГУ); Архивное управление при Кабинете Министров РБ. Уфа, 2016. 648 с.
13. Макаrchук С.В. Вопросы социальной и культурной политики в распорядительной документации КОМУЧа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 35. С. 83–90.
14. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. 440 с.
15. Иванов В.А. Социально-экономическая политика Временного областного правительства Урала (август – ноябрь 1918 г.): к истории изучения проблемы // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 2 (46). С. 89–95.
16. Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика «демократической контрреволюции»: июнь–ноябрь 1918 года // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках. Челябинск, 1997. С. 146–159.
17. Багаутдинов Р.О. Уфимское государственное совещание 1918 года // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1 (1). С. 737–739.
18. Назыров П.Ф., Никонова О.Ю. Уфимское государственное совещание: документы и материалы // Вестник Челябинского университета. 1999. № 1. С. 127–140.
19. Казанчиев А.Д. Уфимская директория 1918 года. Уфа : Восточный университет, 2003. 116 с.
20. Отраднова А. Правительство А.В. Колчака в годы Гражданской войны (идеология, программа, деятельность) // Гражданская война как феномен мировой истории : материалы научной конференции. Екатеринбург, 2008. С. 216–222.
21. Нарский И.В. Уральская промышленность в 1917–1922 гг.: социалистический эксперимент или консервация «оригинального строя» // Промышленность Урала в XIX–XX веках : сборник научных трудов / под ред. В.П. Чернобровина. М. : Аиро-XX, 2002. С. 157–185.
22. История Башкортостана в XX веке : учебник для студентов вузов / под ред. М.Б. Ямалова, Р.З. Алмаева. Уфа : Изд-во БГПУ, 2007. 308 с.
23. Профсоюзы СССР: документы и материалы : в 4 т. Т. II. Профсоюзы в период построения социализма в СССР. Октябрь 1917 г.–1937 г. М. : Профиздат, 1963. 868 с.
24. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 8897. Оп. 1. Д. 9. Л. 63.
25. Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. 1. Рабочий класс Башкирии в борьбе за социализм. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1971. 326 с.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 4. Д. 141. Л. 50.
27. НА РБ. Ф. 8897. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.
28. НА РБ. Ф. 22. Оп. 4. Д. 93. Л. 1–34.

References

1. Rabochij klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala HKH veka. M. : Nauka, 1989. 576 s.
2. Filimonov M.A. Profsoyuzy Bashkortostana v HKH veke: social'nye orientiry i opyt prakticheskoj deyatel'nosti. Ufa : UGATU, 2002. 290 s.
4. Evdoshenko I.V. Vremennoe pravitel'stvo i reformy trudovyh otnoshenij v Rossii (fevral'–oktyabr' 1917 g.) // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 13. S. 67–73.
5. Podgotovka i provedenie Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii v Bashkirii (fevral' 1917 g. – iyun' 1918 g.) : sbornik dokumentov i materialov. Ufa : Bashkniigoizdat, 1957. 532 s.
6. Istoriya Rossii. HKH vek / A.N. Bohanov, M.M. Gorinov, V.P. Dmitrenko i dr. M. : Izd-vo AST, 1996. 608 s.
7. Ural'skaya istoricheskaya ehnciklopediya / 2-e izd., pererab. i dop. Ekaterinburg : Akademkniga : UrO RAN, 2000. 640 s.
8. Veber M.I. Antibol'shevistskoe povstanchestvo na Urale v gody Grazhdanskoj vojny (1918–1919 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2014. 309 s.
9. Veber M.I. «Zlatoustovskaya katastrofa» i ee znachenie v kontekste obshchej situacii na Severo-Uralo-Sibirskom fronte // Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost' : sbornik nauchnyh trudov. Vyp. II. Ekaterinburg, 2010. S. 125–141.
10. Istoriya Bashkortostana. 1917–1990-e gody : v 2 t. T. 1: 1917–1945. Ufa : Gilem, 2004. 400 s.
11. Medvedev V.G. Politiko-pravovaya organizaciya antisovetskih gosudarstvennyh obrazovanij v Povolzh'e i Sibiri v gody Grazhdanskoj vojny i inostrannoj intervencii (1918–1920 gg.) : avto-ref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Saratov, 2004. 46 s.
12. Pravoohranitel'nye organy Ufimskoj gubernii v perelomnye gody istorii (1894–1922) : sbornik dokumentov i materialov : v 3 ch. / [G. V. Mordvincev (rukov.) i dr.]; Vostochnaya ehkonomiko-yuridicheskaya i gumanitarnaya akademiya (Akademiya VEHGU); Arhivnoe upravlenie pri Kabinete Ministrov RB. Ufa, 2016. 648 s.
13. Makarchuk S.V. Voprosy social'noj i kul'turnoj politiki v rasporyaditel'noj dokumentacii KOMUCHa // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2016. № 35. S. 83–90.
14. Rynkov V.M. Social'naya politika antibol'shevistskih rezhimov na Vostoke Rossii (vtoraya polovina 1918 – 1919 g.). Novosibirsk : In-t istorii SO RAN, 2008. 440 s.
15. Ivanov V.A. Social'no-ehkonomicheskaya politika Vremennogo oblastnogo pravitel'stva Urala (avgust – noyabr' 1918 g.): k istorii izucheniya problemy // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. 2013. № 2 (46). S. 89–95.
16. Nikonova O.YU. Social'no-ehkonomicheskaya politika «demokraticeskoy kontrevolyucii»: iyun'–noyabr' 1918 goda // Problemy social'no-ehkonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Urala v XVIII–XX vekah. CHelyabinsk, 1997. S. 146–159.
17. Bagautdinov R.O. Ufimskoe gosudarstvennoe soveshchanie 1918 goda // Vestnik Bashkirskego universiteta. 2012. T. 17. № 1 (1). S. 737–739.
18. Nazyrov P.F., Nikonova O.YU. Ufimskoe gosudarstvennoe soveshchanie: dokumenty i materialy // Vestnik CHelyabinskogo universiteta. 1999. № 1. S. 127–140.
19. Kazanchiev A.D. Ufimskaya direktoriya 1918 goda. Ufa : Vostochnyj universitet, 2003. 116 s.
20. Otradnova A. Pravitel'stvo A.V. Kolchaka v gody Grazhdanskoj vojny (ideologiya, programma, deyatel'nost') // Grazhdanskaya vojna kak fenomen mirovoj istorii : materialy nauchnoj konferencii. Ekaterinburg, 2008. S. 216–222.
21. Narskij I.V. Ural'skaya promyshlennost' v 1917–1922 gg.: socialisticheskij ehksperiment ili konservaciya «original'nogo stroya» // Promyshlennost' Urala v XIX–XX vekah : sbornik nauchnyh trudov / pod red. V.P. Chernobrovina. M. : Airo-HKH, 2002. S. 157–185.
22. Istoriya Bashkortostana v HKH veke : uchebnik dlya studentov vuzov / pod red. M.B. YAmalova, R.Z. Almaeva. Ufa : Izd-vo BGPU, 2007. 308 s.

-
23. Profsoyuzy SSSR: dokumenty i materialy : v 4 t. T. II. Profsoyuzy v period postroeniya socializma v SSSR. Oktyabr' 1917 g.–1937 g. M. : Profizdat, 1963. 868 s.
 24. Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). F. 8897. Op. 1. D. 9. L. 63.
 25. Formirovanie i razvitie sovetskogo rabocheho klassa Bashkirskoj ASSR. CH. 1. Rabochij klass Bashkirii v bor'be za socializm. Ufa : Bashk. kn. izd-vo, 1971. 326 s.
 26. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-5451. Op. 4. D. 141. L. 50.
 27. NA RB. F. 8897. Op. 1. D. 26. L. 3.
 28. NA RB. F. 22. Op. 4. D. 93. L. 1–34.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 81:316

РЕЦЕНЗИЯ
на энциклопедию «ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО», изданную
в Научно-исследовательском центре национально-языковых
отношений Института языкознания РАН
(М. : «Азбуковник», 2016. 872 с.)

Социолингвистическая энциклопедия «Язык и общество», изданная в Москве в 2016 г., заслуживает дополнительного анализа и оценки, и, соответственно, рекомендации к использованию как издание, комплексное и всестороннее раскрывающее основы современного состояния отечественной социолингвистики и языковой жизни многонациональной и многоязычной Российской Федерации. Материал издания удачно собран и изложен в четырех разделах.

Первый раздел – теоретический, в котором освещены актуальные теоретико-методические вопросы социальной лингвистики, показана социальная дифференциация, описаны понятия «двуязычие» и «многоязычие», охарактеризованы проблемы «язык и политика», «язык и культура» и пр. Во втором разделе приводится понятийный аппарат социолингвистики с представлением кратких дефиниций терминов, тесно сопряженный со сведениями, данными ранее в «Словаре социолингвистических терминов» (2006), без отображения межтерминологических системных связей, имеющим место в предшествующем лексикографическом издании. Третий раздел энциклопедии содержит социолингвистический портрет языков коренных народов РФ, основанный на динамике параметров социальных функций языков в разных сферах общения. И четвертый раздел включает единообразное алгоритмизированное описание языковой ситуации в 22 республиках России с учетом роли русского языка как государственного, языка единения многонациональной этнической общности в его сочетании с социальными функциями государственных языков этих республик.

Практическая значимость энциклопедии бесспорна и подтверждена поддержкой гранта РГНФ, что еще раз подчеркивает актуальность, востребованность и своевременность выхода в свет этого издания. Можно с большой долей уверенности сказать, что оно станет настольной книгой не только для тех, кто профессионально занимается научным исследованием перечисленных выше проблем, но и для работников государственных органов, реализующих языковую политику в стране, а также широкой общественности, которая интересуется языковой жизнью многонациональной страны.

Приведенную общую характеристику рецензируемого издания хотелось бы дополнить авторскими комментариями по ряду содержащихся в нем важных позиций.

Функционирование языка, как известно, во все времена происходит в тесной связи с развитием соответствующей языковой общности – носителя этого языка.

Эта связь особенно ярко реализуется в периоды значительных социальных перемен. Многонациональные государства в своем развитии часто сталкиваются с необходимостью решать языковые проблемы, однако эта необходимость заметно усиливается на фоне социальных реформ. Открытость, ориентированность российского общества на демократию и рыночную экономику обусловили значительные изменения: усиливаются миграционные потоки, изменяется национальный состав ряда регионов, варьируется уровень образования и многие другие социальные параметры социалем. Подобные процессы влияют на речевую практику, языковую компетенцию и языковую ориентацию языковых общностей. Подобные явления требуют глубоких социолингвистических исследований, результаты которых не только определяют векторы решения важных проблем в соотношении языка и общества на современном этапе, но и получают адекватную и объективную интерпретацию существующих материалов, создадут единую картину языковой жизни многонациональной страны в оригинальных публикациях.

Среди изданий, отражающих такие исследования, можно назвать опубликованный в 2006 году «Словарь социолингвистических терминов» (под ред. проф. В.Ю.Михальченко. М. : Институт языкознания РАН, НИЦ НЯО, 312 с.), который представляет собой первое в российской науке систематизированное описание девятисот терминов и их вариантов относительно новой области научных исследований – социальной лингвистики. В нем даны наиболее частотные термины, отражающие опыт как отечественной, так и зарубежной социолингвистики. Лексикографическое издание дополнено также краткой библиографией научных трудов по социолингвистике. Тем не менее, дефицит таких уникальных руководств и научно-методологических подспорий не исчерпан и ощущается и в настоящее время.

Важнейшей особенностью энциклопедии «Язык и общество», изданной под редакцией доктора филологических наук, профессора В.Ю.Михальченко, является, по словам ее авторов то, что она содержит в себе «систематизированный свод знаний об основных закономерностях функционирования языка в обществе» (с. 3 рецензируемого издания). В предлагаемой читателю книге представлены четыре раздела: 1) теоретический, в котором освещены актуальные теоретико-методические вопросы социальной лингвистики, показаны социальная дифференциация, описаны понятия «двуязычие» и «многоязычие» и разграничены смежные с ними термины, охарактеризованы проблемы «язык и политика», «язык и культура» и пр.; 2) понятийный аппарат социолингвистики с представлением кратких дефиниций терминов, тесно сопряженный со сведениями, данными в «Словаре социолингвистических терминов» (2006), без отображения межтерминологических системных связей, имеющим место в предшествующем лексикографическом издании; 3) социолингвистический портрет языков коренных народов РФ, основанный на динамике параметров социальных функций языков в разных сферах общения; 4) единообразное алгоритмизированное описание языковой ситуации (далее – ЯС) во всех республиках России с учетом роли русского языка как государственного, как языка единения многонациональной этнической общности в его сочетании с социальными функциями государственных языков республик.

Данная особенность определила и обозначенную выше структуру книги, что определяет возможности широкого применения ее содержания не только в академической науке, но и в практике вузовского преподавания. Факт обретения социальной

лингвистикой статуса одной из вузовских дисциплин базового и/или регионального компонентов ФГОС обязывает трансформировать накопленные научные знания в учебные материалы. Будущих филологов необходимо и важно обучать не только конкретному знанию структуры и уровней языка, но и умению разбираться во всей сложности функционирования и взаимодействия языков в современном мире.

Следующей особенностью рецензируемой работы является ее идейно-тематическое родство с двухтомным изданием «Письменные языки мира: Языки Российской Федерации» (2000; 2003), содержащим данные об условиях функционирования языков России, их социальных ролях в разных сферах общения.

Со структурно-содержательной точки зрения расположение имеющегося в энциклопедии обширного материала, с одной стороны, удачно способствовало приведению его к общему знаменателю, что обеспечивает удобство восприятия массива социолингвистических данных читателем. С другой стороны, успешная алгоритмизация описания языковой ситуации в отдельных республиках РФ привела к досадным техническим оплошностям и смысловым противоречиям. Так, на с. 692 при описании «сферы театра и кино» читаем: «В РБ 11 профессиональных драматических театров...» (по данным же Башкомстата на 2014 г. в РБ 15 театров). На с. 693 в заключении статьи языковая семья (ЯС) РБ характеризуется как «трехкомпонентная экзогlossная несбалансированная», при этом на с. 15 в обобщенной таблице «Региональные модели языковой политики в РФ» Башкортостану приписывается двухкомпонентная (двуязычная) модель, в которой русский язык выступает как «государственный язык РФ и республиканский государственный язык». На с. 790 в завершающем выводе по текстовому описанию ЯС Республики Татарстан неожиданно в наименовании республики упоминается... Башкортостан.

Не совсем корректным считаем формулировку «... на момент присоединения Башкирии к России башкиры составляли абсолютное большинство населения *республики*» на с. 693 книги (выделено авт. – Э.С., Н.И.). Как известно, в середине XVI века территория исторического Башкортостана находилась в составе государств – Ногайской Орды, Астраханского, Казанского и Сибирского ханств. Данный факт, по мнению историков, обусловил одновременное принятие ими Московского подданства и значительно осложнило процесс.

В определенной степени дискуссионными, а также нарушающими стандарты академического стиля изложения, представляются фразы: «На сегодняшний день проблема “татаризации” башкир стоит даже острее, чем проблема русификации», «...В этой ситуации опасность ассимиляции башкир татарами очень высока» (с. 693), по-разному интерпретируемые как в научных, так и в политически ориентированных кругах башкортостанского сообщества. В некоторых идеологически окрашенных контекстах подобные утверждения приобретают провокативный характер, что в целом не присуще для республики, отличающейся толератными и гармоничными межэтническими, межконфессиональными и межъязыковыми отношениями. В принятых нормативно-правовых документах обозначена поддержка государственных языков РБ, предусмотрены конкретные мероприятия по ее реализации и установлен приоритет национально-регионального компонента, исходя из особенностей каждого народа. Государственные меры (см., в частности, такие государственные программы, как «Сохранение, изучение и развитие языков народов Республики Башкортостан», «Народы Башкортостана», «Башкиры Российской Федерации») и их практи-

ческая реализация в 2000–2020 гг. призваны способствовать максимальному раскрытию национально-культурного потенциала всех народов, населяющих Башкортостан. Другой вопрос – пути рациональной и полной реализации обозначенных программ и планов – вне данной публикации, нуждается в отдельных комментариях и обсуждениях.

Поскольку в числе методов сбора и интерпретации материала при подготовке издания указывается «...изучение статей республиканских ученых...» и пр., сожаление вызывает отсутствие в списке источников ключевых работ профессора Башгосуниверситета Л.Л.Аюповой (к слову сказать, исследователя, одной из первых защитившей докторскую диссертацию по ЯС РБ в конце 1990-х годов!), в которых разрабатываются важнейшие для современной социальной действительности проблемы языковой политики и языкового строительства (см., например, монографию «Языковая ситуация: социолингвистический аспект» (2000), а также иные издания и статьи).

По мнению известного российского тюрколога и социолингвиста А.Н.Баскакова, дополнение ею существующей классификации критериев огосударствления языков еще одним параметром – *полифункциональностью языка* – весьма важно, поскольку этот критерий выступает индикатором различия государственного и официального языка, статус и функционирование которых не совпадают ни по репертуару социальных функций, ни по правовому положению в обществе. Удостоенный в 2006–2007 гг. гранта «РГНФ-Урал» коллективный труд «Социо- и психолингвистический портрет носителя языка в условиях полиязычного Башкортостана» (2007) – работа, из числа трех авторов почему-то значится только Н.В.Исмагилова.

Социологический подход к изучению билингвизма представлен уникальными в своем роде исследованиями А.П.Майорова «Социальные аспекты взаимодействия языков в билингвистическом коммуникативном пространстве» (1997) и «Социальный билингвизм и языковое пространство» (1998). Разработка концептуальной базы социологии билингвизма обеспечивает понимание динамики социальных билингвистических процессов, глубокое проникновение на познавательном уровне в структуру социума, в пределах которого происходит взаимовлияние языков, что имеет значимость в решении вопросов, касающихся языкового строительства. Актуальность этой проблемы все более возрастает на фоне глобализации и этнической идентификации современного мира. Отметим также интегративный характер исследований последних лет в Башкортостане, позволяющих выделить тенденцию к *социопсихолингвистическим* разработкам.

Нельзя не обойти вниманием этнологические исследования, которые ведутся в рамках макросоциолингвистики в УЭИ УФЦ РАН – Институте этнологических исследований под руководством профессора Ф.Г.Сафина. Этнологические процессы, сопряженные с этно- и социолингвистическими особенностями региона, всегда были в поле зрения отечественных классиков-языковедов, этно- и социолингвистов. В дополнение к указанным в списке литературы работам последнего десятилетия, наглядно демонстрирующим неослабевающий интерес исследователей к указанной проблематике, следует назвать публикации: И.В.Кучумова «К проблемам идентичности и межкультурного взаимодействия (на примере русского населения Башкортостана)» (2010); Р.М.Мухаметзяновой-Дуггал «Формирование новой модели государственной политики в сфере свободы совести и ее реализация на региональном

уровне (на примере Республики Башкортостан)» (2010); Ф.Г.Сафина, Г.Р.Баймухаметовой, А.И.Фатхутдиновой «Особенности этнодемографических процессов в Республике Башкортостан (1989–2002 гг.)» (2011) и другие.

Теоретическая и практическая ценность проводимых в настоящее время социо-, психо- и этнолингвистических исследований достаточно высока, поскольку ученые Республики Башкортостан ведут научные изыскания, опираясь на особенности *социальной* и *коммуникативной* базы языков. В этом плане подобная работа имеет не только общепилологическую, но и общегуманитарную значимость.

Возникшие по ходу чтения текста энциклопедического издания «Язык и общество» вопросы и замечания не снижают высокой оценки и огромной значимости для отечественного и мирового языкознания проделанной авторским коллективом работы, являются легкоустраняемыми в электронной версии и последующих изданиях книги. Основная задача коллектива авторов энциклопедии выполнена на достойном данном формате издания уровне. Здесь дана общая картина соотношения языков коренных народов России с соответствующими языковыми общностями, показаны процессы языковой функциональной динамики, а также подробно освещены теоретические и методические вопросы современной социолингвистики, обозначен и описан ее понятийный аппарат, охарактеризованы методы и приемы исследований.

Салихова Эльвина Ахнафовна, профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, доктор филологических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: salelah12@yandex.ru

Искужина Наиля Гайфулловна, профессор кафедры истории, обществознания и культурологии Института развития образования Республики Башкортостан, доктор филологических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: iskuzhina@mail.ru

УДК 93/94

Памяти сражавшихся и павших советских героев Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

В Архангельском районе Республики Башкортостан 20 июня 2018 года прошел круглый стол, посвященный Дню памяти и скорби и 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза маршала авиации И.И.Пстыго. Его инициаторами и организаторами выступили Министерство культуры РБ, администрация Архангельского района, Центр гуманитарных исследований Минкультуры, Региональные отделения Академии военных наук России и Российского военно-исторического общества в РБ.

Заседанию круглого стола предшествовали торжественное возложение участниками, жителями и учениками цветов к бюсту маршала И.И.Пстыго у школы в селе Валентиновка и на площади села Архангельский к памятнику воинам-архангельцам, павшим в боях за Родину в 1941–1945 гг. и в международных конфликтах.

В районном Доме культуры к присутствовавшим участникам, жителям и ученикам с приветствиями обратились руководство РБ, депутаты Госдумы, главы администрации Архангельского и Кармаскалинского районов республики.

Тематика глубоко патриотичных докладов и сообщений была очень разнообразна. Были заслушаны доклады об участниках войны – Героях Советского Союза маршале И.И.Пстыго (учитель истории Н.Л.Комзалова), фронтовом разведчике В.Г.Недошивине (военный журналист, полковник М.Е.Андреев), командире подлодки из Башкирии Я.П.Афанасьеве (музейный работник В.А.Ложкин) и И.А.Антипине (учительница Е.Ю.Соснина).

Директор Центра гуманитарных исследований М.Х.Марданов, опираясь на рассекреченные данные, рассказал о роли башкирской базы Коминтерна в организации движения Сопротивления на оккупированных фашистами территориях Восточной Европы.

О вкладе народов Башкортостана в победу над фашизмом в 1941– 1945 гг. рассказали глава администрации Кармаскалинского района Ф.Ф.Чингизов, директор музея Дома дружбы народов РБ А.А.Ибрагимов, учительница истории Бакалдинской школы Д.Ш.Асадуллина.

Вопросам увековечения памяти фронтовиков и тружеников тыла были посвящены доклады: «Авиапоиск как направление в увековечении памяти подвига авиаторов Башкортостана» (доклад по телемосту депутата Госдумы И.З.Бикбаева, руководителя поисковиков РБ), «Тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в музеях РБ» (докладчик – директор музея Боевой славы РБ И.И.Утяев), «О работе РБ по монументальной пропаганде военной истории Отечества» (доклад заместителя Центра гуманитарных исследований В.В.Латыповой). Руководитель Российского военно-исторического общества в РБ Р.Н.Рахимов остановился на вопросах атрибуции фотографий военнослужащих Красной Армии 1941–1945 гг.

Заведующий отделом Института истории, языка и литературы УНЦ РАН М.Н.Фархшатов рассмотрел проблемы «Западной историографии первых послевоенных десятилетий по отношению фашистской Германии к военнопленным красноармейцам из нерусских народов СССР».

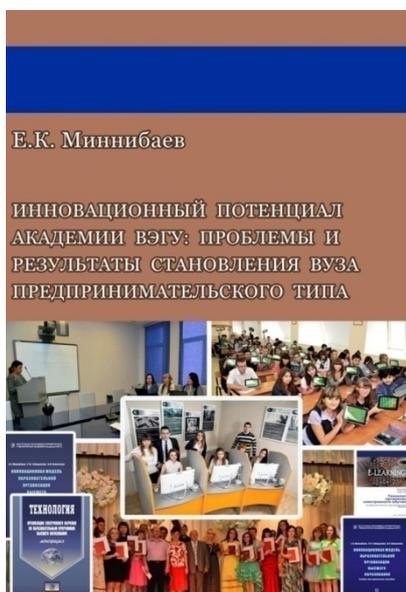

Старший научный сотрудник Академии ВЭГУ раскрыл итоги, уроки и цену Победы советского народа над фашизмом и милитаризмом.

Все участники круглого стола подчеркивали высокий массовый патриотический дух и деятельный характер сопротивления советского народа фашистской агрессии, указывали на необходимость дальнейшего укрепления и развития традиций защиты Отечества, прежде всего среди учеников и молодежи.

Мордвинцев Геннадий Васильевич, ученый секретарь президиума РО АВН по РБ, член-корреспондент АВН, кандидат исторических наук, доцент, Республика Башкортостан, г. Уфа; конт. инф.: gmordvintsev@mail.ru

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Миннибаев Е.К. Иновационный потенциал Академии ВЭГУ: проблемы и результаты становления вуза предпринимательского типа / Е.К. Миннибаев ; Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). – Уфа, 2018. – 60 с. : ил.

В работе, рассматривая иновационный потенциал современного отечественного вуза, автор останавливается на характеристике такого вуза как образовательной организации предпринимательского типа, способной только за счет результатов своей основной деятельности эффективно функционировать в условиях рыночной экономики.

Автор подробно останавливается на проблемах иновационного развития отечественной системы образования, раскрывает причины существования и углубления этих проблем, а также анализирует пути их

разрешения с использованием возможностей государственных и частных вузов, в частности Академии ВЭГУ. Внимание уделено доступности образования, его качеству и сложившейся практике его оценки, конкуренции в образовательной среде, современным технологиям образовательной деятельности. Акцент делается на электронном обучении, его новых возможностях, принципиальных преимуществах и направлениях развития.

Маликов М.Ф. Договорная концепция башкирской государственности: методология изучения : монография / М.Ф. Маликов ; Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). – Уфа, 2018. – 272 с.

В монографии рассматриваются теоретические, методологические, гносеологические, политические, институциональные, функциональные, организационные основы изучения башкирской государственности и регионального законодательства на основе принципа преемственности протофедеративных и протогосударственных образований в соответствии с дискреционными и конституционно-договорными отношениями в России.

Предназначена для аспирантов и соискателей, студентов высших, средних специальных и средних учебных заведений, депутатов всех уровней, читателей, интересующихся проблемами государственного строительства в условиях трансформации федеративных отношений в современной России.

Ахмадуллина Х.М., Ахмадуллин У.З. Общая и специальная гигиена : учебное пособие для студентов вузов / Х.М. Ахмадуллина, У.З. Ахмадуллин ; Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). – Уфа, 2018. – 316 с.

Актуальность учебного издания обусловлена необходимостью использования будущими специалистами по физической культуре в профессиональной деятельности современных знаний в области общей и специальной гигиены. Включает разделы, раскрывающие основные положения общей гигиены и гигиены адаптивной физической культуры и спорта.

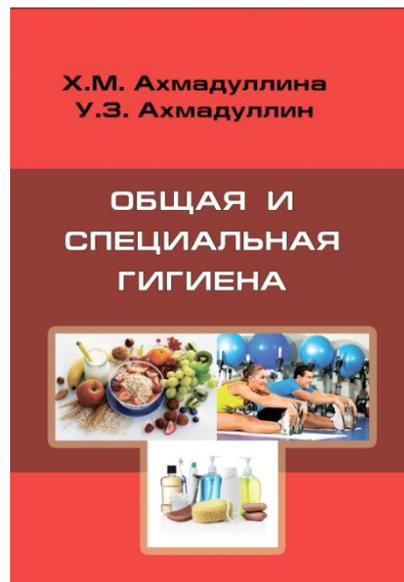
Содержание учебного пособия поддерживает формирование таких компетенций специалиста, как умение осуществлять гигиеническое сопровождение физкультурно-спортивной деятельности занимающихся, включая инвалидов; способность грамотно воспитывать у подопечных потребности в здоровом образе жизни и соблюдении правил личной гигиены; готовность развивать навыки самоконтроля состояния здоровья; умение планировать содержание занятий и других форм использования физических упражнений с учетом возраста, пола, нозологических форм заболеваний занимающихся, санитарно-гигиенических основ образовательной деятельности, климатических, национальных, религиозных особенностей.

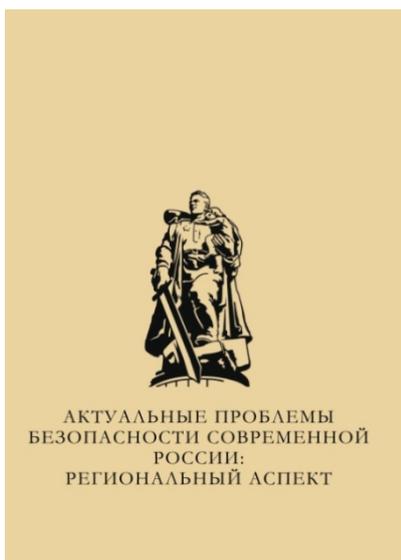
Издание адресовано студентам вузов, колледжей, специалистам в области физической культуры, преподавателям адаптивной физической культуры, тренерам, руководителям и педагогам образовательных учреждений всех уровней, врачам, а также всем, кто интересуется проблемами формирования собственного здоровья и здорового образа жизни.

20 лет служения Отечеству и военной науке (к 20-летию юбилею Регионального отделения Академии военных наук по Республике Башкортостан) : исторический очерк / отв. ред. Е.К. Миннибаев ; авт.-сост.: С.В. Егорышев, Г.В. Мордвинцев ; Академия военных наук ; Региональное отделение Академии военных наук по Республике Башкортостан ; Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). – Уфа, 2017. – 144 с. : ил.

В историческом очерке отражается история становления и развития Регионального отделения Академии военных наук по Республике Башкортостан, представлены основные, наиболее значимые результаты научно-исследовательской работы отделения за 20 лет существования.

Адресовано тем, кто интересуется различными аспектами безопасности личности, общества и государства.

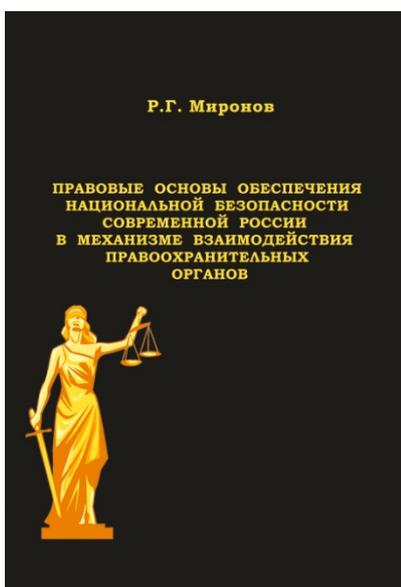

Актуальные проблемы безопасности современной России: региональный аспект : сборник научных статей / отв. ред. Е.К. Миннибаев, ред.-сост.: С.В. Егорышев, Г.В. Мордвинцев ; Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ) ; Региональное отделение Академии военных наук по Республике Башкортостан. – Уфа, 2017. – 300 с.

В сборник включены статьи ученых – членов Регионального отделения Академии военных наук России по Республике Башкортостан, а также других специалистов Москвы и Уфы. Авторы говорят о многообразии понятия «безопасность», характеризуют основные виды угроз, с которыми сталкивается Россия и ее регионы, указывают на необходимость быстрого и эффективного реагирования на эти угрозы с целью обеспечения безопасности социума на региональном уровне.

Сборник рекомендуется сотрудникам государственных структур, органов правопорядка, общественным деятелям, научным и вузовским работникам, представителям средств массовой информации и краеведам.

Миронов Р.Г. Правовые основы обеспечения национальной безопасности современной России в механизме взаимодействия правоохранительных органов : монография / Р.Г. Миронов ; Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). – Уфа, 2018. – 192 с.

В монографии рассматриваются основные направления организации и правового регулирования взаимодействия правоохранительных органов в деятельности по обеспечению национальной безопасности Российского государства. Особое внимание уделено важным характеристикам составных элементов национальной безопасности, теоретическим и методологическим аспектам формирования механизма взаимодействия правоохранительных органов по обеспечению государственной и общественной безопасности и правопорядка, а также анализу практической деятельности этих органов в системе мер защиты прав и свобод личности, приоритетных интересов общества и государства.

Охарактеризована система обеспечения национальной безопасности в совокупности ее сил и средств, в которых федеральным законодательством предусмотрена правоохранительная служба. Показаны чрезвычайные угрозы и риски национальной безопасности в рамках геополитических изменений современного мира.

Монография представляет интерес для специалистов различных отраслей знаний, интересующихся проблемами обеспечения безопасности.

ИНФОРМАЦИЯ АВТОРАМ

В научном журнале «Вестник ВЭГУ» публикуются статьи как известных ученых и специалистов-практиков, так и молодых исследователей, аспирантов и докторантов.

Рукописи статей с присвоенным индексом УДК принимаются в электронном виде (возможно и представление идентичного печатного варианта) на электронный адрес редакции.

Статья предваряется аннотацией, отражающей основную идею статьи (30–50 слов), и списком ключевых слов и выражений (5–7) на русском языке. Аннотация и ключевые слова размещаются перед основным текстом после заглавия статьи.

Рекомендуемый объем научной статьи: докторам наук – до 20 страниц, кандидатам наук и докторантам – 10–16 страниц, аспирантам – 8–10 страниц.

К рукописи статьи прикладывается рецензия, подписанная доктором наук, специалистом по научному направлению статьи, заверенная печатью по месту работы рецензента. Для авторов, не имеющих ученой степени, обязательно наличие двух рецензий, одна из которых (внешняя) – от доктора наук. Аспиранты и адъюнкты предоставляют рецензию, подписанную научным руководителем и заверенную по месту его работы.

В сведениях об авторе обязательно указываются фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, почетные звания российского и международного уровней (по желанию); должность и место работы с расшифровкой аббревиатур; контактный телефон, адрес электронной почты, почтовый адрес (для отправки авторского экземпляра журнала).

Авторам рекомендуется в тексте статьи не злоупотреблять самоцитированием и цитированием статей, опубликованных в журнале «Вестник ВЭГУ» (не более двух сносок). Рекомендуется также использовать зарубежные источники и включать их в список использованной литературы.

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят обязательное рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Отклоненные работы не возвращаются.

Технические требования к набору рукописи:

- шрифт Times New Roman, 14 pt;
- поля (сверху, снизу, слева, справа) – 2 см;
- отступ автоматический: для заголовка – нет, для текста – 1,27 см;
- межстрочный интервал – 1,5 (полуторный);
- рисунки и фотографии должны быть вставлены в текст, а в электронном виде представлены отдельными файлами в формате jpeg;
- пробелы везде одинаковые (между инициалами и фамилией пробелов нет).

В конце статьи помещается *Список использованных источников* на русском языке, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5-2008.

*Плата с аспирантов и адъюнктов за публикацию не взимается
(необходимо предоставить справку с места обучения)*

**Подробные требования к оформлению рукописей статей представлены на сайте
www.vestnik.vegu.ru**

**Телефон редакции: 8 (347) 241-55-56
E-mail: vestnik@vegu.ru**

Ответственность за достоверность информации, содержащейся
в статьях, несут их авторы, мнения
которых могут не совпадать
с точкой зрения редакции.
Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с авторами
в соответствии с Законом РФ
«О средствах массовой
информации». При перепечатке
материала ссылка
на «Вестник ВЭГУ» обязательна
Уфа
2018

Редактор: Г.А.Рахимова
Компьютерная верстка:
А.В.Бабенкова
Перевод: Д.А.Галиева

Подписано в печать 24.08.2018 г.
Формат 60×90 ¹/₈.
Уч.-изд. л. 24,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 28.

Адрес издателя и редакции:
450071, г. Уфа,
ул. Менделеева, 215/4
Тел. (347) 241-55-56
web-сайт: www.vestnik.vegu.ru
e-mail: vestnik@vegu.ru

Типография Восточной экономико-юридической гуманитарной академии
(Академии ВЭГУ).

450105, г. Уфа, ул. М.Рыльского, 9/1
Свободная цена.

© Восточная экономико-юридическая
гуманитарная академия
(Академия ВЭГУ), 2018

Федеральное государственное унитарное предприятие "Почта России" Ф СП - 1
 Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ На ~~газету~~ журнал
(индекс издания)

Вестник ВЭГУ
(наименование издания)

Количество комплектов

На 20 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому

Линия отреза

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	ДОСТАВОЧНАЯ	<input type="text" value="81410"/>
ПВ	место	литер	КАРТОЧКА	<small>(индекс издания)</small>

На ~~газету~~ журнал **Вестник ВЭГУ**
(наименование издания)

Стоимость	подписки	<input type="text"/> руб.	Количество комплектов	<input type="text"/>
	каталожная	<input type="text"/> руб.		
	переадресовки	<input type="text"/> руб.		

На 20 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

<input type="text"/>											
Город											
село											
почтовый индекс											
область											
Район											
код улицы											
улица											
дом											
корпус											
квартира											
Фамилия И.О.											